

**ЛАРИСА
БАБИЕНКО**

**КАК
ЖИВЁТСЯ ВАМ?
БЕЗ СССР?**

Лариса Т. Бабиенко

Как живется вам без СССР?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6396508

Лариса Бабиенко. Как живется вам без СССР?: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0566-5

Аннотация

Лариса Бабиенко – публицист и драматург, родилась в г. Андижане Узбекской ССР. В советское время печаталась в журналах «Юность», «Сельская молодежь», «Сельская новь». А ныне – главный редактор газеты «За СССР», девиз которой: «Ни один человек и ни одна республика СССР не стали для нас бывшими!». Всеми публикациями на страницах газеты главный редактор старается поддержать осмеянного и униженного советского человека, вернуть ему уверенность и прежнее достоинство.

Новая книга автора «Как живется вам без СССР?» – летописное полотно, посвященное трагическим страницам разрушения Советского Союза.

Содержание

Предисловие	4
Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Лариса Бабиенко

Как живется вам без СССР?

Предисловие

На краю леса у обрыва, будто статная красавица на подиуме (какова собою!), замерла сосна, крепкая и могучая. Лесник с ходу определит ее возраст – лет сто. Но это по лесным законам – почти молодость. Жить ей еще долго, хотя сучья внизу обломаны, ажурная крона только у вершины. По янтарному стволу уже торчат сухие ветви, а понизу и вовсе – почерневшие от времени ости. Вроде они и не мешают дереву, но и не опадают вовсе, как бы напоминая, что были когда-то свежими и первыми ветвями у дерева. А это похоже на зарубки первых увлечений и симпатий человека!

Видим, стоит он на лужайке еще мальчишкой, оглядывается с любопытством вокруг, тем более что же там – вдали? Вот потянулся к солнцу, упрятал от ветра свои вихры, тряхнул головой и, ощутив неожиданную силу, побежал на окраину леса. Глядь, и подрос за лето так, что уже не боится ни зимы, ни ветра, ни соседей негожих, от которых теперь легко отмахивается, будто от неожиданно налетевшего хулигана. На другой год росту уже в нем столько прибавилось, что уверенно оглядывает он теперь бугры, овраги и бегающих по лесу грибников.

И вот у ствола крепкого, пахнущего целебной смолой, присел на траву у обрыва паренек уже с девушкой, спустя какое-то время гуляет он тут с дочкой, шустро бегающей за капустницей. Мимо деловито скользит уж, прошел со стадом пастух, крикнула в речной протоке утка, вспорхнул жаворонок, плотнула свежего воздуха береза. Все вокруг ярко, свежо, первородно.

Но с годами эти впечатления увяли, утратили свою значимость и первоначальность, детали тех дней осыпались в забвенье, как пожелтевшие хвоинки в траву, где их уже не отыщешь, разве что редкую из них увидишь в сухом покрове.

Я наклонилась и подняла из забвения все, что за долгие годы пережила сама, а со мною и моя страна. Мне не хотелось, чтобы в историческое беспамятство выпали не только лучшие, но и трудные ее страницы, те крепкие ветви огромного сильного дерева – моего государства, которые вдруг насильно отчего-то обломали и выбросили прочь. Однако следы от них, как значимые, важные прежде впечатления, навсегда остались в моей памяти.

Не каждому дано – забыть... Мимолетные впечатления, конечно, теряются, как порывшие хвоинки в траве. Но и эти сгоревшие хвоинки – те моменты, которые пережили многие люди в свое время. Им, этим трудным и трагическим мгновениям, и посвящена моя книга.

Первые ростки Новой пролетарской литературы после разрушения Советского Союза... вот они, налицо!

Глава I

Загадка на семи баобабах, или Уравнение Шредингера

Как-то Хади сказал знакомой девушке:

– Я приехал из страны, где два Нила сливаются в один, а дети играют ананасами в футбол.

– В футбол... ананасами? – изумилась Анна, которая пробовала этот плод раз в жизни, и он показался ей сказочно вкусным. – Вот это жизнь! Где ж такая страна?

– В песках Африки, южнее Египта. Место, где я родился, называется «Деревня у воды», значит на берегу Нила. А ты?

– Я?... – Анна какое-то время подбирала слова, чтобы романтичнее рассказать о своей родине. – Понимаешь, мама во время войны оказалась в Узбекистане, в итоге я родилась... под гранатовым деревом!

Конечно, девушка умолчала, что родилась в обычном роддоме, в далеком и еще незнакомом для ее матери городе. После родильного дома ее мама со свертком на руках вначале несколько дней спала под вагоном, но через неделю в военкомате дали-таки жилье – комнату в восемь квадратных метров, которую пришлось делить еще с одной беженкой. Когда же кончилась война и многие эвакуированные вернулись в родные места, мать Анны получила большую светлую комнату, под окнами которой в память о переезде и был посажен гранатовый куст с такими чудными алыми кистями по весне, что век не забыть это одно из лучших творений природы.

– В детстве, когда я читала сказку про доктора Айболита и реку Лимпопо, конечно, мечтала попасть в Африку и сорвать банан прямо с ветки, – рассказывала Анна своему спутнику и добавила игриво: – Впрочем, я туда еще попаду, и в голубом платье непременно прогуляюсь вдоль Голубого Нила, а в белом – вдоль Белого Нила.

– Ну, – изумился Хади, – ты сможешь приехать в мою страну?

– Не только в твою страну. Я вообще... – Анна задрала голову, ткнула пальцем в дальний угол Вселенной и безапелляционно заявила: – Я буду вести первый репортаж на Марсе!

– Неужто?! – воскликнул он. – Ну и масштабы у тебя!

– Не у меня, – возразила девушка спокойно. – Это масштабы человечества. А моя страна от него не отстает. Даже впереди прогресса мчится.

К полудню мороз усиливался. Сюда, к глубокому оврагу над рекой, не доносился ни один звук с бегущей поверху дороги.

– Когда я впервые увидел снег, – рассказывал Хади, восхищенно поглядывая на деревья в серебристом инее и кусты, похожие под снегом на огромные белые розы, – то подумал, что с неба падает абрэ, мука, из которой моя мать делает напиток.

– Кто твоя мама? – поинтересовалась Анна.

– Крестьянка.

Дальше он сообщил, что мать его владеет полем, на котором вместе с детьми выхаживает хлопок. Хади тоже в детстве собирал хлопок и помогал продавать его.

– Вечерами мама на молитвенном коврике, просит помощи у аллаха, чтобы перекупщики не обманули ее. В доме четверо детей.

– И помогает?

– Кто?

– Ну, к кому она обращается, стоя на коленях?... – замялась Анна.

– По-разному. Иногда... мама очень плачет.

– Где твой отец? Почему он сам не продает хлопок? Мужчину труднее обмануть. Молодой человек замялся.

– Понимаешь, – смущенно объяснил он. – У нас в стране многоженство. У папы еще две жены. В общем, у меня еще много братьев и сестер.

– Бедная женщина, каково ей пришлось! – Анна была в шоке и спросила с болью в голосе: – Как живет, что думает твоя мама, зная, что у мужа она не одна?

– Таковы у нас обычаи.

– Зачем они вот такие?

Будущей журналистке тут же захотелось дать бой на страницах газеты подобным обычаям, чтобы навсегда вытряхнуть мужчин из этой подлой, но очень удобной для них ветхозаветности.

– На земле уже двадцатый век! – возмутилась она.

– В нашей стране это норма... Отец – юрист, нормально зарабатывает, немного своей первой жене помогает.

– Немного? Ему самому немного бы помогать с детьми на руках.

Хади тихо попросил:

– Не надо, это же мой отец...

– Тоже будешь многоженцем? – гневно спросила Анна и повернулась лицом к своему спутнику.

Парень рассмеялся, успокоил спутницу и объяснил:

– У нашего поколения это уже не принято. Мы – цивилизованные ребята. И по нынешней жизни, говорят мужчины, одну жену с детьми трудно содержать и кормить. Не переживай, у меня будет одна жена...

Хади не сводил взгляда с одиноких снежинок, медленно падающих на его темные и теплые ладони.

– Вчера мама прислала письмо, – сказал он и вытащил из кармана конверт. – Она спрашивает, правда ли, что в России люди с хвостами?

– Неужели так и написала? – рассмеялась Анна. – В вашей деревне еще такая дикость? Подул ветер, ели тряхнули снег на головы прогуливающейся вдоль реки пары.

– Конечно. Так и написала. Маме никто не читал «Капитал», ей с детства читали только «Коран». Грамотности большой в нашей деревне нет. Но маму я свою очень люблю.

Засунув руки поглубже в карманы, студент с гордостью уже рассказывал о том, что его прапрадед был вождем племени, и когда к излучине Нила прибыл отряд англичан, в составе которого был юный и наглый капитан, вождь племени в ответ смело повел своих людей на захватчиков с тесаками и кольями в руках. Конечно, все они погибли. Англичане впервые опробовали на живущих в нубийских песках африканцах автоматы системы «Максим». Спустя много лет тот дерзкий капитан – Уинстон Черчилль – написал книгу под названием «Война на реке», в которой подробно рассказал о тех сражениях. Только забыл рассказать о том, как в те дни его соотечественники косили невинных людей тысячами.

Много древних цивилизаций сменили одна другую в Нубии, и уже первые найденные в ее песках останки свидетельствуют о какой-то борьбе. Пятьдесят восемь скелетов, покрытых тяжелым слоем песка и камней, найденные к северу от Вади-Хальфа, были с повреждениями на костях. Рядом – наконечники стрел. Немало нубийцев, соплеменников храброго вождя, людей в ослепительно белых просторных одеяниях, погибли и в те времена, когда вниз по Нилу уходил последний отряд англичан. Среди погибших опять было немало родственников Хади.

– Я же сам немного помню Вторую мировую войну.

– Каким образом? Вы были далеко от всех фронтов.

– Фашисты, если ты помнишь, пришли и в Африку. Зачем-то им понадобился целый мир. Тогда от нашей долины на помощь египтянам в битве под Аль-Аламейн из нашей провинции послали... сто слонов.

– Что послали?.. – удивившись, спросила Анна.

– Да, да... – подтвердил Хади. – Я помню, как караван шел мимо нашей деревни. Глядя на погонщиков с автоматами в руках, моя мама горько плакала. Я впервые тогда услышал слово... война.

Вагончики метро над белой пропастью шустро бегали с одного берега на другой.

– Нелепо, правда? – понял мысли девушки Хади. – Бронетанковый корпус Роммеля и... сто слонов. Но что еще тогда могла дать моя Нубия? Мы же были колонией. Главное – в другом. Наш народ тоже был против той войны. Среди погонщиков слонов был и брат моей мамы. Он не вернулся, навсегда остался под чужим танком.

Насмешливая улыбка тут же сползла с лица Анны.

– Значит, и у вас почти все мужчины погибали в этих проклятых войнах? – задумчиво спросила она. – Мой отец, артиллерист, погиб на войне в те же годы. Он даже не узнал, что я родилась. Подорвался на mine.

Теперь Хади во всем был понятен Анне. Она словно наяву увидела, как от тяжеленного труда, будто стебелек под косой, падала вечерами его мать. Как в редкие минуты отдыха она радовалась тому, что растут ее дети, как в сыне ее, самом младшем, копят энергию, мысли, сила. Та сила, которая поможет потом мальчишке вырваться с того пятака земли, на котором – лишь жесткая подчиненность нужде, лютая зависимость от дождя, ветра, песка, то и дело норовящих схватить за вихор и лихо потрепать и человеческий, и хлопковый росток.

– Ответь, – поинтересовалась Анна, – почему ты приехал в Россию?

– Не любил уроков истории в колледже.

–?!!

– Да, так. Наш учитель истории говорил, что Англия сыграла решающую роль в победе над Гитлером. А я не люблю ложь и сказал ему, что не хочу быть чернокожим англичанином. Не хочу повторять за ним историческую неправду.

– Так и сказал?

– Конечно. Ты даже не представляешь, как мистер Джонс тогда кричал на меня. Он орал мне прямо в лицо, как рабу. Он кричал, что Россия – нищая и никого не могла победить. Тогда я решил, что непременно сам узнаю, что такое Россия.

– И после этого прямо к нам через моря и долины? – опять начала подшучивать Анна.

– Немного не так. Мне повезло, – спокойно ответил Хади и пояснил, что к тому времени, когда он закончил колледж, Молодежная Лига компартии объявила в стране конкурс на поездку в Москву. Конечно, можно было найти ребят и в самой столице, более подготовленных, но десятки коммунистов с черной кожей, рискуя заболеть сонной болезнью, малярией, оспой, пробирались вдоль рек и озер, чтобы и в глухих деревенских местечках найти умных и толковых подростков.

– Тогда был огромный конкурс. Но голову мою, как видишь, заметили.

– Какой скромный, ну прямо... Ландау! – шутливо восхитилась Анна и спросила с лукавинкой в голосе: – Выходит, верно пишут в книгах, что человек из твоей страны непременно строен, высок, горд и имеет собственное достоинство?

– Книжки тебе не все сообщили, – в тон ей ответил Хади, – например, то, что наши дети возвращаются из школы на слонах.

Изумлению Анны не было предела.

– Неужто? Вот бы покататься на слоне!

– И ты этому поверила? – рассмеялся парень и не менее девушки изумился тому, что житель России может верить любой ерунде.

– Нас еще спрашивают на встречах, – добавил он, посмеиваясь, – растет ли в Нубии лук и водятся ли у нас обезьяны?

На другой тропке темнокожие девушки учились кататься на лыжах. Они падали, весело смеялись, кидались снежками.

– Ты тоже кое-что о моей Родине не знаешь... – заметила скромно Анна.

– Я уже здесь несколько лет, чего же все-таки не знаю?

– Видишь, ковыляют девчонки на лыжах? А ведь существуют лыжи не только для ног, но еще для локтей и коленей. Они нужны во время войны как дополнительный резерв для выживания.

– И впрямь не знаю! – согласился Хади, пригляделся к незадачливым лыжницам. – Из моей страны девушки! – поздоровавшись с ними, сказал он и добавил: – В медицинском учатся. Знаешь, каково досталось первой медсестре в нашей стране?

Мусульманские обычаи, оказывается, запрещают женщине касаться чужого мужчины, ее в таком случае считают уличной девкой. Сит Хаву родственники мужа выгнали на улицу с маленьким ребенком на руках. Ей в ту пору было... 14 лет.

Анна, конечно, поморщилась, произнесла сердито:

– Ну и дикость!

– Да, – согласился он, – представляешь теперь, сколько сделала наша компартия, чтобы эти девушки могли спокойно учиться в Москве и потом работать в своих городах и поселениях.

В небе прямо над ними мелькнула звезда и погасла. Опять мелькнула и погасла.

– Гляди, спутник-100 летит! Когда я улетал из дома в Россию, запустили только первый.

– Знаешь, о чем мечтали люди, которые многое сделали для того, чтобы мы учились в Москве?

– О чем же?

– Они мечтали дождаться того дня, когда с земли Африки поднимется в небо первый межпланетный корабль!

– Ничего себе!

Молодые люди подошли к маленькой церквушке над рекой, необыкновенно украшавшей набережную своими веселыми куполами. В общежитии студенты с гордостью рассказывали друг другу, что в ней венчался Кутузов.

– Не хватанули у вас лишнего насчет такой мечты? Еще Советский Союз не отправил меня в Галактику, а ты мечтаешь уже о том, чтобы рядом со мной летел межпланетный корабль из Африки.

– Почему бы и нет? – вспыхнул Хади. – Да, – согласился он. – Африка упустила эру пара, эру электричества, но мы, черные коммунисты, сделаем все, чтобы наш континент ничего больше не упустил! Ты хочешь на Марс? Полетим вместе. Будешь варить кашу, штопать плащ-палатку и вести свои репортажи.

– Давай пока опустимся на землю, – предложила Анна. – Скажи, какие птицы у вас летают?

Темные глаза Хади стали вдруг такими бездонными, будто до самого донышка высветили их тонкие лунные блики. От воспоминаний о Нубии он стал каким-то неладным, оцепенелым, будто внутри его что-то кликнуло, почуялось, и нет уже сил увести себя – ум, душу, чувства – в сторону, чтобы хоть на минуту вернуться в реальность.

– Как хочется домой! – жалобно заметил парень.

– Туда вроде и перелетная птица не летит.

– Мужчина без Родины – ноль. Птица, может, и мимо пролетит, но меня дома многие ждут. Я должен вернуться.

Лунные дорожки то и дело ныряли под черные тени берез, которые, будто их собственные впечатления, показывали то темные, то светлые стороны жизни. И в этой жизни, какой бы она ни была, им выпало нынче жить, потому их обоюдное знакомство с миром было бесконечным.

– Скажи, – вымолвил как-то Хади, – ваши республики – это колонии?

Анна оторопела.

– Какие колонии? – изумленно спросила она и объяснила, что девушек и парней коренной национальности из республик часто принимают в столичные институты без конкурса, хотя знания у них бывают слабоватыми. Но... там, на местах, нужны высококвалифицированные специалисты. – И добавила с горечью: – У меня, славянки, этот конкурс отнял несколько лет жизни. Я поступила в университет лишь на третий год. Представляешь?

Через минуту она усмехнулась:

– Ты б видел Узбекистан! И это колония? – возмутилась девушка и уже с пафосом рассказывала о том, какие в тех краях школы, библиотеки, театры в республике – на всех языках! – Везде больницы, фабрики... Ты б видел, какие там стройки, сколько электростанций, заводов!

– Да, я был в Ташкенте. Очень большой и красивый город!

– Ну, я правду говорю?

– Да!

В те дни и Анне довелось многое узнать о Родине Хади, о том, что в его краю – восемь месяцев жара, остальные – жуткая жарница, а у местных людей существует обычай: при встрече бережно обниматься и надолго застыть в молчании, глядя широко раскрытыми глазами через плечо друга. Но жителям этой страны надоело уже видеть через дружеское плечо то западногерманский капитал, то английский, люди нынче везде активно тянутся к прогрессу и демократии, потому и возникла в стране компартия, кстати, нынче самая влиятельная на континенте. Бывает, что какой-нибудь богатый феодал приходит к генеральному секретарю и просит:

– Возьми моего оболтуса в свою партию и сделай из него человека. Не пожалей сил. Заплачу тебе вот...

Феодал показывает рукой, мол, от пола до подбородка отсыплю долларов.

– Партия и без вступительного взноса работает с людьми, – отвечает с улыбкой на лице Махджуб. – Но мы сделаем из него коммуниста, не боишься?!

– Э-э, дорогой, что коммунист? Пусть так, лишь бы марихуану не курил. Пошли его куда-нибудь учиться.

– Если выдержит конкурс...

– Какой конкурс? – вопит богатый скотовод. – Где твоя Лига? Я всем ее членам деньги дам, пусть мой сын будет без конкурса.

– Без знаний невозможно...

Анна смеется, машет рукой:

– Ладно о феодале. Расскажи лучше о себе. Ты на все лекции ходишь, не отлыниваешь?

– Очень люблю лекции Ландау. И еще Якова Терлецкого. Он мой руководитель. Слушай, – интересовался теперь Хади, – почему ваши студенты ездят на целину? Это повинность? У нас ненавидят трудовую повинность... Однажды нашим крестьянам приказали строить дорогу: мимо собирался ехать английский губернатор. Наша деревня не тронулась с места, и всех потом оштрафовали. Почему у вас интеллигентные люди должны ехать в дикие места и выполнять чужие приказы?

– О мир элементарных частиц! Как ты не понимаешь? Почему бы студентам и не поехать? Там весело. Все такие дружные. Люди поют, рассказывают анекдоты, работают. Я сама поехала со своим курсом на целину. Меня никто к этому не принуждал.

– Не понимаю все же... пусть едут те, кто голодает, но тебе зачем?

Анна уже рассказывала, что целинный совхоз – это бесконечные поля пшеницы, обильные шампиньоны в степи, чудные березовые колки вокруг. Около одной из таких прохладных рощиц студенты факультета журналистики поклялись местному бригадиру Автюкову, что до осени непременно создадут совхозным свиньям почти человеческие условия, в том числе, комнату для матери и поросенка, а сами при этом обещают «не хрюкать», какие бы трудности не выпали на их долю.

Здоровый рослый Автюков, по его поводу в деревне шутили, что он один заменит на земле взвод солдат или трактор «Беларусь», целое лето охотно покрикивал на своих подопечных:

– А ну быстрее, рахитики! Надо щедрее работать, щедрее давать! Учтите, каждая щель – это ведро воды на поросенка. Штукатурьте стены лучше, еж твою кубрялка!

Все лето студенты охотно бегали за раствором, заливали бетоном опалубку, добросовестно, чтоб не оставить просвета на крыше даже с копеечку, замазывали глиной камышовые маты.

К вечеру на руках вспыхивали бесконечные волдыри, ресницы в глине шлепали по лицу, как калоши, но после ужина все бежали в степь, плясали у костра лихие твисты.

– Знаешь, как мы там пели? И песни сочиняли:

Догорают осенние листья
И полынные травы горчат,
Тихо-тихо поют журналисты,
Не умеющие молчать.

Анна изображала, как мальчишки бренчали на гитарах, какой огромной была степь вокруг и как они превосходно себя там чувствовали.

– Но лично тебе что дала целина? – спросил строго Хади.

Девушка долго не тянула с ответом.

– Щеки, из-за которых ушей не видно! – выпалила она. – Нас там вкусно кормили!

– И все? За тяжелый труд вам ничего не платили?

– Почему? Видишь эту шубу? Я купила ее на деньги, которые заработала на целине.

– Тогда почему о деньгах ты говоришь в последнюю очередь?

Такой примитивный вопрос удивил девушку. Она пожала плечами и робко заметила.

– Деньги – вроде не самое главное в нашей жизни...

«Убедила его или нет?», – смущенно думала в это время она, желая все-таки объяснить, что бескорыстие – совсем неплохая субстанция, если и вокруг тебя жизнь такая же, а почти все ребята рядом насмерть были лишены какой-либо алчности, и вообще, главное, когда есть с кем петь песни, улыбаться, дружить, да еще и любить.

Африка... В детстве она была для Анны страной Лимпопо, в которой добрый доктор непременно побеждает злого Бармалея. Потом как-то удивилась, почему так красиво называется река: Голубой Нил?

– Он не голубой, он мутный, – заметил Хади.

– Неужто? Почему?

Познакомившись с Хади, Анна то и дело задавала вопросы: какого цвета земля в Африке, как выглядят листья финиковой пальмы?

– Скажи, что такое африканский социализм?

– Перераспределение частной собственности, однако, не ликвидация ее.

Укоризненно, будто Хади лично виноват в таком половинчатом решении, она спросила:

– Отчего же не ликвидация?

– Какой феодал позволит, чтоб у него отняли поле, даже если оно очень большое? Этот вопрос решить, чтобы никого не обидеть, практически трудно.

– Но в России решили...

– Очень сложной ценой... И тогда решить бы его мягче. Чтоб ни один пласт людей не давил на другой.

– Как это можно, если хочешь, чтобы в стране жили все, а не существовали многие? Частная собственность разве не расправляется с людьми? Батракам в России прежде почти ничего не платили. Или давали за тяжелый труд такие гроши, что хватало жить лишь на соломе, притом на чужой. Этих людей не жалко? Кто их защитит? Они и восстали. Много было на земле восстаний, и только в моей стране за всю историю человечества рабочие победили!

Молодые люди уже были в общежитии, на том этаже, где жили физики. Девушки здесь были редкостью, тут они гляделись в диковинку. Лишь в комнате Хади собеседники перестали ощущать неловкость и могли спорить дальше.

На столе рядом с учебником по квантовой механике лежала книга французского философа Сартра. Хади наклонился над ней, перевернул страницы, потом воскликнул:

– Гляди, а ведь ты права! Посмотри, что пишет Сартр...

– Что?

Хади уже переводил с английского.

– «Бунт – всегда прав!».

– Вот видишь, я же говорила! – обрадовалась Анна, но через минуту задумалась.

– Странно видеть такие четкие определения у этого писателя, – проговорила она. – Сартр ведь – за свободу выбора, хочешь, живи с идеей, а то и вовсе без идеи живи. Любой поступок, даже гнусный, философ не осуждает. Что это за свобода, если она не ощущает ценности того или иного поведения?

– Налицо теорема относительности, – охотно ответил ей студент физфака. – Все в этом мире относительно, все можно изменить, если применить эту теорию к жизни. И тут же меняются принципы.

– Ой, только не надо! – взмолилась девушка. – Лично я категорически против такой свободы, – спорила с Хади, уже и с Сартром она, объяснив, что с ее точки зрения, если у тебя мать, жена, ребенок, и не заботиться о них – это свобода недочеловека. – Какая может быть у каждого свобода? Свобода быть свиньей... Объясни? Свобода – это иллюзия, мираж...

«Один – и свободен, – продолжал Хади цитировать Сартра. – «Но эта свобода напоминает смерть».

– Ага, значит, свобода приемлема только на кладбище?

Теперь эту книгу они читали вместе и удивлялись тому, как философ, даже с житейской точки зрения, все время противоречит себе, к примеру, утверждая, что «человек обречен на свободу».

– Я не хочу никакой обреченности! – вопила Анна.

Но если ты родился, спорили молодые люди друг с другом, ты уже не свободен, ты зависишь от дождя, солнца, от своей профессии. Ты обязан хоть чему-то всерьез учиться, чтоб не висеть на шее других. Твои дети каждый день хотят есть, их надо лечить, водить к врачу, вместе с ними сидеть над тетрадками. Какую свободу от общества и людей предлагает Сартр? Свободу как у обезьян? Но в стае животные тоже заботятся друг о друге.

– В природе вообще нет такого понятия, как свобода, – утверждала Анна. – Это буржуазная выдумка, чтоб оправдать любое насилие, подлость, даже войну.

– Что тебя не устраивает, – насмешливо заметил Хади, – так это буржуазия придумала... Вольтер сказал, – напомнил Хади, – «я не разделяю ваших взглядов, но готов отдать жизнь за то, чтобы вы имели возможность их свободно высказывать».

– Сплошная демагогия – рассмеялась Анна и возразила: – Если бы Вольтер знал, что племянница уморит его в старости голодом, оценил бы ее предварительные ласковые слова иначе. Вряд ли философ отдал бы жизнь за свободу подлой бесцеремонности, за свободу голода. Свобода нужна только негодяю.

Этот горячий спор неожиданно закончил глядевший на собеседников с портрета книги Сартр, который со страниц своего эссе изрек нечто для них примиряющее, хотя бы на короткое время, то, что остудило бы даже буйные головы: «А ну, познания человеческие, поглядим, кто кого!».

Часы на руках Хади говорили о том, что пора расставаться, пора Анне уходить на север, в свой корпус, в свою комнату. Перед уходом она внимательно глянула на фотографию, стоявшую в рамочке на столе.

– С кем это ты на фото? – спросила девушка.

– С двоюродной сестрой. Видишь, как мы похожи.

Хади тут же вытащил из чемодана маленький альбом, показал портреты матери, сестер. Вот тут он совсем ребенком играет с той же девочкой во дворе.

– Это дочь маминой сестры. Потому мы похожи друг на друга.

Вспомнив, как много зачетов надо сдать в предстоящие дни, сколько еще придется сидеть в библиотеке, Анна предложила следующий раз встретиться в столовой.

– Почему? – не понял он.

– Нынче сессия, тысяча книг в одну ночь... Беседы со знакомыми могу вести только за обеденным столом.

Хади рассмеялся.

– Обещаю три раза в день приходить в столовую!

Тихо потрескивали на шестнадцатом этаже стекла окон. На них мороз уже набросал звезды, ели, папоротники, и даже пальмы, фантазийно объединив на маленьком пространстве растительность чуть ли не всех континентов. Далеко внизу слышался рокот автомобиля, за стеной умолкло радио, и такая тишина разлилась по многочисленным комнатам общежития, что девушка, будто запоздавшая Золушка, опрометью бежала по лестнице, чтобы быстрее оказаться на своем, отведенном ей нынче временем пространстве, будто в шатре царя Гвидона, теплом и надежном.

За стеной комнаты включили магнитофон. Песни американской певицы Джоан Баэз в течение часа зывали к миру, богу и справедливости, но эти энергичные песни не успокаивали Анну, а растрavляли душу больше и больше. Причина для этого была. Хади весь день не звонил, не объявился он и к вечеру. Не случилось ли что-нибудь?

Лифт застревал на каждом этаже и опускался так медленно, будто лифтер сдавал экзамен по технике безопасности. В кабине уже шутили, что, мол, на оленях все же лучше.

Наконец-то Анна оказалась на нужном ей этаже.

– Come in, – ответили ей. – Войдите!

Облако густого сигаретного дыма тут же заволокло гостью. В комнате говорили очень громко, все время крутили рычажок радио, и, если при этом лилась веселая музыка, почему-то по-русски и по-арабски крепко ругались.

– Что случилось?

– Тсс... потом...

Наконец-то началась долгожданная передача последних известий.

«Никакой связи со столицей страны не имеется, – взволнованно говорил диктор. – Аэродром и телеграф охраняются. По сообщениям английского радио, в стране взяла власть в свои руки военная хунта».

Самым храбрым, судя по прежним рассказам Хади, был в этой комнате геолог Аид. В экспедиции, в геологической партии на Кавказе он однажды шел с котелком за водой к ручью и вдруг нос к носу столкнулся с медведем. От неожиданности и от страха Аид поздоровался со зверем по-арабски, потом по-русски. Не забыл приветствие и на английском. Медведь крикнул, рывкнул и... присел. Видимо, с таким полиглотом в горах он еще не сталкивался. Парень в это время спокойно прошел мимо.

Нынче Аид прямо-таки приник к радиоприемнику.

Нервно взглянул на товарищей студент из Литературного института Осман. Его стихи о родине и свободе в эти дни публиковались во многих советских журналах. Халим с биологического взволнованно поглаживал волосы.

– Что же делать? – тревожился физик Мухаммед. Высокий, тонкий, изящный, как рисунок восточной графики, этот парень нравился многим. И в первую очередь, конечно, университетской дирекции. Поэтому, как только он женился, ему сразу же дали для его молодой семьи лучшую комнату в общежитии. Слово на митинге, путевки в Коктебель, билеты в Большой театр – все в первую очередь выпадало Мухаммеду. Многие завидовали этому баловню судьбы!

Но спокойным в этой комнате выглядел лишь однокурсник Анны – Рахман. Он и на лекциях, как египетский сфинкс, бывало, не шевельнется. Как ни заглянешь в его тетрадь, в ней написаны лишь два слова: «марксизма-ленинизма». А Рахман в это время величественно изучает афро-арабскую периодику. Потом жуликовато и хитро просит кого-нибудь: «Напиши шпаргалки, моя хабиба...».

Видите ли, моя любимая!

«Отодвинуть бы в сторону арктического льда все мерзкие хунты...», – думала в это время Анна. Ведь ей так не хотелось видеть людей, которые набились в комнату Хади, понурыми и невеселыми. И, чтобы хоть немного их отвлечь от печальных известий, она вдруг насмешливо выпалила:

– Ну, какие у вас революции, ребята? Сломают на улицах несколько пальм, погоняют из одного Нила в другой крокодилов, а на утро – покой, тишина...

В ответ – гомерический, вот-вот брызнут стекла окон, хохот.

– С ума сошла! – вскочил со стула биолог Халим и возмутился: – У нас, видите ли, только пальмы ломают, у нас только подобие революции... Настоящая была только у вас, да?!

Хади не дал в обиду Анну.

– Конечно, у нас ломают пальмы, – вроде бы согласился он с девушкой, но через мгновение возразил и добавил жестко, что потом ими ломают головы, позвоночники...

– Ломают судьбы народов, понимаешь? У целой страны опять отнято будущее, – встал гневно Осман.

– Кто она такая? – возмутился и неприязненно глянул на гостью Халим. – У нас тут свои дела...

Однокурсник Анны мгновенно утратил свое хваленое равнодушие, отложил газету в сторону.

– Хватит, – остановил его Рахман, добавив, что девушка живет в стране, в которой за целую жизнь не услышишь ни единого выстрела. Потому у нее и столь добродушный взгляд на мир.

Рахман рассказал вроде незначашее, вспомнив, как недавно работал в их стране собкор Володя, который прислал в редакцию африканской газеты сообщение о том, что в аэропорту далекого русского города Новосибирска уже объявили посадку на самолет, но Ил-118 почему-то не взлетал, а стоял еще час, хотя экипаж получил разрешение на взлет. Пассажиры, конечно, забеспокоились, но им объяснили, что на полосе гуляет лосенок и дежурные

ждут патрульную машину, чтобы отправить животное в лес. Что вскоре и было сделано, а ИЛ благополучно взмыл в воздух.

Вскоре Володя увидел свое сообщение в печати и вихрем ворвался в редакцию.

– Кто переводил? – с порога уже взвыл он. – Это же грубейший ляп! Это ошибка...

Местный редактор взял в руки газету.

– Где ты увидел ошибку? – спокойно спросил он. – Так и у тебя написано. Все верно.

– Верно? – наступал на редактора собкор. – Я написал, что на полосе гуляет лосенок.

Понимаешь, лосенок...

– Ну и что?

– Ты же перевел, что верблюжонок. Но в Сибири нет верблюдов.

– А у нас нет лосей, – спокойно возразил африканский редактор. – Наши люди не понимают, что такое лосенок. А верблюжонок... гуляет на полосе около самолета... это понятно нашему читателю, это смешно...

Друзья Хади, окунувшись было в мир печальных известий, повеселели.

– Ты когда-нибудь видела автомат? – обернувшись к девушке, спросил Рахман: – И как из него стреляют?

– Нет, – ответила Анна, удивившись вопросу.

– Вот почему советскому человеку трудно представить себе жизнь в нашей стране, – объяснил Рахман землякам и повернулся к гостям:

– Ты была когда-нибудь в саванне и знаешь, что там происходит?

– Конечно, нет...

– Представь себе...

Граница страны. Раскаленные горы, колодец, верблюды. Возле них караванчики. А в пещерах под брезентом мешки.

– Когда поднимешь брезент, что там увидишь? Детей, – с горькой ухмылкой добавил Рахман. – Десяти-двенадцати лет. Украденных. Кто-то из них плачет, кто-то стонет, иной ребенок просто умирает. В мешках. Это контрабанда живого товара, это невольничьи караваны из Черной Африки на Арабский Восток. Рабство на земле еще не кончилось! Хотя об этом в газетах почти не пишут. Но как только появляется в печати такой материал, журналиста убивают. А мы такую информацию все-таки даем! Потом опрометью убираемся из страны, чтобы выжить.

– В наше время? – испугалась девушка.

– Да, в наше время. И двадцатый век, к сожалению, мало чем отличается от средневековья. Правды добиться можно только сменой системы. Чтоб была она такой же, как в Советском Союзе. Вашим людям она кажется строгой, но они не пересекали Африку в детстве в рабовладельческих мешках.

Из истории Анна вспомнила, что английский фельдмаршал Китченер, в 1914 году – граф Хартумский, который руководил подавлением восстания махдистов в Судане, как-то признался, что мораль для английских войск кончается за Суэцем. И за Суэцем тогда шел страшный грабеж народов, которых англичане презрительно называли туземным населением.

– У нас серьезные революции, Анна! Помочь на африканской земле каждому, воспитать правильное сознание, аккуратно ввести человека в современный мир, превратить Африку в континент высокой цивилизации – это и есть наши задачи, задачи чернокожих коммунистов, – объяснял девушке Рахман.

За стенкой тихо звучала безмятежная мелодия вальса.

– А мир как вулкан, – взволнованно продолжал он, – кипит, выстреливает. Сейчас метнуло в нашей стране. Возможно, в эти дни мы не досчитаемся некоторых своих товарищей.

Лет через десять-пятнадцать не досчитаемся многих. Но без дальнейшей борьбы за нормальную жизнь африканца наш мир – не реален.

Слова Рахмана встревожили Анну до смерти, а как еще не хотелось взрослеть, как не хотелось лишиться своей безмятежности! Но избавиться ли мгновенно от невозмутимости, если в собственной стране много лет ничего не происходит: цены в магазинах, будто игрушки из «Детского мира», всегда одни и те же? Дороги и тротуары никто не минирует, поезда не взрывают, самолеты летят по расписанию даже на самый дальний Восток. Лишь контролер иногда покрикивает в автобусе на безбилетников, да пьяно и дурно орет в каком-нибудь подъезде подгулявший мужик.

В этой небольшой комнатке Анна впервые поняла, что жить на земле иногда очень страшно.

– Только бы не пришли к власти исламисты, – размышлял вслух Рахман, – Только бы не они...

В ответ взорвался Халим:

– Чем тебе мешает религия? Люди охотно слушают муллу, никто зря не возьмет в руки автомат. В стране будет покой... Религия – вечна...

– О, ты больше мусульманин, чем сам Аллах?

– Никогда при исламистах не будет покоя, – возразил молчавший до этого философ Фарук. – Слушать муллу? За две тысячи лет религия что-нибудь решила в жизни людей? Хоть одну войну остановила? Построила ли заводы, фабрики, жилье?

– Как ты смеешь критиковать религию? Тебя на том свете за это накажут.

– Лучше жить на этом свете, чем на том, – отчеканил твердо Фарук. – В Советском Союзе не молились, ученым было некогда отбивать поклоны пять раз в день, они много работали и первыми запустили человека в космос! А где в это время был наш мусульманский мир? В мечетях. Мы даже детей своих в сандалии не обули. Много учится наших женщин?

К плечу Фарука доверчиво прильнула русская девушка Рая. Румянец во всю щеку, легкая прическа из густых русых волос... С каким обожанием глядела она на своего парня! За версту видно, что этих людей сблизили только чувства...

– Но ислам... это очень ценно, это достижения веков! – упорствовал Халим.

– Возможно, и ценно. Но почему верующий мусульманин лучше других, почему только он верный и только он имеет право на жизнь в целой Вселенной? Вот я стою под солнцем, оно меня больше обогревает, потому что я мусульманин? А от Раи к вечеру убегает, потому что она христианка? – вновь заговорил Фарук.

– Ах, ты вспомнил о солнце? – взбеленился Халим, покосившись на Анну, Раю, зататорил дальше. – Пусть эти белые знают, что нас солнце действительно больше любит, потому и кожа у нас черная. Нам не надо обогревать жилища. У нас вкуснее плоды. Мы живем почти в раю...

– И в Африке дольше живут люди, чем на севере, у нас лучше образование? – рассмеялся Аид.

– В раю можно и без образования. У нас три урожая в год. Можно просто жить...

– Наши предки просто и жили. И стали рабами. На целых четыреста лет. Хочешь, чтоб и твоим детям выпало такое же? – оборвал его Рахман.

Внес свою лепту в спор и Хади.

– Только законы физики управляют Вселенной. В древности человек боялся ее, потому и придумал себе подвесной потолок в виде религиозного учения. В тесном помещении комфортнее, удобнее. Огромные пространства над головой не пугают. Великий начальник сидит наверху и всеми управляет. Думать не надо. Думает за нас другой. Надо только правильно понимать чужую мысль. Своя воля не нужна.

– Но без религии никуда! – утверждал Халим.

– В древнем Египте поклонялись скарабеем, – лукаво произнесла Рая. – И кошкам. По улицам Индии бродят бесхозные коровы. Святые... А народ вокруг голодный. И не святой.

– На островах Тихого океана верили в божественность угря, содержали для них шикарные водоемы, – напрягла свои познания и Анна. – В других регионах признавали святость огня... Зороастризм – поклонение огню, процветал в прежних мусульманских краях чуть ли не две тысячи лет.

Не отмалчивался и Рахман, который изучал не только афро-арабскую периодику, он умел и поспорить, отстоять свою точку зрения.

– Религии разделяют людей, а у нас в стране много национальностей. Арабы – на севере, на юге копты, племена, верующие в колдовство. Религиозной болтовней никого не объединить. Но мулла принимает только ту жизнь, в которой ему, будто в коконе, хорошо. Его задача – запугивать людей, чтобы ничего не изменилось. Тогда его клан в почете.

– В республиках Средней Азии семья поминает покойника каждую пятницу в течение года, – вспомнила Анна и продолжила свою мысль о том, что этот обычай – раздолье для муллы, который каждый день сыт. И огромное разоренье для обычного человека, который отвечает еще за жизнь своих детей и стариков. Через религиозные законы фактически идет обыкновенный грабеж населения.

Гости в комнате, кроме Халима, пришли к выводу, что нынче надо строить социальное, а не религиозное государство, чтобы каждому, будто в семье, жилось бы просто и комфортно.

– Религии убили не одно государство, – заметил Рахман.

– Плевать мне на твое государство! Пусть сдыхают все эти государства. Религиозное и расовое единство дороже, – безапелляционно заявил Халим, что до невероятности разозлило остальных. – Главное – это раса, – упорствовал он, – своя кровь.

Тут же вскочил со стула Рахман и закричал гневно:

– Ты – черный, и я черный, но я никогда не захочу в трудной ситуации быть рядом с таким, как ты. Самый мерзкий шантаж – полуправдой. Вроде так и все не так... И мужчина любит женщину не из-за цвета кожи. Душа, идея – вот главное...

Дело принимало крутой оборот. Хади дал понять, что уже поздно, всем утром идти на лекции.

Перед уходом Анна спросила:

– Почему Халим такой злой? Он же биолог, знает, как хрупка любая жизнь без экосистемы. А государство – это экосистема для каждого... Религия не платит пенсию, не строит дома. Религия, может, на время и успокаивает человека, но это путь в никуда. С моей точки зрения. Что он защищает?

– Так он расист. Обыкновенный черный расист. Не только религиозный, но и по цвету кожи. Белых терпеть не может. Почувствовала?

– Еще бы...

Халим и впрямь сверкал глазами, когда глядел на Анну.

– Не обращай внимания. Мы знаем, что он ограниченный человек. Над ним наши ребята уже в самолете смеялись. Ну, представь, прилетели мы в Италию...

В Риме на борт поднялся гид и предложил пассажирам, летящим в Советский Союз, осмотреть древний город. Все целый день с удовольствием разглядывали остатки Колизея, Форума, площадь Святого Марка, но вдруг спохватились, а где Халим? Может, у него живот заболел, нужно вызвать врача?

– Не надо врача, – спокойно объяснил сидевший в своем кресле Халим. – Я ненавижу белых и не вступлю без особой нужды на их землю.

– Но ведь это пустая ненависть, – заметила девушка парню, он же в ответ лишь развел руками, дав понять, что да, Халим таков, каков есть, и принимать его приходится со всеми

его нелепостями. Это в России с подобными людьми никто не сталкивался, а в Судане и подобные типы есть.

Вот так, через встречи и столкновения, в спорах Анна знакомилась с миром, о котором никогда ни в одной книжке не читала, ни одним ухом даже не слышала.

– Что же Халим тогда делает в Советском Союзе? – спросила она. – Каким образом ваша партия это допустила? Может, у него богатый отец и дал кому-то взятку?

– Нет, он из бедной семьи.

И не всегда, оказывается, Халим был скверным типом. Когда-то он вступил в компартию, боролся за независимость своей страны, но кто-то его предал, донес, что этот парень – уже в руководстве партии. Халима посадили, рядом в камере оказался религиозный фанатик. Там он и сломался, хотя сам прежде рассказывал другим, какими должны быть цели у молодых ребят.

– Теперь Халим пять раз в день глядит в сторону Мекки, – рассмеялся Хади.

– Но Россия ничего не сделала плохого людям Африки! – возмутилась Анна. – Зачем в своей боли обвинять тех, кто к той трагедии не имел никакого отношения? По инерции он обвиняет и меня. Я же к тому веку, к рабовладельческому, не имею никакого отношения. Он перепутал что-нибудь?

После непродолжительного молчания Хади неохотно выдал из себя:

– Его уже в Москве кто-то оскорбил из-за цвета кожи...

– Как это?

В комнате тонкой паутиной повисла тишина.

– Лучше тебе этого не знать, – отвел он глаза в сторону...

Но диалог на этом не прервался. Девушке нужен был логический ответ.

– Почему он не едет домой, если ему у нас плохо? Почему партия его не отзовет?

– Партия ведет себя по отношению к нему благородно. Халиму дают возможность доучиться. Нашей стране нужны специалисты.

Такое объяснение не очень-то было понятно Анне. Она жила в государстве, где миллионы людей без особого труда получали высшее образование, а сотрудники всевозможных НИИ уже хвастали, что часами слоняются в коридорах своих учреждений без дела.

– У нас иначе. Нам дорог каждый специалист, который хоть что-то может сделать для людей. Вот представь себе...

Хади вновь рассказывал о своей стране, о людях, которые боролись за окончательное изгнание англичан из Нубии. Высокообразованные, толковые, они наконец-то прошли в парламент и уже приняли законы не только о запрете многоженства, но и такие, по которым будут наказывать работодателей за отказ принимать женщин на работу. Новое законодательство также поможет девушкам учиться в университете... Принятое уже не отменить, даже пришедшей к власти военной хунте.

– Каждый образованный человек в нашей стране нужен, чтоб помогать выжить другим.

Анне открывался совершенно неведомый ей прежде мир, о котором хотелось расспрашивать и расспрашивать, чтобы больше знать и видеть мир не только в его отдельных фрагментах... Но пока еще не отключили лифты, опять надо было опрометью нестись в свою комнату.

Вскоре Хади предложил:

– Давай завтра пойдем на Новодевичье кладбище. Я несколько лет живу в Москве, и ни разу там не был.

Потом Анна запишет в своем дневнике:

«Вчера ходили по Новодевичьему кладбищу. Долго разглядывали памятники, читали надписи на плитах, отмечали с удивлением: вот где похоронен педагог Макаренко, а вот могила писателя Максима Горького, революционера Подвойского...

В этот осенний день старушки поливали цветы, печально глядели на изображения родных лиц на выцветших фотографиях, но, увидев меня вместе с Хади, надолго отрывали взгляды от дорогих могил, поджимали недовольно губы и недобро перешептывались между собой. Судя по их наклоненным друг к другу головам, коренная Россия не принимала междоусобиц, с их точки зрения дурных и вызванных лишь моей меркантильностью.

Если рядом со старушками находились их сыновья, они презрительно оглядывали меня с головы до ног. По их мнению, я рядом с Хади лишь потому, что жгуче соблюдаю свой имущественный интерес: у меня теперь, кажется, гора шуб, кофточек и десятков сумок из крокодиловой кожи».

– Ой, смотри, тут похоронен писатель Всеволод Вишневский. Завтра в кинотеатре «Россия» идет фильм по его рассказу «Оптимистическая трагедия».

– Это о чем?

– О революции, конечно! У нас есть еще один рубль, давай посмотрим?

В кинотеатре «Россия» Хади не отрывал восторженных глаз от экрана. Наглость анархистов, красавица комиссар, ее красивые и точные ответы зарвавшимся, хоть и усталым морякам, трагическая участь бескорыстных той далекой эпохи, в итоге – молодые люди из нынешних шестидесятых вышли из кинотеатра с таким светлым настроением, такие чистые, будто омыло их только что теплым прозрачным дождем.

– Как же в России хорошо! – заметил Хади, с удовольствием разглядывая каштаны, листья которых поначалу желтели лишь по краям. Клены вдоль улицы вспыхнули уже золотым пожаром.

– Как здорово у вас ставят фильмы! После такого кино хочется совершать только добрые поступки!

– Да, фильм получил почетный диплом на Международном кинофестивале в Мексике, в Акапулько. Вот бы и туда слетать, чтобы повидать города инков!

– Может, когда-нибудь и полетим!

Хади взял девушку за мизинец, повернул к ней свое сияющее от восторга лицо. И не успели молодые люди сделать несколько шагов вдоль тротуара, как вдруг около них остановились женщины.

– И ты любишь эту свинью? – размахивая сумкой, выкрикнула неожиданно одна из них Анне прямо в лицо.

– Тебе своих не хватило? – заорала другая.

– Шлюха! Шлюха!..

Вся красота дня и даже целой Вселенной мгновенно провалилась в преисподнюю. Наверно, вот так и выглядит ад, когда тебе говорят только гадости, что-то низменное, совершенно не соответствующее тому, что есть там, где день, жизнь, мысли, достижения философии и борьба за лучшее и светлое на земле.

– Проститутка! Морду бы тебе разбить!.. Сколько он тебе платит?

Как в такой обстановке не растеряться, не посереть от того мерзкого, грязного, с чем они в этот момент столкнулись на улице? Молодые люди в ответ лишь подавленно молчали и, не шелохнувшись, стояли перед подло орущими женщинами, будто заторможенные, ничего не понимающие инопланетяне. А те пытались привлечь к ним как можно больше внимания. Прохожие охотно останавливались, перемигивались между собой, посмеивались.

Первым пришел в себя Хади. Он схватил Анну за руку, вытащил ее из очерченного дворовым, местечковым злом круга, и они поспешили к метро в надежде, что, может, через минуту встретят людей более высокой культуры, более чутких и добрых.

В метро, отчужденные друг от друга из-за уличного хулиганства, они даже не помышляли взглянуть на себя, на улице их теперь разделял уже целый метр.

– Как же так? – бормотал в растерянности Хади. – Компартия присылает нас в Советский Союз, чтобы мы учились лучшим человеческим отношениям, какие уже сложились в обществе при социализме, а в Москве я, оказывается, для ваших людей лишь свинья?

Глаза его стали влажными, глубокими, будто в них заглянули смертоносные лучи далеких планет, на которых лишь вечный космический мрак.

– Успокойся! Дурные люди есть везде, – решила приободрить его Анна. – Неужели и на твоей родине не встречаются дураки?

– Бывает, – неохотно согласился он и поправил темную шапочку своих непролазно густых волос, размышляя при этом о том, как страшен расизм, сколько он убивает людей, как растерзывает чужие мечты о единении и жизни общества без войн.

– Ты что, про Халима забыл?

– Да, в моей стране тоже есть расизм, – неохотно согласился он. – И в Африке... Но наша партия борется с дурными отношениями между людьми. Однако... почти суд Линча в Советском Союзе... Не ожидал. Какие тогда реальные идеалы у ваших людей? Во всем мире такое уважение к вам, а почему ваши люди оказываются иными, чем это объяснить?

– Если ты учишься в Москве, значит, и моя страна внесла немалый вклад в то, чтобы мир стал лучше. Однако не каждый человек успевает за своим временем.

Эта мысль не успокоила Хади.

– Мне в кафе как-то вместо чая подали... мочу! – с болью в голосе проговорил он. – Я думал, что это случайность, теперь вижу – нет. Наша молодежь рвется в Москву. Если я вернусь домой, как рассказать друзьям, что здесь у людей... длинные хвосты предрассудков?

Анна встревожено глянула на собеседника.

– А я, Хади? И я такая же, как они?

– Конечно, нет! За это я тебя и люблю, – вырвалось вдруг у него.

– Ты?... Любишь меня? – изумилась девушка, но о своих чувствах пока молчала, как боец, который еще не выбрался из разведки и твердых выводов сделать не может.

Как много близких отношений зародилось тогда, когда кого-то обидели? Как много женщин пытались успокоить мужчину в беде и защитить его, будто птица, пусть и слабыми, неокрепшими крыльями?

Так и Анна... У кого получится быть исключением? Если только природу человека изменить. Она же была настоящей женщиной, она за себя не боялась и готова была в своей стране, а возможно, и в целом мире прикрыть его собою от любой неприятности.

А он? Конечно, обнял, расплел ее длинные косы, погладил руки, плечи... И свет как-то незаметно и мгновенно погас в их комнате. В темноте удушливой около раскрытого окна им было куда уютней, чем на красивой, однако не всегда благожелательной к ним улице.

– У вас зимой дома тепло? – задала она первый попавшийся вопрос, лишь бы не молчать, не говорить нынче на волнующее и болезненные для них обоих темы.

– Да.

– Значит, вы за тепло не платите!

– Конечно! Его сколько угодно.

– Здорово! У вас восемь месяцев – жара, у нас несколько месяцев в квартирах без отопления жить невозможно.

– А мы платим за прохладу...

– Как?

– Летом без кондиционеров в доме тяжело. Мы много платим за электричество летом.
– Все наоборот! Какой интересный земной шар! Везде по разному... Каждому народу – свой климат и своя доля тепла.

– Скажи, почему люди разных рас так боятся друг друга?

Вопросов между ними, как всегда, было куда больше, чем ответов, а тем более – можно ли было их на практике разрешить?

– Что нужно вложить в людей, чтобы они не были злыми и мелкими? – размышляла вслух Анна. – Есть ли выход из таких сложных процессов?

– Время решит! – сделал вывод Хади. – Мне кажется, – произнес задумчиво он, – смешение рас и наций – логика Истории. Хотя и очень далекая, однако – логика... Самолеты, поезда, телеграф заставят-таки встретиться и подружить все человечество.

– И тогда! – замечтала вдруг Анна, но тут же оборвала себя. – Зачем... тогда? Давай прямо сейчас построим одну удивительную поликлинику.

– Какую?

В той поликлинике, какой она виделась Анне, не зубы лечат и не рахит. Но очередь в ее кабинеты длинная. Это куклуксклановцы, какие только есть на свете, – белые ли, черные, из далекого ли штата Миннесоты или из Претории, сидят в ожидании приема у психиатра. Чтобы избавиться от одной болезни: от расизма, довольно-таки гнусного заболевания, как мерзко все, что пульсирует неоправданной злобой к другому.

И вот куклуксклановцы, какие только есть на свете, превращаются в милейших людей и принимают решение: на высоком холме в большом городе воздвигнуть памятник, посвященный дружбе и преодолению границ между белыми и черными людьми. Может, и возникшей мгновенно любви между юношей и девушкой будет этот памятник? Чтобы сказать все, и этого, кажется, хватит.

Скульптура юноши виделась Анне темной, как газель, из очень пластичного, но твердого материала. А пальцы... Они длинные, хрупкие, их не отбить, не сломать. Да и за что, скажите, отбивать? Неужели только за то, что юноша невзначай потянулся к девушке, у которой светлые, под березу, волосы?

«Почему нет до сих пор на земле такого памятника? – думала про себя Анна, решив, что скульптор непременно получил бы Нобелевскую. Такую же премию получил бы и психиатр».

– Вот мы и встретились, – неожиданно произнес Хади. – Мы с тобой, Анна, по-настоящему встретились вот в эту минуту.

– Как день и ночь?

– Да, как неизбежность этого трудного мира.

– Нет, погоди... Кажется, мы возникли вместе с Землей. В какую-то очень древнюю эпоху. Давай еще пофантазируем? – предложила Анна и представила, как миллион лет назад на северном континенте подули холодные ветры и белые хлопья падали на землю день и ночь. В жилищах из-за холода и болезней стонали женщины, плакали дети... И тогда вождь северных людей объявил племени, что пора им идти в края теплых ночей. Дорогу туда им укажут журавли. Вот и сейчас, слышите, они уже кричат из-за туч:

– Собирайтесь, люди, и вам надо туда, куда несут птиц их крылья! В тех краях – горячие пески, леса – до самого неба, а на деревьях сочные и вкусные плоды.

– Хочу яблоко! – захныкала маленькая Ани и протянула руки к небольшому кусту, светок которого свисали какие-то желтые и длинные батончики.

– Мы пока не знаем, можно ли это есть! – сурово поправил девочку вождь и схватил ее за руку. Потом указал глазами матери, мол, очень балуешь ребенка, будь строже, к чужим плодам еще надо привыкнуть. – Вначале завари траву из нашей земли.

Но девочка не стала пить горячий и горький отвар. Она вырвалась из рук матери и побежала вдоль незнакомой реки. Густые деревья у берегов таинственно шептались между собой, хватали пришлицу за коленки и локти, потом к самому носу поднесли огромную гроздь янтарных батончиков. Но стоило протянуть руки, как плоды тут же взметнулись чуть ли не к солнцу.

– Не достать! Совсем не достать! – осерчала девочка, наклонилась было к траве в поисках палки, но вздрогнула от глухого стука: у ее ног уже покоилась спелая гроздь.

Подняв голову, она увидела меж ветвей какого-то странного мальчишку с необычной кожей, как у оленей из ее родных краев.

Катающийся на ветвях мальчишка тоже был удивлен новым знакомством.

– Ты откуда взялась? По всей реке вниз и вверх нет у нас таких людей. У тебя глаза – как осколки неба.

– А у тебя... цвета ночи!

В эту минуту, кажется, притихли все ветры Земли, перестали шептаться звезды, не шевелясь, лежали в своих логовах океаны, прекратили тяжкий бег по саванне слоны. В эту минуту зарождалось нечто такое, что долгие годы потом будет держать людей друг около друга, коли не рядом, так в душах, что будет сближать и отталкивать их, радовать и огорчать, приносить неслыханные победы на уровне одной маленькой жизни и швырять их вниз головой в бездну.

– Эй, возьми еще! – крикнул мальчишка и бросил к ногам девочки еще одну гроздь. Вскоре он спрыгнул с дерева и вместе с Ани начал собирать камни для жилищ новых пришельцев.

Вскоре у людей, глаза которых были цвета неподалеку раскинувшегося озера, возникла деревня, около каждой хижины лежали горькой сушеные плоды, расцвели на полянах женщины, шустро бегали дети. Всем было тут хорошо, лишь вождь худел и бледнел.

– Пора уходить! – как-то сурово вымолвил он.

– Опять по звериным тропам с детьми на руках? – возмутилась его жена.

– Молчи, женщина, тебе ведома стратегия лишь одного дня... Леды уже уходят с нашей земли. Вчера оттуда прилетели птицы.

– Так что же?

Вождь объяснил, что для многовековой непрерывности жизни нужны песни, которые народ поет только на своей земле. И звезды познаешь лишь тогда, когда вечерами глядишь на них около своего дома. И деревья каждого жителя деревни должны знать в лицо. Лишь в таком случае все вокруг – это твоя родина.

– Мы задержались. На родине нас уже забыли и белки. В путь!

На поляне засустились. Мать Ани со сборами не спешила. Она понимала, что вначале надо собрать в дорогу душу дочери, потому не стала рассказывать ей о красоте родных лужаек и трав. Она просто обняла дочь и сказала:

– Вы еще встретитесь. Поверь, у тебя есть такая звезда! – спокойно объяснила девочке мать, – глянь, она тебе многое обещает! Не каждому небо светит так ярко.

Ани подняла голову и увидела, что звезда и впрямь уводит ее в мир тайн и загадок. Мир, в котором затаиться бы и ждать.

– Поверь, это серьезно.

Вождю мать сказала иное:

– Как только с места сдвинется тень этого дерева, мы будем готовы.

И когда солнце ушло за баобаб, племя пришельцев с корзинами на головах и с детьми на спинах вскоре ушло с поляны.

– Да, помню, – улыбнулся Хади, – мы еще с тобой на прощанье катались на хвостах динозавров... И видели свое отражение в доисторическом озере...

– Через миллион лет мы опять встретились!

Анна с нежностью провела пальцем по лицу Хади.

– Да, как день и ночь! – согласился юноша.

– Мы встретились. А вокруг нас небо, птицы, библиотеки, книги... – подвела черту Анна. – Вот как много уже сделали для нас другие. Только это мы с тобой и будем помнить!

– Хочу бананы! – капризно топнула вдруг ногой девушка.

Хади кинулся в магазин, за витриной которого виднелись большие гроздья африканских плодов.

В длинном коридоре, в котором двери нескольких десятков комнат, за каждой из которых чья-то жизнь, проблемы, слезы по вечерам или радость, Анна шла с чайником на кухню, как вдруг услышала на балконе спор.

– Что вы девчонке мозги пудрите! – кричала Мила, жена того суданца, к которому часто приходил в гости Хади. – Я познакомила их не для прогулок. Ну, пришли на вечеринку вместе, посидели за одним столом и хватит. Зачем вы ей судьбу ломаете? К чему эти ухаживания?

– Не лезь! – отвечал супруге Мак, аспирант медицинского факультета, живущий в Москве уже с семьей.

Однажды Анна видела, как он поставил на подоконник свою маленькую дочку, долго и нежно гладил ее длинные черные волосы, сквозь которые ярким золотом сверкало солнце. Разве этот человек, настолько обожающий своего крошечного ребенка, мог бы в чем-то обмануть, ответить невпопад, или просто солгать?

– Что ты суешь нос везде! – нынче весьма грубовато отвечал он жене.

– Хади женат, свадьбу только что в деревне сыграл, – сердито возражала Мила, – а эту девочку оставьте в покое...

Что ответил Мак, Анна не слышала, быстро прошла на кухню, но спокойно пить чай уже не могла. В душе все дрожало, что-то мучило, но вопросы и ответы на личную тему все же казались преждевременными.

– Скажи, в Судане бывает ниже нуля? Ну, мороз, снег... – вечером спокойно, как ни в чем не бывало, спросила она.

– Никогда.

– Тогда у вас листья не опадают на зиму и акации вечно зеленые? – задала она еще один вопрос и оглянулась, услышав шорох за спиной.

В комнате сидел еще один гость. Мак листал книгу, сосредоточенно разглядывал картинки, что-то задумчиво читал.

– Это все-таки твоя жена? – наклонившись над столом, спросила Анна, разглядывая на фото так похожих друг на друга людей.

Хади неопределенно развел руками, а Мак поднялся со стула, подошел ближе к Анне, обнял ее за плечи и мягко сказал:

– Не верь Миле. Это неправда. Моя жена может сболтнуть любое. Женщина есть женщина. Давай ей это простим... На фотографии – двоюродная сестра Хади. А Мила... Она иногда назло мне может выдумать любое.

Потом они втроем пили чай, обсуждали погоду, много говорили о крошечной дочке Мака, уже бегущей по длинным коридорам общежития, о том, что они, южане, привыкли-таки к суровому климату, хотя с нетерпением ждут лета, которое позволит им слетать на родину.

Кому в этот вечер больше поверила девушка? Маку, солидному почтенному мужчине, или его вечно крикливой жене, то и дело спешащей в магазин с авоськой в руке?

Жизнь, реальная, а вовсе не такая, какую хотелось бы выдумать, окружала Анну каждую минуту. Однажды к ней в комнату пришла однокурсница. Высокая, черноволосая, яркая. На стуле – вольная поза.

Год назад они были на первой студенческой практике в районной газете, и через неделю, когда вышли их первые материалы, над ними в редакции очень смеялись. Ольга привезла из колхоза зарисовку о доярке под названием «Тетя Дуся». Анна из другого колхоза привезла материал о телятнице под названием «Тетя Даша». Девчонок на планерке разнесли в пух и прах, и клички дали им по названию их же материалов. И только в Москве они чуть-чуть примирились с этим первым в своей жизни промахом.

Ольга вначале дружелюбно спросила, что пишет мать, по-прежнему ли братишка ест на уроках под партой селедку, исправил ли тройки другой? Спустя мгновение посерьезнела.

– Мой тебе совет: брось ты этого черного! – заявила она. – Наши ребята просили передать это. Мол, ни к чему тебе сплошные Гавайи, тропики, всякие отсталые люди из джунглей...

– Что это за танец с саблями? – сердито спросила Анна. – Ты ведь тоже не русская, кажется, приехала в Москву с Кавказа. И мне сказать Николаю, чтоб он бросил тебя?

– Попробуй только, – мгновенно поднялась Ольга со стула. – Пасть порву... – зашипела она. Огонек сигареты дрогнул в ее руке, описал круг, мол, знаешь, что будет? Дескать, брать за горло можно лишь мне.

И ломала чужие жизни лихо, безжалостно, не позволяя, насколько это было в ее силах, состояться чужим отношениям.

Холодно распрощавшись, незваная гостья, чтобы не получить в ответ сдачу, стремительно двинулась к двери. И прежде так было: сделает кому-нибудь гадость... с милым смешком, с прибаутками, а сама уже далеко. По принципу: спина ответа не услышит. Потом долго избегает того, кого будто невзначай посетила.

– Он уедет, на тебе же потом никто не женится, – зло кинула она в дверях.

– Около моей комнаты стоит очередь из женихов?

Но вопрос этот Анна задала уже только себе. Ольга испарилась, будто ее и не было.

«Конечно, лучше всего те отношения между мужчиной и женщиной, которые не вызывают отторжения у окружающих», – оставшись наедине, обдумывала Анна на страницах своего дневника ситуацию и благодаря этим регулярным записям понимала, что взвалила на себя трудную ношу, проблему, которую ни одно общество в мире еще не смогло и не захотело решить. Потому на такие пары каждую минуту косятся все, кому не лень, и все время спутник или спутница, в зависимости от региона, южного или северного не нравится другим... – Так жить невероятно тяжело. Но что я скажу Хади? Мол, сгинь, будто и не было наших бесед, наших тонко и сложно завязывающихся отношений? Сгинь, потому что этого захотели другие?».

– У тебя завтра день рождения, – напомнила вскоре Ольга и заявила: – если на этой встрече будет этот черный, мы все выйдем из комнаты.

В ответ Анна пожала плечами. Ее далекая прабабушка в середине девятнадцатого века вышла замуж за молодого украинца Кондрата, который в их деревне клал печи. Молодая пара переехала из российской глубинки в Малороссию. Четверо детей уже появилось у этой скромной пары: мальчик и три девочки. Но когда рядом с украинским селом начали прокладывать дорогу, на стройку прибыли бывшие односельчане Марии. Мужики все были отчего-то с высокой температурой. Сход выделил им хоть и холодную, но отдельную хату. А Марию предупредили:

– Не ходи, там чума.

– Но как оставить больных без еды? – наивно удивилась она и тайком ночью все же пошла к умирающим с горшком молока. Через неделю еще один гроб в этом селе увезли на санях в пургу.

Об этом поступке далекой, не умеющей предавать прабабки, рассказала Анне в детстве ее бабушка, которая с пяти лет росла лишь на руках отца.

– Я всех пригласила, а кто не придет, это ваше дело, – услышала в ответ Ольга. Огонек сигареты у гостыи отчего-то нервно опустился, но через мгновение взметнулся к ее лицу:

– Учти, каждый день потом у тебя будет черным... Решай сама, – уже в коридоре кинула она через плечо.

«Нам с Хади родиться бы лет через пятьсот, – обдумывала Анна после этого не очень приятного визита: – когда люди будут добрее, легче начнут одолевать замкнутость. Но мы с Хади уже нынче есть. Нам что делать? В итоге сказать ему: пошел вон?... Жаль, что к таким союзам и на улицах, и в своих душах люди еще не скоро привыкнут...».

Утром на лекции Анна внимательно оглядывала ряды и прикидывала, кто же передал ей черную метку? Однокурсники, подтянутые, хорошо одетые, холеные, писали, читали книги... Анна в тот момент тоже читала, писала и думала. Думала о том, что четыреста лет прошло с той поры, когда впервые от берега Слоновой Кости отчалила каравелла, груженная черными страдальцами. Сколько за это время ушло с земли трав, рассылалось в прах изб, храмов, домин, сколько обломилось и рухнуло деревьев. Почему же до сих пор не ушел, не упал, не обломился и не рассыпался в прах... расизм? Нам же нечего делить. У каждого свой континент и своя страна. У нас границы – только цивилизационные. Люди приезжают к нам учиться, посещают музеи, с удовольствием смотрят наши фильмы. Экспедиции геологов, географов, геодезистов посещают их страны. Нам всего хватает на нашей Земле – неба, воздуха, луны и воды... Не хватает лишь малого – высокой жалости и сострадания друг к другу.

В конце декабря вдоль Кропоткинской везли со склада на двух грузовиках огромного Деда Мороза. На первой машине ехала его борода, на второй – голова с красной морковкой носа и смеющимися глазами. Снег припорошил морщинки на лице из папье-маше, отчего казалось, что Дед Мороз одними только глазами желает всем прохожим хорошего праздника и здоровья.

В витринах магазинов уже блистали игрушки, на тротуарах валялись оброненные кем-то ветви хвои, а еловый запах сопровождал почти каждый автобус.

У главного входа МГУ тоже готовились к празднику: развешивали гирлянды, тщательно натирали паркет.

Наконец-то между колоннами загремела музыка липси, вздрогнули в такт мелодии огромные люстры, под ногами хрустнули еловые шишки.

Хади увидел Анну, но танцующих было так много, что прежде, чем он взял ее за руку, уже прозвенели куранты на далекой Спасской башне.

– Я добирался до тебя целый год! – пошутил он и предложил:

– Пойдем танцевать!

Девушка кивнула головой и через мгновение они толкались в длинном и тесном ряду движущихся пар.

Танец африканцу был по душе. Он хлопал в ладоши, заливался смехом и двигался так ритмично, будто с пеленок был обучен этим движениям. Когда поплыла тихая спокойная мелодия танго, он с грустью произнес:

– Это мой последний бал в МГУ. Жалко все-таки расставаться с вашими снегурочками и елками. У нас такого не бывает.

– А Новый год?

– Новый год бывает везде. Мы теперь и Новый год празднуем, и День Независимости одновременно.

– Как символично!

– Да. Каждый год несет иную жизнь моей стране. Это наше огромное достижение. Однако сегодня мне хочется вспоминать другое...

– Что именно?

– Как я приехал в Москву... Выучить русский язык, думаешь, было легко?

Хади уже с юмором рассказывал, как поначалу говорил на родном языке Анны.

– Меня попросили, дай закурить... Я ответил, что я не курица! Девушке как-то сказал, что она длинно и продолговато танцевала.

У колонны, совсем как живая, стояла декоративная снегурочка, внимательно и с любовью поглядывая на людей, движущихся под высокими сводами: и на белых, и на черных, на китайцев и вьетнамцев, кубинцев и перуанцев. Кажется, вместе с нею все обожали доступность и понятность этого праздника. Наверно, это единственный праздник в мире, который не делит людей на расы, национальности, страны и континенты. Около елки нынче пляшет охотно каждый.

«Что еще могло бы объединить людей в их желании никогда не ссориться друг с другом, не отнимать у кого-то жизнь, хижины, острова?», – обдумывала про себя Анна, но ответа пока не находила.

Бал близился к концу. Серпантин устало свисал с елки, оркестр расходился. По залу едва плелся музыкант с контрабасом в руках.

– Когда-то я говорил, что весь вечер танцевал, не покладая рук! – вспоминал Хади первые разговорные казусы своей жизни в Москве.

– С Новым годом! – то и дело поздравляли друг друга студенты. Набившись битком в лифт, они еще напевали только что проигранные оркестром мелодии. Кабина сразу неслась вверх, оставляя далеко внизу чей-то смех, детский плач и зычную команду дежурной «не сорить!».

В комнате Хади предложил Анне тост за ее родную страну, потом за свободную и в будущем процветающую Африку, за здоровье всех, кто есть в данную минуту на Земле. Они желали, чтоб нигде в этот момент не воевали, не обижали женщин и детей, чтоб никто не был голодным. И чтоб праздники, вот такие шумные и прекрасные, были у всех.

После каникул перед лекцией к Анне подошел однокурсник и тихо спросил:

– Я слышал, что негры воняют. Как ты это терпишь? Ты признаешь только черные фаллосы, а на мой как отреагируешь?

В детстве девушка увлекалась произведениями Ивана Ефремова. Плавание царского казначея из страны Та-Кем по приказу фараона в поисках богатств вокруг африканского континента, описанное в повести «Путешествие Баурджеда», удивительное описание подводных садов Лазурного моря, странных ароматов, доносившихся от земли, крепкая дружба людей разных национальностей во имя того, чтобы избавиться от рабства и чужбины, да каждому непременно вернуться на родину... В повести «На краю Ойкумены», есть замечательные слова писателя, вложенные в уста одного из героев: «Я буду верить, что когда-нибудь люди научатся не бояться просторов мира»... Эта мысль произвела на Анну такое неизгладимое впечатление, что она, казалось бы, уже посетила водопад Виктория, побывала в лесах, в которых «гигантские канаты ползучих растений, достигавшие иногда толщины человеческого тела, обвивали спиралями гладкие стволы деревьев, сплетались вверху в исполинскую сеть»...

Встречу с Хади она поначалу воспринимала, как продолжение еще одной, пока что не написанной повести Ефремова, поэтому в его судьбе ей было интересно все. Но в реальной

жизни, открылось неожиданно Анне, нельзя верить даже прекрасному писателю. И выходит, что нет никакой связи между реальностью и тем, что пишут даже честнейшие писатели. Любую красоту мира и неприязнительность человеческих отношений мерзкая бытовуха непременно так густо обмажет грязью, что в глазах многих людей за любой нестандартный, с их точки зрения, поступок, ты уже – лишь грязное туловище, на позор и досаду всплывшее вдруг из болота. И не жить уже тебе на свете, и загоняют тебя по вонючей жиже и заулюлюкают до полусмерти, как позорную кикимору.

Совсем недавно этот однокурсник читал на литературном вечере свои стихи, в которых была строчка о том, что «все в мире, как в квартире».

«Пронеси, господи, жить в такой грязной и склочной квартире», – думала нынче девушка, с неприязнью поглядывая на странного и недалекого поэта, для которого человек, в противоположность необъятному миру Ивана Ефремова, уместился лишь в безобразной клоаке малого пространства, и такого зловонного, что ютиться в нем нормальному человеку просто невозможно.

Анатолий, кажется, никого вокруг себя не любил, ни одной своей любовью не гордился, а когда однажды на факультет пришла молодая женщина с большим животом и скромно ждала его у входа... У поэта тут же умерла память. Он прошел мимо своей возлюбленной, будто мимо невидимого фантома. И даже с факультета ушел, лишь бы его никто больше не искал. С великим религиозным чувством он относился, видимо, только к собственному фаллосу.

Однажды Анна, будучи в гостях у Хади, спросила:

– Почему женщины на твоих фотографиях, мать, сестры, даже маленькие девочки, все в платках? У вас очень жарко. И почему бы им не показать красоту своих волос?

– У нас такие обычаи. В мусульманских хрониках говорится: однажды за ужином друг Пророка Омар возмутился, мол, мы едим рядом с женщинами, наши руки соприкасаются, а ведь между нами должна быть какая-то завеса. Так появилась идея о том, чтобы женщину как-то бы отодвинуть от Пророка, и для этого придумали платок – хиджаб.

– Но это унижительно, – услышав объяснение, возмутилась Анна. – Почему женщину надо куда-то отодвигать? Может, в конуру засунуть, как обезьяну неполноценную? Почему ее надо сторониться и стыдиться? Можно ли задать вашей религии кое-какие вопросы: каково с такими постулатами жить обществу целые столетия? И почему женщины не восстали против таких унижительных установок?

– Просто мусульмане не любят, чтоб их женщинами любовались другие.

– Ах да, ревность... – поморщилась Анна. – Желание так унижить женщину, чтоб на нее никто и не взглянул. Страной у вас управляет диктатура ревности, не так ли? Глянь, какие у меня косы! Зачем мне их прятать? Я никогда не надену платок! Среди лета... Да еще в жару!

– Согласен! – кивнул Хади и произнес вдруг самое неожиданное: – У тебя недавно был день рождения. И ты позвала гостей. Сидели мы в комнате вдвоем. Почему?

Закусив губы, Анна молча глядела в стену.

– На тебя ведь тоже пытались накинуть платок. Хотя другого рода и в другой форме, – дал неожиданное объяснение недавним событиям юноша и добавил сердито: – И у вас свои предрассудки. Да еще какие! Даже студенты не успевают за эпохой. Социализм прогрессивен, да, но ваши люди его, как Космос, еще не освоили. Так что воспитывать долгие годы надо почти все народы.

Согласившись с правотой выставленных, будто щит, доводов, девушка поднялась со стула. Хади поцеловал ее на прощанье и сказал:

– До встречи! Обдумай, о чем будем спорить завтра...

В этом непостижимом мире все менялось каждый день. О переворотах в той или иной стране Анна узнавала теперь даже не из передач последних известий, а на кухне, на которой то одна девушка из какой-либо арабской страны плакала, когда мыла посуду, то другая.

Вот поникли студентки из Ирака. В их стране расстреляли президента. После этого в Багдаде шла одна политическая битва за другой. Их устраивала рвущаяся тогда к власти буржуазная партия Баас во главе с амбициозным молодым лидером Саддамом Хусейном. В стране теперь непрерывно летели чьи-то головы, то есть погибали хорошо известные этим девочкам люди, которых они нынче оплакивали взхлеб, даже на кухне с кастрюлями в руках. (Знал бы Саддам, что через полвека линчуют и его.)

Иракская поэтесса Вафия-абу Килам, жившая тогда с Анной в соседней комнате, была в растерянности: ей нельзя было теперь возвращаться домой, где нынче сажали и расстреливали коммунистов. Вафия состояла в компартии.

Появился на этаже пятилетний арабский мальчик. Его мама каждый день, каждую минуту ходила в черной одежде в знак траура по своему мужу, которого в Ираке закопали живьем.

Арабчонок, живущий теперь на Ленинских горах, быстро освоил русский язык, потому при встрече вежливо спрашивал:

– Тетенька, на каком языке с вами разговаривать: на русском, арабском или английском? И делал при этом книксен.

Советские студенты, как правило, без языковой чужестранной среды знавшие лишь свой родной язык, бывали в шоке при встрече с этим маленьким веселым полиглотом. Только мама его никогда не улыбалась.

Погиб в Багдаде и вернувшийся на родину аспирант из института Восточных языков Раззак. Студенты столичного университета как-то забастовали, требуя снижения платы за обучение, а преподаватель их в этом поддержал. Через несколько дней к Раззаку подошли на улице и расстреляли в упор. Шестеро детей его навсегда остались сиротами.

Мир бурлил, и все как-то недобро, грязно. Хорошо знать, что над твоей головой сияет созвездие Большой Медведицы, неизменно плещется Тихий океан, где-то блестит бирюзой озеро Иссык-Куль, и сколько бы поколений на землю ни пришло, небесный Ковш будет каждую минуту свисать над планетой. Хорошо знать, что в твоём городе никто не стреляет, даже по ночам. Не падают под откосы поезда, нет яростных селей, буранов, неожиданных и страшных политических бурь. Значит, у каждого человека есть привязка к вечности Вселенной, к точности жизни и четкости почти всех понятий. Значит, в людском созвездии никого не забудут, всегда оценят чью-то жизнь и труд.

Но, глядя на плачущих арабских девочек, согбенно и безрадостно моющих посуду на кухне, Анна думала о том, как трудно вне системы хоть в чем-то реально помочь человеку. Каково это – в одиночку карабкаться по скользкой и грязной полусфере жизни, ловко сбивая при этом пяткой других? Вот, к примеру, мусульманская полусфера планеты выдавливает из жизни на самую дальнюю обочину своих матерей, дочерей и жен, создавая блага только мужчинам, конечно, за счет рабства женщин. Честно ли это, если за подобное нынче еще стоят миллионы?

Так в чем и как найти четкость понятий в реальной жизни, а не в выдумке, даже если она и всеобъемлющая, как религия, обещающая правдивость и честность человеческих отношений, политологических и общественных, лишь... на небесах? На каком-то... другом свете. Хотя сами проповедники не очень-то спешат к межпланетным тропам в темные холодные сгустки Галактики. Даже во имя обещанного другим миллионлетия! И что может защитить твою жизнь от бесчестия и подлости чьих-то предрассудков? Как оборониться без каких-либо полков и дивизий?

«Почему своих погибающих соратников в других странах не защищает моя страна? – неожиданно вдруг всплыла мысль у Анны, и, как звезда вечером, начала разгораться ярче и ярче. – Почему никто не боится, что за убитого во время переворота сторонника социализма, сторонника земных благ для каждого народившегося в этом мире человека, хоть кто-то будет наказан?».

Прыгающие за окном воробышки взлетели, сели на подоконник, явно подслушивая чужие мысли. Но и они не могли в миг или даже в столетие решить сложнейшие проблемы цивилизации.

Неожиданно покинул Москву Рахман. Его вызвали на родину, чтобы создать в стране первую коммунистическую газету на арабском языке. Компартия поручила ему создать издание, на страницах которого будут писать о бедах дехкан, ремесленников, подсказывать, как справиться с трахомой, как помочь сироте. Восхищаться яхтами и дворцами нуворишей в этом издании не будут.

А Хади вскоре начал писать диплом об отрицательных вероятностях в квантовой механике. Анна исправляла в нем орфографические ошибки. Иногда они отрывались от работы, о чем-то спорили. Потом долгое время в их комнате говорило только... радио.

После защиты диплома роковая черта, которая должна будет отделить их друг от друга, приближалась неумолимо.

О чем думала в ту пору Анна? Она представляла, как самолет, на котором полетит Хади домой, взмлет к рыхлым неровностям облаков, мелькнет над лугом, над поймой, по теплым травам которой бегала она сама во время первой студенческой практики. Потом махнет крылом Анатолийскому плато и длинному, узкому, как корыто, морю, названному отчего-то Красным, хотя в древности его называли Лазурным. Холодное алюминиевое брюхо машины промчит над первым порогом Нила, над вторым, оставит позади себя поле, на которое африканский крестьянин до сих пор качает воду шадуафом, приспособлением, напоминающим русского «журавля» с противовесом. На берегах Нила до сих пор не принят коллективизм, потому и торчит человек на поле одиноким журавлем целыми днями.

Под летной трассой промелькнет древняя столица Нубии – Фарас. Когда-то в ее развалинах, рассказывал Хади, была найдена прекрасная терракотовая ваза с любопытным рисунком – кольцом из десяти только левых глаз. Нынче древний город покоится на дне Нила под сорокаметровой толщей воды. Но ваза с редким рисунком стоит в музее древностей. По мнению суданцев, столько же глаз, левых и правых одновременно, нужно иметь теперь каждому нубийцу, чтобы выжить в родной стране: военная хунта ввела новую поправку в Конституцию – за участие в забастовках – смертная казнь.

– Оставайся у нас! – предложила Анна.

– Зачем? – спросил он, оторвавшись от работы. – Чтобы мне вместо чая подавали мочу? Ходить по улицам и оглядываться, не ударят ли в спину, не убьют ли в электричке? Задачи вашего правительства меня устраивают, но разве все это принимают? Ваши люди не понимают, что к социализму надо подтягивать весь мир, а для этого самим надо быть гуманнее. Я же слышу разговоры о том, что мы тут лишние, мы – нахлебники, мол, это поле египетское – зерно потом отошлют в Египет, а это эфиопское. Я не иждивенец. Я хочу быть на своем месте. У меня – собственная страна. И еще не хочу, чтоб презирали девушку, которая идет по улице рядом со мной. Мне это невыносимо. Я хочу домой, чтобы свободно жить и заниматься своей работой.

От расизма здорово перепадало и Анне. Как-то в лифте в главном корпусе МГУ ее ударили изо всех сил кулаком в спину. Девушка даже не оглянулась, чтобы Хади не заметил этого оскорбления, дабы не спровоцировать драку, от которой с двадцатого этажа могли бы рухнуть все.

– Хочешь, я еще кое-что тебе расскажу?

Молодой человек отложил страницы недописанного диплома и поведал:

– У нас вокруг Хартума давно нет крокодилов, вывели всех, но откуда ни возьмись, вдруг вылез на берег какой-то один и пополз по набережной... прямо ко дворцу юстиции. Ну и смеялся тогда народ, что даже зверье не выдержало порядков и поползло к правительству с протестом. Как видишь, мне надо скорее туда...

От воспоминаний в теплых волнах нежилось сердце Хади. В холодных, и даже ледяных, тонула в это время Анна. Ей не хотелось расставаться, хотелось удержать его около себя ценою даже безумного поступка: сорвать бы с неба самолет, преградить путь поезду, огромной скалой возникнуть на пути корабля. Лишь бы всегда видеть его руки, тянущиеся к ее косам.

А что же Хади? На мгновение его взгляд, обращенный к Анне, стал каким-то щемящим, но через минуту... будто ничего не происходило.

Представив, что она для него отнюдь не Галактика, не целый мир и даже не осколок от этого мира, Анна поежилась, но взяла себя в руки и через минуту уже казалась спокойной. Хади рядом тоже был весел, добр, сдержан. А руки его, что так любили мять холодный снег в глубине оврага над Москвой-рекой, вовсе не вздрагивали. От разговора с Анной он не собирался мягчать, ломаться, будто белые чугуны, ровно по краешкам.

– Ну, скажи хоть что-то, – молила про себя Анна, думая о том, что она собственными глазами видит, ведь не чужая она ему, не с соседней же лавочки на лекциях...

– Боюсь я за тебя, не выживешь ты у нас, – сказал как-то задумчиво парень. – Знаешь, какая жизнь у нас?

– Какая?

Арабы любят гулять вечерами по тротуарам вместе с детьми и женами. Перекинутся парой слов с соседом, знакомыми. Спросят о здоровье всех членов семьи. Посплетничают. В любом городке страны повсюду ресторанчики и кафе, но... за столиками только мужчины.

– Шагни ты в кафе одна, тебе стакана воды не подадут. К тому же ты не имеешь права идти по улице одна. С тобой всегда должен быть мужчина, даже если ему только шесть лет...

– Как? Что это за унижение? Почему у вас женщина как запретный пол, как существо из-под полы, хуже рабыни? В этой традиции много подлости. Да я бы...

– Что ты?

– Коль вам так не нравятся женщины, я увела бы их всех в другую страну. Или на другой континент. К нам в леса, в тайгу. Бегите тогда за ними тысячи километров!

– Может, и на другую планету?

– А что? Планета Нибиру подходит. Вот и живите без нас! Ваш мир не достоин женщин...

Хади хохотал минут пять, разводил руками, садился на стул, вставал, опускался на диван.

– В тебя двух дерущихся крокодилов подсадили? У тебя пропеллер впереди? – наконец-то проговорил он. – Да тебя у нас тут же прихлопнут. Наша жизнь и ваша – несовместимые миры. Поняла теперь, почему я за тебя боюсь? Ты же активная... Ты нигде не сможешь присмиреть.

И на этот вопрос она, окаянная, виноватая лишь в том, что в его жизни есть, не смогла ответить. Чувствовала только, что любила бы его каждую минуту, а уж тем более – обездоленного, обиженного, все равно же – вдвоем, хоть в мыслях, но вдвоем, и придумала бы, в конце концов, что-нибудь. Шила бы, вязала, учила бы ребятишек русскому языку, писала бы книги, собирала хлопок... Миклухо-Маклай выжил, кажется, в более трудной ситуации.

Словом, Анна по-прежнему за себя не боялась, а он тревожился за нее как за ребенка. Через мгновение на теплой ладони парня лежала брошь: из светлой кости какого-то африканского зверя – бегущая по саванне лань.

– Бери. Ты на нее похожа. Такая же стремительная и нежная, – проговорил с грустью он.

В огромном доме в двадцать этажей, главной неприятностью в котором была крикливая комендантша, жизнь девушке казалась мелким парным морем: все можно переплыть, перепрыгнуть, уехать куда угодно и пойти куда хочешь. Потому при любом сопротивлении она сжималась как пантера, готовая к яростному натиску, мол, прекрати отказываться от меня, прекрати возводить между нами границы, самые настоящие, государственные, с часовыми, постами и глубочайшими водоразделами. Однако вопросы Хади были так разумны, так оправданны, что у нее мгновенно опускались руки: конечно же, он прав, жизнь и впрямь не оставляла им ни одного приемлемого хода.

– Какие-то мы с тобой поперечные, целому миру и во всем поперечные! – бросила в сердцах девушка.

Обидевшись на весь земной шар, она повернулась к двери и пошла к себе. Через минуту увидела, что за ее спиной шагает Хади. Так они непрерывно и ходили друг за другом, то он за нею – на север, то она за ним – на юг.

Оставшийся апрель с весенними проталинами пролетел за несколько минут. Как только из Африки вернулись грачи, Хади защитил диплом о проблемах квантовой механики и купил билет на самолет. В этот день вспыхнула в оврагах черемуха и засиял вдоль дорог жасмин.

– Возвращайся, – просит Анна. – Мы опять будем кататься на коньках, бегать на лыжах и долбить науку. Только не забывай русский язык, – продолжает она и шутливо добавляет, – а то вновь будешь... облизывать картины с маслом.

Весенний дождь вымыл ракитник, хрупкие ветви ив и экспресс, который шустро бежал к Шереметьевскому аэропорту.

– Береги себя, – просит Анна.

В аэропорту дикторы на многих языках мира объявляли посадки на лайнеры, улетающие во все концы света. И как же интересно было в этом зале! Сновали женщины в сари, мужчины в тюрбанах. В длинных шелковых платьях стояли китайки. Проплыло мимо африканское бубу. Ну, тебе музей, двадцатый век в разрезе, словно геологический пласт. За несколько часов тут можно столкнуться с людьми разных рас и наций, вероятно, и многих философских воззрений, скорее всего, именно тут можно понять сущность всего того, что происходит нынче в мире.

За окнами нарастал гул самолетов, сквозь который с большим трудом до сознания Анны прорвался голос диктора, объявившего о посадке на лайнер, отправлявшийся в далекую Африку.

– Тебе пора, не забывай меня!

Хади привлек Анну к себе и в последнюю минуту тихо вдруг произнес самое для нее желанное и сокровенное:

– Жди меня! Я вернусь... Непременно к тебе вернусь! Мы с тобой не расстанемся.

Анна по инерции еще шептала последние напутствия и не сводила взгляда с Хади, который уже поднимался по лестнице и махал рукой до тех пор, пока не исчез за тонкой стеклянной дверью с надписью «выход». Дверь качнулась за его спиной и замерла.

«Выход из Советского Союза, – подумалось Анне, а следующий вопрос возник поневоле сам: – Что же его там ждет?»

В это время усилился гул моторов на взлетном поле, потом послышался гул самолета. Наконец в небо устремился тонкий ровный звук улетающего лайнера. И лишь тогда Анна

поняла всем сердцем сказанное ей несколько минут назад: «Мы с тобой не расстанемся!». Значит, таки «жди»!

И уже виделось ей, что Хади прилетит в такой же синий день. Дождь также вымоет улицы, дома, деревья, и мир будет чистым, прозрачным, как нынче. И вздрогнут веточки Шереметьевского леса от радости тот момент, когда в Москве совершит посадку его самолет.

Через некоторое время из далекой Африки пришло письмо. Хади говорил о себе, о том, что он каждое утро выходит на поиски работы, а ее пока нет, оттого он уже член профсоюза безработных.

На стенах домов в городе то и дело встречаются лозунги: «Требуем работу! Работа – основа прогресса».

Еще писал, что очень скучает по Москве, университету и уже чувствует, что его лучшие годы прошли в Москве.

«Когда вечерами приходит друг, мы часто спорим о путях развития нашей страны. Каждый из нас верит, что она все-таки пойдет по пути демократии и прогресса. После его ухода, когда на душе становится пусто, я вынимаю твою фотографию и долго гляжу на тебя. На ней ты такая же милая и веселая. Пока не ясно, – добавлял молодой человек, – когда я вернусь в Москву, ясно одно: я непременно вернусь...».

В ответ Анна написала, что ждет теперь не только его, но и ребенка, а он уже сделал первые успехи: зашевелился на целую неделю раньше. И в этот день солнце подарило ему свое тепло, яблоко – витамины, птицы спели лучшие песни и даже река за окном потекла медленнее, чтобы прислушаться к его только что зародившемуся дыханию. Анна тоже отдает ему лучшее – настроение, чувства, и каждую минуту – думы о нем.

В письме были подробно описаны дорожки, на которых она каждый день теперь дышит свежим воздухом у реки, пролетающие мимо птицы и заблудившиеся на юге Москвы облака.

В ответ вскоре лег перед Анной долгожданный конвертик: «рад получить сообщение, что у меня будет наследник! Надеюсь, что это будет самый талантливый в мире малыш и первый свой крик он издаст по-арабски, а слово «мама» скажет по-русски. Ребенок мой, и никаких гвоздей. Все мои чувства с вами!».

В больнице – только и разговору, кто как рожал. Жена милиционера Надежда с удовольствием рассказывает, как во время родов она намотала на руку халат акушерки, чтобы не отпустить от себя ни на минуту. На других – плевать. Перед этим же позвонила начальнику мужа и потребовала, чтобы тот обеспечил в родильный дом телефонный звонок аж... с Петровки.

Досталось на орехи мастеру спорта Татьяне. В трудную минуту она так напряглась, что оторвала железные поручни на каталке. Теперь ее ругают даже санитарки.

Многие медсестры сердиты на Кумари из Индии. Во время родов индианка скандалила больше других и била акушерку ногой, чтобы та не вздумала приблизиться к ней. Роженица – из высшей касты, потому роды, с ее точки зрения, имел право принимать только... главный врач. Который, кстати, ради нее и примчался в больницу среди ночи.

Но трудности уже у всех позади. На руке у каждой женщины – крошечный браслетик с номером и датой рождения ребенка. Заходит няня, выкрикивает имя Кумари, подносит ей огромные розы в метр длиной. Надежда получает банку черной икры. Татьяне передали гвоздики.

– К вам пришла Ира, – наклонилась над Анной няня, – что передать?

Анна ничего не может передать. Горло ее сдавлено и слезы, как градины, щелкают по лицу, рукам, одеялу.

– Ничего не надо передавать, – с трудом выдавливает она. – Не надо цветов. Он умер, мой мальчик.

Тут она заметила браслетик из клеенки и марлевых тесемок, который уже не обозначает того, что на нем написано – ни имени ребенка, ни его будущей жизни, заметила его, бестолково болтающийся на руке, осторожно развязала и положила на тумбочку.

Остальные роженицы в белых косыночках, обладательницы на земле самого заветного, виновато прячут глаза кто куда. Они проскочили, удачно прорвались сквозь все трудности, а вот Анна...

– Устала, – сказала она акушерке, потому что уже целые сутки лежит в предродовой, желая в эту минуту одного: хоть бы часок вздремнуть.

В палату приходят женщины: одна, другая, третья, охают, кричат, вскоре исчезают за таинственной дверью. Кроме ее одной.

На Шаболовке в этот день пробовали воздействие наркоза на женщин во время родов, и акушерка, желая помочь писавшему диссертацию будущему медицинскому светилу, сказала Анне.

– Дам я вам наркоз. Часок поспите, а потом рожать...

И чтоб никто не мешал, отвела роженицу в дальнюю палату. Но вскоре кончились часы ее работы, а следующая медсестра, возможно, и не знала, что в дальнем углу коридора уже зарождается чья-то трагедия.

Анна спала как бизон, целых шесть часов, как большой тупой мамонт, уснувший навеки в вечной мерзлоте, а иначе как понять, почему она лишилась вдруг чуткости, почему не услышала, как один на один бьется за жизнь ее ребенок, что ему плохо, он задыхается и умирает?

Охнув, акушерка схватила его за ножки, подняла вниз головой, шлепнула по золотистой попке.

Мальчишка молчал. Ему дали еще порцию шлепков, подбежали с огромным шприцем и он, очнувшись, наконец-то засипел. Не закричал, не загорланил, а засипел: ему слишком долго не помогали, когда он шел к людям, забывчивым и не всегда добросовестным.

– Ребенок очень тяжелый, – наконец-то проговорила акушерка, и беда опять начала вползать в его жизнь: побежали за кислородной подушкой, кинулись к тазу с водой. Мальчишка мучительно сипел в детской еще одни сутки, потом зашла в палату медсестра и сказала Анне, что спасти его негуманно, мол, врачи сделали все.

– Что же вы натворили! – подняв голову с подушки, выкрикнула Анна. – Если бы вы знали, что вы натворили!..

Она упала на подушку и забилась в истошном крике.

– Что вы так переживаете, еще родите! – как-то некстати и не совсем удачно проговорила и нянечка около скорчившейся от страданий Анны, которую ломало от боли и крутило от гневной мысли, что вот она, будущая мать, отмерила своему ребенку жизни столько, что целому македонову войску хватит. Включила в его бесконечные дни путешествие на Гаити, Яву, уйму талантливых книг на его полку уже поставила – Бальзака, Сартра, Толстого... Изучи все, но выбери только доброе отношение к людям... Придет твой час, полюби синеокую... И никогда не обижай...

И вместо этого огромного объема жизни у сына – лишь один закат и несколько лучей солнца на пылающих яростным багрянцем кленовых листьях.

– Уйдите! Немедленно уйдите! За такую работу вам руки перебить надо! – кричала Анна. Но медсестра, бедолага, отвечающая в эту минуту за чужую неряшливую работу, упорно не уходила, будто догадывалась, что боль эта будет кричать в душе Анны целую жизнь. Как вскоре начнет биться и другая, почему письма из Африки перестали приходить

в Москву даже на слонах? Неужели ее в жизни Хади развеяли ветры, выполоскали дожди, уже занесло песками?

Впрочем... Если два человека не смогли толком встретиться, какие претензии могут быть ко всему человечеству? И к тем же пескам. Выходит, что и впрямь люди заточены в своем времени и перепрыгнуть его не способны. Вот и они с Хади не смогли перелететь через свою эпоху, чтобы попасть в какой-то неведомый, далекий, очень добрый и человечный по отношению к ним мир. Так что отрицательные вероятности бывают не только в квантовой механике.

Катастрофа – это не только тогда, когда падают с колеи поезда, но и когда катится под откос душа. Одна-единственная. Обычная человеческая душа. Вовсе незаметная для других. Катится, путается в траве, ищет какие-то корни, чтоб уцепиться, спастись, но как это получится, если так далеко улетает от тебя вся прежняя жизнь. Что тут можно найти?

Вроде еще мерцает над головой по ночам Большая Медведица. Замирая на перекатах, не очень-то спешит к морю река, вновь сияют на клумбе ромашки... Но вокруг тебя все какое-то чужое, все не то. И не для твоего настроения эти цветы, не для твоего нового хода жизни прежние радости.

Хилый, корявый росток, мало радующий других... Вот такой даже себе виделась нынче Анна.

Возможно, виделась она теперь такой и другим: вдруг перестал здороваться в коридорах общежития физик Мухаммед. Высоко подняв голову, он величественно и спокойно, будто верблюд, проплывал мимо. Любимчик университетской дирекции мгновенно решил, что знакомство с нею ему теперь ни к чему. Анна общалась нынче с ним на страницах его только что изданной книги. В ней он писал о том, как хорошо живется иностранным студентам в Союзе, а лично он просто обожает советских людей.

Ловким незаметным ужом проскальзывал мимо Анны Халим.

Но Рая, девушка философа Фарука, сама напросилась в гости. И заплакала, как только оказалась на стуле.

– Что случилось, где твой Фарук?

Рая долго сидела в обнимку с сахарницей.

– Понимаешь, – наконец-то заговорила она, – мы с ним расстались.

– Как так?

Высокий красивый парень с яркими, как у газели глазами, мгновенно встал перед глазами Анны.

– Он сказал, что с женщиной своей национальности ему будет лучше. Потому что европейские женщины очень вольные.

– В общем, вернулся в каменный век, – с юмором заметила Анна.

– Не совсем так, – вытирая слезы, возразила Рая. – Он начал утверждать, что я не буду его ждать, когда он окажется в тюрьме. Боится, что я не буду ему верной.

– Заранее испугался? Вроде как – превентивно...

– Выходит, что так. Как будто для него, революционера, женитьба на иностранке – это авантюризм в любви. Встречаться – не авантюризм. Остальное, видите ли, афера. Теперь однокурсники надо мною смеются, мол, ну что, шлюха для черного, получила от него же по морде?

Что могла ей ответить Анна? Что могла противопоставить такому шовинизму в личных делах? Как возразить против бессовестных и железобетонных аргументов парня с феодальным мышлением? Неужели и впрямь бывает в личной жизни возврат в пещерный век?

– Может, не любил?

– Не знаю.

Рая совсем пригорюнились. Анна жалела о том, что в этот момент не было рядом с ними Стендаля с его острой мыслью во взоре, чтобы писательским взглядом окинуть ситуацию и написать бы еще одну главу для нового романа «Белое и черное». В которой бы отметить, как чернокожий юноша свое обычное личное предательство выдает едва ли не за подвиг. Как привыкшие встречать неприятности по отношению к себе в другой стране африканские парни беззастенчиво причиняют уйму боли тем, кто их полюбил, принял, помог во всем, в чем только мог.

Понимают ли они, что расизм, который обрушивается на них в других странах, обрушивается и на головы их возлюбленных? И за что девчонкам такое терпеть, когда с ними и любимые поступают не по-людски? Ладно бы, когда одна беда на двоих, это хоть как-то, но одолеть можно, но за что им, хрупким, беззащитным, нежным и очень честным по отношению к своим избранникам, платить за расизм уже и после разлуки? Почему эти ребята, ради счастья которых поднялись на баррикады женщины, дернули с этих вершин первыми?

Если Фарук понимал, что Рая для него – лишь сезонный листок на ветке, обреченный в любой момент упасть на землю, под чужие ботинки, стоило ли тогда, будь он предельно честным человеком, вступать в такие сложные и трудные для обоих отношения? Значит, парень, живя в другой стране, бессовестно использовал чужую жизнь, загодя ведая о том, какую беду потом принесет девушке.

«Может, правы были мои однокурсники, когда прислали мне черную метку? – обдумывала Анна уже совсем иной ракурс той же ситуации. – Может, они заботились обо мне, вот так просто, по-племенному, на примитивном уровне, мол, это наше, не трогать?».

Тогда выходит, что права обоюдная беспардонность. И правы те, кто делит людей на белых и черных, бедных или богатых, сильных и слабых. Тогда можно жить без идеалов, и бунт, в противовес Сартру, не всегда прав? Можно, выходит, принохаться к любому свинству, что и делало человечество в расовых вопросах много веков. Не совсем смиренно, конечно, но жило ведь как-то. Жило, как получалось, без какого-либо уважения к Копернику, Джордано Бруно, к изобретателю Тесле, который первым на земле подал постоянное электричество в дома, а банкир Морган вышвырнул физика из офиса и разорил его лишь за то, что ученый хотел продолжать свои опыты по беспроводной передаче энергии на далекие расстояния.

А за что убили Мартина Лютера Кинга? За идеалы же...

Но без них как жить на планете? Любоваться намордниками религиозных средневековых палачей, грязными ордами Чингисхана, черными эсэсовцами?

В страницу Истории Анна навсегда вписала бы свой постулат: без идеалов – не жить. Ни утром, ни вечером. Ни в нашем веке, ни через десять веков. Ни в море, ни в поле. Без идеалов любой простор окажется склочной кухней или местом для побоища во имя чужой алчности и зависти. Без идеалов человечество – просто помойка. В лучшем случае. В худшем – нагло поднесенный к чужому подбородку колыт. И на знамени каждой жизни должен быть вписан признанный всем человечеством идеал – светлого отношения к другому.

– Не огорчайся, – сказала Анна на прощанье подруге. – Ну, не повезло, явно не тот человек встретился. Пусть тебе поможет мысль о том, что у нас учились не только предатели. Слышала что-нибудь о Рахмане?

И напомним: Рахман вновь прилетел в Россию, тайком, через три границы, потому что жил в это время не у себя на родине, а по заданию партии – в чужой стране. Но когда он узнал, что его Лена родила сына, тут же оказался в Москве, и они уже втроем вылетели к нему на родину.

Для Раи ничего из прежней жизни уже не имело значения. Она в этот момент вырывала из себя прежние чувства, будто дикую яркую лилию, прямо с корнями, вплоть до мельчайших нитей, которые обычно не летят за стеблем, а остаются в почве, чтобы дать жизнь

еще какому-нибудь ростку. Но какие могли быть тут ростки, если вчера Фарука уже видели с другой девушкой? Родом из той же страны, что и он сам.

Поговорив немного о деревенском житье-бытье, – Рая работала директором сельского Дворца культуры и приезжала в МГУ на сессии, – она попрощалась и, словно птица с истерзанным крылом, медленно вышла в коридор. Больше ее в МГУ никто не видел. Зато каждый день на лестничных маршах встречался Анне Фарук со своей молодой женой.

Не общаясь с девушкой ни одного дня, он женился на своей соотечественнице, студентке из медицинского института. И теперь, когда шел рядом с Фатхией, то и дело приотстаивал на шаг, другой, чтобы полюбоваться статной фигурой своей чернокожей жены. Фарук с удовольствием разглядывал ее платье, руки, локти. Вскоре у них родился ребенок. И молодой муж с удовольствием носил картошку, стирал белье, гладил пеленки. Прошрое в его жизни, будто обмелевший пруд, затянулось мгновенно.

Студенческие годы закончились. Анне тоже выпадала иная жизнь. Жить ведь приходится всегда, даже тогда, когда идеалы твои утонули, будто железки в пруду. Горе, как островок, обходить как-то надо. Потому она – в районной газете.

По ночным улицам этого маленького городка бродили стреноженные лошади, щипая густую траву у обочин. Каждый житель имел тут большой сад или огород, где проводил на воздухе почти все свободное время. О засохших отмирающих цветах огурцов люди говорили в этом селении так долго, что этому посвящали долгие часы у колонки, а сводка погоды – похолодание или надвигающиеся заморозки – вызывала столько же волнения, сколько прежде сводки с военных фронтов.

Потихоньку Анна начала проникаться жизнью городка. Ей нравились луга, начинавшиеся прямо за домами, нравился темневший неподалеку лес. Если ветер дул от него, до городка доносилось слабое кукованье. Оно повторялось несколько раз, потом терялось в высоких соснах. Когда воскресенье выпадало солнечным, обитатели поселка торопились в лес за ягодой, позднее – за грибами. Попробовав жаренку из белых, новая жительница поселка также стала интересоваться сводкой погоды, будто новостями с боевого фронта.

Иногда всплывала в памяти Анны студенческая жизнь, и тогда она прикидывала, почему нельзя в обменном бюро преисподней поменять государства территориями, чтобы придвинуть Нубию ближе к России, и хоть с пика Коммунизма увидеть бы, что происходит в Судане, жив ли Хади, занимается ли уравнениями Шредингера, рассказывает ли на своих лекциях о холодных просторах России, о церквушке у края обрыва над рекой, недалеко от которой цветные вагончики метро по-прежнему бегают над сизым от дымки оврагом?

«А вспоминает ли он меня?» – холодело в такие минуты под сердцем у Анны, потом огромным валом поднималось чувство досады на то, что не сумел он одолеть-таки свою долю борьбы за их совместное будущее, видимо, так и не поняв, что их привязанность друг к другу и есть лучшее в его жизни.

И на одном дыхании, буквально за полчаса, легли в блокнот Анны стихи.

Я думала, что ты – Звезда,
А ты как легкая комета,
Умчался к вечности
быстрее ветра,
И уж на наши белые снега,
Наверно, не вернешься
никогда.
Тебя любой поймет:
В чужой земле оставлена

такая малость,
Забытой птицей
женщина живет,
Дарить которой ты хотел
лишь радость.
Но жизнь сильнее мечты,
От нелюбимых – дети крепче.
Живется с ними легче на земле.
Но почему душа твоя
в чужих аэропортах
От говора русского —
трепещет.
Чего ж глядишь ты
грустно вслед
Спешащим к самолету русским?
Той женщины среди них нет.
И все, что ей не сказано годами,
Опять останется в тебе,
Как в саркофаге душном.

Наступила зима. Дикая и метельная она была как никогда. Вьюги оборвали на столбах провода, накрыли ледяной толстой коркой водопроводы.

Покупая хлеб в магазинах, женщины из окрестных деревень тяжело вздыхали:

– Летошний год озимые погибли. Что будем делать, чем скот на фермах кормить? Опять повысим надои не сеном, а разговорами.

Сани, в которых эти милые, закутанные в огромные платки женщины, отправлялись по своим деревням, трудно и медленно двигались сквозь пургу, густые тяжелые леса, надолго замирали перед крутыми лобастыми склонами.

Через три полнолуния в том же магазине слышалось иное:

– Ай да ну, как хорошо у нас на пригорках. Ветреницы, хохлатки появились. День ото дня ближе к севу. Не упустить бы сроки. Работы много, озимь и впрямь вся погибла.

В полях, уже черневших за поймой, вскоре замельтешили сеялки, вновь кидая в борозды семена, а теплые лучи спешили прорезать жизнь каждой новой былинке.

Однажды Анна шла по полю с агрономом. Оглядев густую сочную зелень у ног, он сказал:

– Вот и найдется теперь чем кормить наших буренок. Засеяли нынче поле суданской травой, а поднялась как у себя дома.

– Суданской травой? – изумленно спросила Анна и наклонилась к светлым метелкам растений, родиной которых была далекая, далекая Нубия!

Какой же волнующей была эта встреча! Она разглядывала стебли с нежностью, будто руки любимого. Даже отступила на шаг, чтобы лучше видеть. Потом с гневом отвернулась: чего вспоминать, когда все сгинуло?

Но не выдержала, рассердилась на свой же гнев, присела на корточки перед этой таинственной, крепкой и мощной травой.

– Да очнитесь же! – напомнил о себе агроном. – Я ничего особенного не сказал. Это обычная тимopheевка.

– Конечно, ничего особенного! – спокойно ответила Анна, уже поняв, что на чужой земле пока что легко приживаются только травы. – «А вот люди... Все у них почему-то куда сложнее».

«Видимо, опять в МГУ арабские студенты в испуге приникли к радиоприемникам», – поняла Анна, когда увидела на своем рабочем столе газету «Правда», а в ней сообщение о том, то в Судане вновь случился переворот.

«Леворадикальные офицеры, – сообщала газета, – сместили в стране президента, взяли власть в свои руки».

В комнату вошел заведующий отделом, материалы которого, есть ли в сельпо мыло, спички, ткани, пряники – нет ли, всегда кончались одной фразой: «Итоги радуют».

– Чего сидишь, дуй в командировку! Двести строк за тобой в номер... Ты уже должна быть на пути «из варяг в греки». Зарисовку о людях привези!

На всхолмленной большой равнине ели смотрятся как забытый с древних времен дозор. Ильмень-озеро, густо-синяя чаша, живет в нем особый судак, ильменский. Такого у рыбаков с Новгородчины во все века и везде покупали мгновенно.

Озеро мелькнуло через два часа. Учебники географии рассказывают, что около пятидесяти рек – Мста, Ловоть, Пола – в него впадают и лишь одна вытекает.

Водителю автобуса хочется нынче добровольно поработать и экскурсоводом.

– Перед нами строение мужского монастыря, – не отрываясь от руля, рассказывал он.

Анна с гневом отвернулась от этих стен. Что же там за жизнь была, коли людям приходилось десятилетиями выдавать себя за бесполох никчемных существ? Когда не погладить собственного ребенка, не положено обнять женщину? Для чего тогда жизнь, если от нее во имя этого «ничего» добровольно отрезать еще и огромные ломти? Жизнь превратила и Анну в такое же бесполое существо, поэтому она понимала, каково приходилось за этими стенами другим. Но чтобы добровольно такое, во имя чего?..

– Существует легенда, что большие деньги на содержание монастыря отпускала одна княгиня, – охотно рассказывал добровольный гид.

Пассажиры сквозь уши пропускают фамилию добродетельной женщины. Лесная чаща сбоку так манит, что хочется удрать к ее холодным низинкам, опустить руки в приозерные лужицы, в которых купаются облака и над которыми летят трели птиц.

– Не буду сидеть с внуками, – охотно поведывала Анне соседка: – Для себя пожить хочу.

Водитель еще раз оторвал дремлющих граждан от их полусонных дум.

– Но однажды княгиня не согласилась в чем-то с обитателями монастыря, – бубнил он давно накатанный текст, из-за монотонности которого его мало кто слушал.

– Я только что на пенсию вышла, чего мне с ними сидеть? – продолжала о своем Дина Григорьевна. – Я всю жизнь много работала – не прекращала она свою исповедь.

Как тут не удержаться от нотаций?

– Вы в санатории ездили? – спросила ее строго Анна. – Кто-то ведь и завод для вас построил, чтобы вы ни одного дня не сидели без работы. Кто-то поликлиники создавал, ну и отдайте в ответ должное хотя бы внукам...

– Ни за что! У меня невестка – дрянь!

– Но внуков-то вы любите.

– Не уговаривайте, не буду... Я должна замуровать себя в четырех стенах?

Водитель повысил голос:

– И монахи ее, живую, замуровали в стене.

– Как? – возмущенно вскрикнула Дина Григорьевна и поднялась в кресле. – В этой стене? Живую? Вот хулиганы! За ее же деньги... Не на меня наварались, я бы заставила этих бандитов мочалу жевать.

И вот, не жалея реальных, ныне живущих внуков, она жалеет мифическую княгиню из прошлого, чем-то напоминая собою источник, в который на протяжении длинной жизни много чего вливалось, а под конец – ни одного истока реально не изливается даже для внуков.

«Вот тебе и Дина Григорьевна... Такая же эгоистка, как и монахи».

– Ты что привезла? – возмутился редактор. – Мне о тружениках надо, о мужественных людях... А тут о какой-то полоумной бабке. Эгоистов и без нее на этой земле хватает.

– Нужно лишь «Итоги радуют»?

– Ну...

На столе заведующего отделом лежала центральная газета. Наклонившись над нею, Анна увидела на первой полосе – портрет секретаря Суданской компартии Махджуба. С петлей на шее. И виселицу за его спиной.

«Казнили, все-таки казнили. Такого человека... За что?» – в ужасе спросила она себя и опустила руки.

– А если они, итоги эти, не совсем радуют? – тихо спросила Анна своего коллегу, но спросила, конечно же, только себя. Кого в этом райцентре интересовали проблемы далекой африканской страны?

С ужасом на лице читала она репортаж о том, что в Судане – полнейший развал экономики, почти все заработанное страной уходит на оплату лишь процентов от займов, взятых в западных банках. В городах невозможно найти работу, взметнулись цены, и даже такое простенькое в Африке лакомство, как бананы, становится для детей недоступным, потому что прекратился подвоз продуктов в города. Президент же провозгласил в стране однопартийную систему и разорвал с коммунистами, которые требовали создать правительство «народного фронта», в котором все партии пользовались бы равными правами. Вскоре легальное руководство Суданской компартии было арестовано.

Тогда люди, как описывала газета, вышли на улицы. Офицеры захватили дворец и президента, который потратил двести миллионов долларов на закупку американских танков. Но от кого и от чего защищаться в стране двух Нилов танками? От личинок шистоматоза в речной воде, от суховея? В долинах срочно нужно иное: ирригация. Иначе засуха окончательно разъединит людей и по одному уведет в смерть.

– Мы так и остались рабами! – вещали с трибуны ораторы. – Только гонят нас теперь по пыльным дорогам экономическими плетями. Хотите быть рабами и дальше? Опять в собственной стране жить как за печкой?

– Нет! – кричали люди в ответ.

Ораторы говорили правду, но в очень далеких, донельзя сытых, олигархических кругах планеты решили иначе. В результате... президент чужой страны – Анвар Садат – бросил на Хартум военный десант. Парашютисты, не имеющие никакого отношения к Судану, их предки испокон веков жили в нижнем течении Нила, с воздуха расстреливали восставших. Их убивали даже в водах реки. Также безжалостно, придет время, на центральной площади Египта будет расстрелян на глазах всего народа и Анвар Садат.

В эти же дни отличился и молодой полковник Муаммар Каддафи. Узнав, что в самолете над Ливией в районе Бенгази летят из Лондона лидеры Суданского восстания Бабиер ан-Нур и член совета майор Хамадалла, он распорядился посадить самолет. Ливийский диспетчер передал на борт, что если лайнер не совершит посадку, то будет сбит. Самолет имел возможность за пять минут исчезнуть из пространства Ливии, но пилот почему-то совершил посадку.

Пленники понимали, что прекращение полета стоит им жизни, но, как сообщили газеты, не могли удержаться от шутки, мол, хорошо бы выпить до посадки еще одну порцию виски – ведь в Ливии сухой закон.

После посадки лайнера руководителей восстания Ан-Нур и Хамадаллу арестовали. Лидер Ливийской революции Муаммар Каддафи, молодой бравый офицер, козырнув в при-

ветствии Западу, преподнес беглецам свою чашу с цикутой: депортировал их в Судан в наручниках.

Казнили Махджуба, секретаря Суданской компартии, несмотря на обращение Брежнева, на рассвете во дворе тюрьмы, на глазах всех заключенных, которые в эту минуту хлопотали яростью, рвали решетки на окнах, кричали от возмущения, пели Интернационал.

Казнили Махджуба в тот день, когда его младшему сыну исполнился год. Президент Нимейри нарочно выбрал этот день, чтоб навсегда отравить жизнь семье покойного, чтоб сын никогда не мог отметить свой день рождения.

Суданских левых, которых сдал Нимейри ретивый Каддафи, повесили в этот же день.

Многих коммунистов в Судане в 1971 году даже не бросали в тюрьмы. Их убивали в квартирах, на улицах, во дворах, на глазах родственников и детей. Жены погибших с детьми на руках убегали в деревни, в джунгли, в пустыню. Их находили и в песках, где до смерти забивали и беременных.

И тогда оставшееся в подполье руководство партии бросило клич: – Не прятаться! Всем выходить на широкие улицы. Страшно? Да!.. Но под ярким солнцем на глазах сотен людей убивать будут меньше. Надо заставить Нимейри бросать коммунистов в тюрьмы. Пусть с вас берут подписки, что вы больше не будете заниматься политикой. Подписывайтесь. Мы уйдем в подполье. Партия должна перехитрить врага.

Компартия действительно перехитрила врага и этой уловкой спасла жизни многим.

Капитал, мерзкое мировое закулисье едино в порыве не терять ни цента от доходов в любой точке земли. Капитал хрустел людскими ребрами по всей планете как хотел. Какова была реакция Советского Союза? Ведь жертв в Судане было куда больше, чем в Чили. В ответ – лишь заявление ТАСС.

Капитал вешал, расстреливал своих противников по всему миру, а советская дипломатия соратников ни в одной точке земли не защитила. Лишь кое-где показала пальцы в растопырку, да слегка постукала ботинком по трибуне ООН. И то какой шок был у недругов лишь от одного этого тычка! А если бы еще прислать флотилию?..

В столичном издании, куда перебралась из районной газеты Анна, ей сказали то же, что и в прежнем.

– Нужен материал о тружениках, о мужественных людях.

Но добавили то, что никогда не произнесут в малой газете:

– Хочешь в Заполярье?

– Еще бы!

В городе, где «олень держит на рогах день», на широте Полярного круга, в гостинице Салехарда ненец Лэми Худи с удовольствием болтал с Анной.

– И живут тут налим, щекур, муксун, – охотно загибал он пальцы, – сырок, язъ, горностаи, лисицы, песцы, медведи, осетр. Самые жирные на земле собаки. Котят иногда на рукавицы держим. Живет еще гусь. У меня дикий гусь с собакой оленей загоняют. Прижился Васька у моего чума.

Наконец-то Лэми Худи утомился от собственной скороговорки.

– Тебе куда ехать? В Панаевск? Тогда вместе едем...

– Это далеко?

– Как до Шанхая пешком. Одинаково.

Анна чуть не шлепнулась на пол от удивления:

– Ну и ну!..

– Значит, к Валентине едешь!

– Кто такая Валентина?

Лэми Худи вытащил трубку из рта и изумленно уставился на гостью.

– Не знаешь, однако?

Он порылся в карманах, вытащил какую-то бумажонку.

– Вот, гляди!

– Что? – не поняла Анна.

– Подпись, однако. Валентина – директор совхоза. У нас миллион триста гектаров пастбищ. Представляешь? А я оленьевоод...

Ночью солнце гуляло по Салехарду, как днем, и мало кто в разгар лета тут спит как в центральной России.

– Завтракала? – спросил Лэми Худи.

Он открыл чемодан, кинул на постель майки, трусы, достал огромную рыбину, порезал, лучшие куски сунул Анне.

– Ешь, твоя держаться надо. «Аннушка» – плохой самолет. Я приехал за дочкой, наши дети часто в лесной санаторной школе на юге живут. Сейчас отвезу ее в тундру. Ты, наверно, врач? Едешь проверять наших людей?

Конечно же, Анна автоматически кивнула и залюбовалась девочкой, которая сидела на койке. Тоненькая, с косичками, с умными глазами, девочка охорашивалась перед крошечным зеркальцем, застегнув в волосы ярко-красную заколку.

– Как тебя зовут?

– Майяне.

– В каком классе учишься?

– В седьмом.

– Книжки любишь?

Девочка вытащила из сумки «Айвенго», рассказала о простом парне, который на охоте отморозил ноги, таких несчастных у северных народов прежде отстреливали, чтоб не сидел на шее. Но благодаря тому, что везде в стране уже были открыты школы, парень выучился и стал капитаном корабля.

– Пора к самолету! – скомандовал Лэми Худи и быстро пошел вперед.

«Аннушка» действительно изводила своих пассажиров, то и дело ныряя к каждому озерку, будто хотела понюхать все ромашки на их берегах.

– Держись, еще полчаса терпеть! – подбодрил неопытную пассажирку ненец.

– Прилетели? Наконец-то Панаевск?

– Ты что? – воскликнул Лэми Худи. – Это Яр-Сале пока. Вон звероферма, большие деревья. Дальше на Харасавее ни одного дерева. Оленьевоод, чтоб чай подогреть, черный мох в огонек подкладывает. Вон райком, видишь?

– Вижу, – сердито буркнула гостя, потому что этот райцентр и впрямь с другим не спутаешь: дома на сваях, дорога – широкий деревянный настил – тоже на сваях. Под настилом плюхает зеленая жижа.

– И захоронения наши, однако, на сваях, – добавил ненец, кивнув на горку, на которой возвышалось скопление каких-то длинных ящичков. – Вечная мерзлота, – вздохнул Лэми Худи. – Совсем не хочет человека эта земля, ни живого, ни мертвого.

– Панаевск где? – спросила нетерпеливо Анна.

Ненец молчал, прислонив ладонь ко лбу, что-то высматривая вдали. Вместо него ответила Майяне:

– Еще плыть на катере надо. Отец верно сказал: как до Шанхая пешком. На пристань пойдем сейчас, там должен быть почтовый катер «Связь-7».

– Да, капитан Петелин. С ним мы и доплывем.

На катере из трюма неслась веселая музыка.

– Плохо дело, – испуганно сел на камень Лэми Худи. – Капитан гуляет. Банка пьет. Теперь сутки, чертяка, гуляет. Надо ключ везде искать.

– Какой ключ, папа?

Лэми Худи показал, мол, к душе капитана надо искать ключ.

Анна и девочка подошли вплотную к прохладной, не замутненной воде, в которую даже летом руки не опустишь, ноги – тем более побережешь, ибо заледенеют тут же.

– Александр Васильевич! – крикнул Лэми Худи.

Из трюма катера, так что колыхались вокруг травы, по-прежнему неслась музыка. Потом из него вылезли веселые подвыпившие бородачи, прыгнули на дебаркадер, и, махнув капитану на прощанье, двинули в сторону города.

– Александр Васильевич, – вновь обратился ненец к оставшемуся на палубе мужчине, который стоял на холодных досках босиком.

– Когда Лэми Худи один, он может ждать, пока капитан банка пьет. Но Майяне ждать не может. Дочка по матери скучает. Зачем бродяга у тебя семь раз Байкал переходит, он уже запутался, на каком берегу, однако?

На берегу летало столько комаров, что отделаться от них можно было только авиационным пропеллером. Анна хотела было спросить о чем-то Майяне, но мгновенно ворвавшееся в глотку полчище мошек заставило умолкнуть надолго.

– Александр Васильевич, – напомнил о себе вежливо Худи, – хочешь, я тебе на борт почту загружу, вон курьер едет...

Капитан резво махнул рукой, мол, давай быстрее. Тюки и сумки пять минут ловко летали с машины на борт, и пока курьер подписывал с капитаном документы о том, что почта сдана, Лэми Худи тихонько напевал себе под нос песенку на стихи местного поэта Лапсуя: «я зайчонок кувыркался вокруг чума твоего»...

– У тебя тоже зайчонок уже семь раз вокруг чума перекувыркнулся, не надоело? – усмехнулся речник и пригласил всех на судно: – Жду, сударыни, пожалуйста, быстрее... Сейчас поплывем.

– На Севере порядок нужен, – согласился он и подтвердил: – Не переживай, папаша, скоро будем в Панаевске, языком оленьим после забоя угостишь как-нибудь?

Катерок охотно сорвался с места и рванул на середину реки.

– Петелин чего гуляет? – спросил себя моряк и отчитался: – Петелин дом в Ханты-Мансийске купил, вот и гуляет Александр Васильевич от души. Скоро службу закончу, на юг уеду.

Суденышко долго мчалось мимо плоских, заросших тальником берегов.

– В прошлый раз лось прямо перед нашим носом переплыл, – рассказывала Майяне. – Вон видите, белуха идет, фонтанчики пускает.

– Да, целый косяк идет, – заворчал ее отец. – Жаль, под рукой сетей нет.

Проводив жадным взглядом косяк, ненец вдруг спросил Анну:

– Не обманываешь меня? Вдруг едешь плохую бумагу на нас писать.

– Зачем плохую? Совхоз у вас хороший, много оленины даете, рыбы...

– О, да! – оживился ненец, начал опять перечислять: – И живут тут налим, щекур, гагара...

– Что вы все о налеме, да о щекуре? О людях лучше расскажите... – взмолилась Анна, вспомнив наконец-то о своих прямых профессиональных обязанностях.

Ненец в ответ махнул рукой, отреагировав по-своему:

– Одни Окоттэто живут и Лапсуй. Фамилии Худи мало.

Затянувшись трубкой, он вдруг предложил:

– Хочешь, анекдот расскажу? От тундрового ненца услышишь.

– Есть еще и другие ненцы? – поинтересовалась Анна.

– Лесные еще есть, – объяснила Майяне.

– Детей у вас, наверно, в чумах много...

– Детей? Ну, да, а где их мало? – переспросил отец Майяне и вдруг как-то легкомысленно подмигнул.

– Представляешь, сидит Окоттэто в чуме, вокруг его ребятишки ползают, бегают, кричат. На железной печке у хозяина котел с водой греется. Окоттэто, он ведь у нас в совхозе лентай, лежит на шкуре оленя и думает. Знаешь, о чем думает? «Чи этих детей помыть, чи новых завести?».

Майяне опустила смущенно глаза, а родитель ее хохочет на весь катер.

– Вон Панаевск! – показала на мыс девочка.

– Наконец-то, – обрадовалась Анна.

– Зачем наконец-то? – прервал ее оленевод. – Еще два часа до мыса плыть, потом лодку ждать, потом моя твоя и Майяне на руках до берега несет. Чтоб ноги вам не мочить. Потом моя – твоя – в гости зовет!

Девчонка на берегу вначале обнялась со щенком, потом с огромной собакой редкого палево-каштанового окраса. Около дома повисла на шее матери.

– Вот и чум наш! – воскликнул Лэми Худи и посадил Анну как почетного гостя на шкуру белого оленя. Жена поставила у ее ног белый низенький столик.

– В квартире ремонт, – объяснила она гостье. – Летом в ней жарко. Чум лучше, прохладнее.

Как защита от комаров, у входа медленно дымится в ведерке мох, и тонкая струйка вьется вокруг яранги.

Жена хозяина – Воттани Худи – с удовольствием общается с Анной, разжигая крошечными стружками печурку в жилище.

– В совхозе у нас ой как много оленей, – рассказывает она. – Но их прежде было больше.

– Что случилось?

Хозяйка недовольно качает головой.

– В тундру газовики, нефтяники пришли. Трубы кладут. Нефть горячая, зимой трубы рвет, земля под ними расползается.

Она подала на стол селедку, только вчера выловленную в реке и за сутки превратившуюся во вкуснейшую малосолку, уху из стерляди.

– В ноябре к нам прилетай, – предложила Воттани Анне. – В ноябре у нас забой, увидишь, какой у нас олень.

Гостья поежилась, представив, как при этом замерзнет.

– Какой замерзнешь? – поняла ее жена Худи. – У нас в ноябре погода ясная, мороз трещит, звезды сверкают, сыплют так, хоть колючки собирай.

– А буран...

– Что буран? Тогда рой снег глубже, ложись на шкуру оленя. Через три дня погода будет ясная.

– Три дня в снегу? – охнула Анна.

– Бывает и семь. Однако у нас никто не замерз. Одежда из оленя хорошая, еда из оленя хорошая. Чего еще надо? У нас Валя вон как живет! Она сама оленей вместе с нами кослала.

Услышав шаги на тропе, Вотанни выглянула из чума и с радостью произнесла:

– Вон сама Валя идет.

На пороге уже стояла высокая кареглазая русская женщина.

– Где наша самая маленькая? – спросила она. – Я Насте букварь принесла.

Хозяйка подала тайком Анне знак, мол, видишь, какая наша гостья статная, в кино бы ее снимать.

В чум вбежала семилетняя девочка, бросилась гостье на шею и горячо обняла ее.

– Пойдешь нынче, Настюша, в первый класс? Или я прилечу в тундру, а ты к речке убежишь и за кочку упрчешься?

Настя замотала головой, мол, ни в коем случае... Старшая, Майяне, погладила ее по голове, прижала к себе.

– Валя-директор очень уважает ненцев, вот и не уезжает с Ямала, – шепнула в это время хозяйка чума Анне, потом громче произнесла: – Девушка к нам приехала из Москвы, хочет знать, как мы тут живем?

Откинув косы за плечи, Валя ответила:

– Я тоже в тундре семь лет оленей кослала. И не где-нибудь, а на Харасавее. Там суп вскипятить нечем, воду для чая из снега не кипятили, а лишь подогревали. Не пропала же я.

Биография у Валентины Александровны еще та: выросла она в многодетной семье. Отец погиб на фронте. После войны жилось голодно. Где учиться после семилетки? Узнала, что в Салехарде есть зооветеринарный техникум, в котором дают общежитие, да еще кормят. Где взять деньги на дорогу? В Новокузнецке проникла тайком в трюм парохода, несколько дней голодной сидела на куче угля и «зайцем» добралась до Салехарда. Окончив техникум, получила распределение в совхоз. Когда ненцы увидели этого молодого специалиста, то испугались: тоненькая, унесет же ветром в сугроб. Какой из нее ветврач, самой еще пилюли для роста нужны!

– Наши отцы тогда решили, пусть будет в совхозе еще один ребенок, – рассмеялась Воттани Худи. – А Валя, о-ой!.. Сразу взяла чум и одна-одинешенька... на Харасавей... Девчонка... семнадцати лет! Это даже для коренного ненца – гнилое место. После этого... по секрету тебе скажу, это даже Валя еще не знает...

– Чего я в совхозе еще не знаю?

– Не знаешь! – подбоченилась хозяйка чума. – Наши отцы мечтали взять тебя в свои невестки. Чтоб дети красивыми были. Мой будущий тесть хотел моего Худи за тебя отдать... Поняла? Ты это знаешь? Я как переживала...

Валя охнула, схватилась за сердце, рассмеялась.

– И ты, Воттани, мучалась? Зачем?

– Ну... – потупилась хозяйка чума.

– Чем же закончилось это соперничество? – поинтересовалась Анна.

К счастью, все для двух девушек решилось благополучно. Вскоре в тундру приехал молодой зоотехник родом из Вологды, изумился, что в оленеводах – хрупкая русская девушка. Вскоре у них сложилась семья.

– Где сейчас ваш муж? – спросила невзначай журналистка у Вали-директора.

В ответ гостя дрогнула, опустила глаза, чувствуется, что она очень расстроена.

– Погиб в тундре, – пришла на помощь своему директору хозяйка чума. – Он три дня на оленях скакал, домой торопился. В сильный мороз. У нас так нельзя. Вот он на морозе легкие и сжег. Ему стало совсем плохо, и недалеко от поселка вся упряжка под лед ушла. Он ею уже не управлял. Пять оленей утонули и он.

Дети у Валентины Александровны в ту пору были совсем маленькими: Алешке семь лет, Верочке год.

– После смерти мужа меня директором совхоза вместо него и назначили.

Валентина рассказывает, как ей в то время пришлось тяжело: надо лететь на острова, на стоянки оленеводов, а детей своих крошечных она у Воттани Худи в чуме оставляла. И ребятишки росли как настоящие тундровики: выучили ненецкий язык, обычаи, овладели всеми навыками оленеводов. Сейчас сын ее уже учится в Тимирязевской академии на зоотехника.

– Жизнь у нас очень изменилась, да, Валя?

Директор кивком головы подтверждает, что, да, так. Раньше она отправляла оленеводов на полгода в тундру и не знала, кто из них вернется живым, а теперь у каждого рация, случись что, вертолет тут же над чумом летает.

– А наши мужчины трусливые, – сплетничает хозяйка, – только горло заболит, они уже вызывают по рации вертолет. Очень мнительные. Не умеют болеть. Это только нам дано, женщинам...

Недавно в поселок прилетала из Москвы актриса Валентина Владимировна Телегина, игравшая в фильмах деревенских женщин. Воттани просила артистку показать на экранах жизнь оленеводов в условиях совсем крайнего Севера. Ненцы тогда на выступление Телегиной со всей тундры съехались.

– А какие у нас капризные дети. Больше, чем в городе!

Валентина кивком головы подтверждает и это.

Да, дети тундровиков учатся в школе-интернате в Салехарде, в конце августа их на вертолете собирают по всей тундре.

– Жалко маленьких, – добавляет Воттани, – как увидят вертолет, в тундру бегут и с оленятами в обнимку плачут, не хотят от мамки отрываться. Сидим, уговариваем. По два дня уговариваем.

– А вертолет в это время ждет, – поведывает о своих заботах директор. – Эксплуатация его обходится совхозу очень дорого.

– Но все равно ждем, пока шестилетний нулевишка вытрет слезы и сам шагнет к вертолету... – прихлебывая из чашки горячую уху, рассказывает хозяйка.

Валя начинает говорить с Воттани по-ненецки, дочка же хозяйки Майяне переводит их диалог:

– Спрашивает, сколько стоит собака, чтоб оленей загонять? Мама отвечает, что за такую собаку надо оленя отдать. Кормить ее мясом нельзя, от оленины она слабеет. Давать ей нужно только озерную рыбу. Такая собака – оленевод лучше человека. Она только на Севере живет, настоящий охотник. Мы такой даже лосось кидаем.

У Анны даже слюнки потекли от зависти к подобному рациону:

– Эх, елки-дрова, хорошо ваши псы устроились, – пошутила она.

– А где глава дома? – оглянувшись, спрашивает вдруг Валя.

– Убежал, – подмигивает ей хозяйка, – тебя боится. План по отелу не выполнил. Лето, видишь, жаркое: мошкары много, мошка забивается в ноздри оленю. Матка очень страдает.

Майяне обняла Валентину, та прижала к себе крепко девочку, повернулась к Анне и посетовала:

– Это же надо! Дети не боятся, все время льнут, а мужики как волки на свой хвост оглядываются и все время убегают от меня.

– Чего обижаешься? С мужчинами у тебя другое, – объясняет Воттани. – Ты же с них спрашиваешь... Да еще за пьянку наказываешь.

У входа чум еще медленно дымился подожженный в ведерке мох, хвостик от которого иногда заползал под полог.

– Полночь уже, вот засиделись!

Валентина глядит на солнце, потом на часы, спохватывается. И хотя за пологом еще серый день, ночь уже, оказывается, в самом разгаре.

За чумом – половодье ромашек, больших, ослепительно белых, пышных, которые как ни в чем не бывало растут неподалеку от Ледовитого океана. Только лютики еще вперемешку с ягелем качаются тут на едва оттаявшей летом почве. Васильки, колокольчики остались в тепле, в неге, так и не решившись шагнуть ближе к холодному побережью.

– Беда у нас в тундре, – жалуется Валентина Александровна. – Нефтяники привезли с собою вездеходы. На Ямале найдены месторождения, техники много прибыло, после вездехода же не растет ягель. Трава есть. Но олень траву не ест. От нее он слабеет и со временем погибает. Напиши, – просит она Анну, – как спасти нашу жизнь в тундре, как сохранить оленеводу работу?

Валентина Александровна загляделась на торчащий посреди Обской Губы островок.

– Я ведь тоже два раза в тундре тонула, два раза лодку выбрасывало на мель. Последний раз – вон на этот островок. Вроде недалеко, я их вижу, а они меня – нет. Три дня на ногах стояла, на мокрый мох ведь не присядешь.

Около дома качается крошечная ольха, такая же, как и ее хозяйка, отважная обитательница Севера. Подвязав деревце к колышкам, директор совхоза спрашивает:

– Завтра еще будете? У нас конкурс на лучший чум. Самую чистоплотную хозяйку ждет дорогой чайный сервиз.

В квартире женщина включила телевизор, внимательно выслушала, что происходит в Испании и Вьетнаме, замечталась, глядя на кадры, снятые в Гвинее-Бисау, намекнула, что вот бы и туда попасть, поглядеть.

– Какая у вас хорошая работа, – позавидовала она вдруг Анне, – осмотр целого земного шара, размышления... Вот и поразмышляйте, каково нынче быть директором совхоза? – неожиданно перевела Валентина Александровна разговор на местные темы. – Прежде мною, бывало, как спичечным коробком не потрясешь, а теперь не знаю, как разговаривать с нефтяниками. У них план, но и у меня план... За моей спиной люди, которые нигде больше не найдут себе места в жизни, – добавила она печально. – Лэми Худи виноват ли в том, что не выполнил план? Задай цивилизации вопрос: почему прогресс убивает кормильца? Нам очень нужны машины на воздушной подушке. Пусть скорее пустят их в производство.

Когда через два дня к поселку подлетел «Омик», провожали Анну трое: Воттани, Майяне и директор совхоза. Не забыл попрощаться и Лэми Худи. Прячась за сараями, видно, так и не выполнил план, хотя зря побаивался Валентины, он долго еще махал кепкой.

– Какая замечательная женщина! – сказали в редакции Анне о Вахниной. – Она никогда не уйдет с головою под лед. Вот это характер! Это то, что нам надо!

После публикации в центральной печати очерка о Заполярье и переезда в Москву на столе Анны забился в торопливом перезвоне телефон.

– Мне бы эту журналистку к телефону, – произнес в трубке голос с акцентом. – Алло, вы меня слышите? Это Анна? Хорошо, что это ты... Угадай, кто звонит? Да Рахман, твой коллега. Арабский коллега! Помнишь? Читаю утром газету, вижу твою статью. Вот и нашел тебя.

– Ты каким образом в Москве?

И в памяти, как из глубокой ложины туман, начали всплывать бывшие встречи, знакомства...

– Как поживает физик Мухаммед? – спросила Анна, как только они с Рахманом оказались в буфете.

– Неплохо.

Вернувшись в Хартум, Мухаммед сразу же стал ректором университета на юге и не давал уже работу тем, кто учился в Советском Союзе, особенно клял выпускников МГУ, утверждая на всех конференциях, что в советских вузах дают слабые знания, совсем не то, что в Англии и Америке. То есть сразу отсек, мгновенно перестал узнавать то, что опять ему уже не могло пригодиться, но в любви к чему еще недавно клялся на страницах собственной книги.

– Так быстро?

– Ты хотела медленно? В МГУ у Мухаммеда была лучшая комната. В нашей стране президент дал ему дворец, высшую в науке должность...

– Как поживает философ Фарук? – вспомнила Анна еще одного знакомого.

– Нелегко.

Фарук сидел вместе с Махджубом в тюрьме, мучительно пережил его гибель, вынес пытки, допросы, схватил язву желудка.

– Мы его все уважаем, он человек идеи. Ни дворцов, ни счетов у него в западных банках... Он за то, чтоб каждый человек, уж если пришел в мир, не жил в нищете. Но когда Фарук вернулся домой, ему стало по-настоящему плохо.

– Тяжело заболел?

– Нет, иное... Жена, если ты помнишь красавицу Фатхию с медицинского, ему здорово изменяла.

– Значит, нашла чем заняться, пока муж в тюрьме?

Для своей темнокожей жены Фарук тоже оказался лишь осенним сезонным листком, им тоже поигрались и бросили. Так же, как он поступил когда-то с русской девушкой Раей.

До чего же больно Анне за этого красивого парня с большими, как у газели, глазами. Когда-то он смело, не задумываясь, шагнул от румянощекой веселой, любящей его Раисы к женщине своей национальности, будучи твердо уверенным, что Фатхия в трудную минуту будет ему крепкой опорой. Но дорого обошелся Фаруку этот шовинизм в любви! Вот уж право, как верна присказка: если мужчине предложить розу и капусту, он непременно выберет овощ. Да еще гнилой. Хотя с виду очень привлекательный.

– В общем, сам надел себе чулок на голову. Раю вспоминает?

– Еще бы... Прямо так и говорит, что это ему кара за Раю.

За окном город, огромный, как планета. И вообще все человечество – один огромный город. Ничего в нем не скроешь, ничего не спрячешь, рано или поздно истина докапывается до каждого.

– Что делает поэт Осман?

– Еще один артист...

– Как так?

– К деньгам очень спешит!

– Наверно, их любят все, но не каждый готов потерять из-за них совесть. О чем он пишет?

Рахман схватился за голову, но спросил лукаво:

– Ты когда, Анна, выходишь за город, встречаешь в поле ангела?

– Нет. Почему-то...

Осман по-прежнему печатается, много пишет, но о чем? «Некий Мухаммед из Омдурмана, который неделю назад ушел в пустыню за отарой, встретил в песках спускающегося с неба ангела, который просил передать людям, чтобы они ни в коем случае не отказывались от шариата».

Анна хохочет на весь буфет! Услышать такое в век космических кораблей, пятого поколения роботов, в век конструирования генов.

– За такие произведения у нас хорошо платят, – объяснил Рахман.

– Значит, теперь это бывший поэт... Значит, и этого не досчитался бы потом Махджуб...

– Да, Осману ничего не скажешь в лицо. Пропеллер вместо него.

Жизнь и впрямь для каждого – буря. И какие нужны крючья в душе, чтобы удержаться, не повалиться в тайфун? Сколько людей уже к середине жизни напоминают флаги, в которые больше не дуют ветры, ни зюйд-вест, ни слабый морской, островной или горный, короче, похожи такие жизни – на ветошь.

– Халим по-прежнему проповедует шариат?

– Молчит. Мы его заткнули.

– Каким образом? Прямо кляп и все?

– Хуже.

На лекцию, на которой Халим соловьем заливался о пользе шариата, ему задали вопрос: не жестоко ли это – рубить руку за воровство, даже если голодный украл лишь буханку хлеба?

Халим, не моргнув глазом, ответил, что только так можно пресечь кражи. После этого на трибуну потянулась вереница увечных людей, кто с отрубленной левой, кто на одной ноге, а то и без двух рук. С серой кожей на лицах, изможденные, больные.

– Погляди им в глаза, брат Халим! Не стыдно? Погляди внимательно. Что ты поддерживаешь? Надо ликвидировать безработицу. Строить заводы, фабрики, школы, больницы, а не закупать танки... Ты в Советском Союзе видел хоть одного безработного или бездомного? К социализму надо идти, а ты куда нас тащишь? В тысяча... пятисотый год хиджры?

После такой демонстрации увечных как ветром выдуло из аудитории мусульманских братьев. Сжавшись, Халим тоже убежал. Больше в Хартуме его не видели.

– Признаюсь в грехе, – посмеиваясь, рассказывал Рахман. – Этот позор мы ему, коммунисты, устроили! Теперь он на севере страны торгует зубными щетками.

– Ты как живешь?

Наверно, труднее всего рассказывать о себе. Репортажи, которые Анна много лет назад читала на страницах газеты «Правда», оказывается, писал Рахман. Прямо из тюрьмы. Даже тюремные надсмотрщики помогали ему передавать их на волю.

В то время как парашютисты Садата косили восставших, Рахман охранял здание редакции. Когда коммунистам и тут пришлось отступить, он кинулся в дом к брату, миллионеру.

– Убирайся вон! – завопил испуганно Омар, – из-за тебя погибнет моя семья.

Жена миллионера, очаровательная Асьма, предложила робко:

– Господин, – робко произнесла она шепотом. – Давайте поможем ему. Спрячем в подвале, а ночью отвезем в деревню.

Ударившись головой об стенку, женщина замолчала, прикрыла окровавленное лицо платком.

– Как ты смеешь обижать Асьму? – бросился с кулаками на брата Рахман.

– Как ты посмел придти к нам! – услышал он в ответ.

Через мгновение миллионер вытолкал нуждающегося в защите брата за калитку, у которой уже дежурил военный патруль.

По ошибке, в спешке, Рахман ткнул ногами в сандалии Омара, после чего тот долго боялся, что по этой обуви нащупают его связь с компартией. Мало того, пользуясь тем, что Лена, жена Рахмана, пряталась в это время с детьми в деревне, он продал дом, который покойный отец завещал Рахману, старенький в нем холодильник и даже детскую колыбель.

Рахмана пожалели другие. В тюрьму его товарищи писали: за жену и детей не волнуйся, они живы, здоровы, надежно спрятаны, береги свои силы.

На волю Рахман передавал известия не столь утешительные. Его репортажи из тюремной кротовины о казни Махджуба и офицеров вызывали такую щемящую боль, хоть в душу себе не гляди, будто и она виновата в том, что вот еще крепки руки, здоровы ноги, однако, уже не изменить ситуацию и никоим образом не вернуть к жизни дорогого многим человека.

– Махджубу поставили памятник?

– Какая ты наивная, коллега! До сих пор неизвестно, где он похоронен. Это лишь в Советском Союзе таких людей хоронят с почетом. Во всем мире за лидерами компартий гоняются целые зондеркоманды убийц.

Рахман хлопнул себя по карманам в поисках сигарет, надолго умолк, глядя на окно, столы, посетителей буфета. Какая-то молоденькая секретарша, не допив кофе, не доев яблоко, спешно побежала на другой этаж.

– Какое безобразие, – привлек внимание Анны к недоеденному яблоку арабский журналист. – У нас таких огрызков не увидишь. Наши дети яблоко доедают до конца. У нас же голод...

На соседнем столе валялись ломти белого хлеба. Кто-то лишь попробовал борщ и оставил его почти целиком в тарелке. Вечером сытые образованные люди спокойно едут в троллейбусе домой, читают газеты, глядят фильмы на экране телевидения. У каждого жилье и работа. Но они охотно жалуются друг другу на то, как им плохо живется, в магазинах нет... красной рыбы, икры... Лишь деликатесов.

– Благодарите за это социализм... Нигде в мире нет столько нормально встроенных в жизнь людей.

– Неужели у вас так плохо? – ужаснулась Анна. – Тогда как живется жене Махджуба, сколько у нее детей? В мусульманской стране, с ее предрассудками, без мужа? Работает ли она?

– Два сына у нее. Медсестрой работает. Но зарплата крошечная. Конечно, ей помогают. Журналист вроде бы тут же переключился на другую тему.

– Помнишь Аида?

Как забыть человека, который на горной тропе поздоровался с медведем сразу на трех мировых языках?

– Он и сейчас не испугался хищников. На этот раз собственных.

Любознательный геолог после возвращения домой сутками изучал в архивах старые чертежи, легенды, древние рукописи. Сопоставил, сообразил...

– И нашел!

– Что?

– Заброшенные шахты, в которых в древности добывали золото. Разработал, теперь имеет дело в нескольких странах. Аид очень богатый человек.

– Изменился? – поинтересовалась Анна. – Его связывает с Россией только «Российская водка»?

– Ни в коем случае, – сразу же отмел подозрения коллеги Рахман. – Он помогал нам, особенно в трудные годы.

Журналист взглядывает на собеседницу, не принести ли еще кофе, она кивает головой, мол, да, принести, и когда чашки опять на столе, разговор продолжается, но уже не на столь радостной ноте.

– Знаешь, у меня в доме большое несчастье: Селим погиб, – трагическим шепотом сообщил Рахман.

– Тот мальчик, который вас когда-то с Леной соединил?

Жизнь, как всегда по привычке возведя курок, почему-то любит стрелять в невинных.

– Как это случилось? Буря виновата, коряга, овраг?

До чего же иногда беспечны люди! В жаркий день, когда невыносимая духота заливала, казалось бы, весь мир, жена Рахмана (ради счастья которой он когда-то подпольно пересек три границы) с дочкой на руках во дворе оживленно болтала с соседкой. Катя дернула маму за плечо, но та на девочку не обратила внимания. Малышка неожиданно заплакала, показала пальцем куда-то за спину, в другой угол двора. Лена, тряхнув ее и шлепнув по попке, продолжала обсуждать городские новости. А когда оглянулась... Маленький Селим, у которого от жары закружилась голова, упал в бассейн и уже захлебнулся. Мать была неподалеку, но вовремя не помогла ему.

– Выражаю соболезнование! – проговорила печально Анна, сожалея о том, что ушел мальчик, который, будто на параде планет, выстроил в Галактике жизнь едва не потерявших было друг друга мужчины и женщины.

– В том горе каждый из нас ушел в себя. Мы едва тогда не расстались.

После беды, Анна знала по себе, ни с кем не хочется говорить. Уткнуться бы в угол и долго глядеть в одну точку. Выйти из такого пике, из состояния вечно падающего планера, трудно. Нужно время. Немалое.

Но глаза Рахмана вдруг засияли.

– Теперь у нас еще двойня. Мальчик и девочка!

– Вот это да, поздравляю!

Странно как устроена жизнь: кластер беды иногда так близко рядом с кластером радости.

– Каким образом ты в Москве?

Рахман потянулся, с удовольствием сообщил:

– Я в своей стране работаю теперь от АПН – для вашей печати освещаю события в Африке и арабском мире.

Судьба долгое время тащила Рахмана по камням и вдруг вытолкнула в необозримые пространства бытия, когда пиши о целом континенте, ничего не будет упущено, все будет опубликовано. И материальной нужды в семье вроде бы уже нет.

– Мне это нравится тоже. Сотрудникам АПН из других стран раз в год положен бесплатный билет на самолете в Советский Союз вместе с членами семьи. Вот мы и прилетели. В Москве теперь вместе.

– Надолго?

– Я недели на две. Лена пока останется.

Крепкий сильный человек... Он столько претерпел из-за того, что остался верен идеям своей юности, не отвернулся от страны, которая в трудную минуту не очень-то помогла своим темнокожим единомышленникам. Он по-прежнему тянулся к России, надеясь, что его вторая родина всегда будет гуманной, любящей, будет двигать цивилизацию и по пути технического прогресса, и по пути лучших в мире человеческих отношений... Очень радовалась в этот момент Анна, что однокурсник вновь поднялся, что у него и у его детей опять светлый период в жизни.

– Как я люблю Москву, – проговорил коллега, засовывая сигареты в карман. – Город, который строит социализм, мой город. Мне здесь хорошо.

– Какая у вас обстановка?

– Братья-мусульмане набирают силу.

– Может, не стоит драматизировать такой поворот?

Рахман удивленно уставился на Анну.

– И это говоришь ты, женщина? Пожила б ты у нас...

Автобусы в стране на многих маршрутах между селениями ходят один раз в день. Всем надо на работу или на рынок. Кто-то идет пешком, кто-то голосует на дороге. Мужчину всегда подхватят, а вот женщину... Если и помогут, но так, чтобы не видели другие.

– Почему?

– Если чужую женщину заметят в машине, водителя и его пассажирку могут судить. По законам шариата. За прелюбодеяние. Не каждый мужчина решится на такие осложнения в своей жизни. Потому машины чаще всего проходят мимо. У нас в стране триста народностей и племен. Другим как жить по чужим для них мусульманским законам? Как выстраивать государственные и человеческие отношения с южанами? Мало того, что все постоянно дерутся из-за скота и пастбищ... Если по всей стране насаждать арабский национализм под видом мусульманской религии и культуры, будет еще хуже.

Взглянув на часы, Рахман вспомнил, что его ждут еще в одном месте, но задержался, оглядел буфет, обрадовался, увидев на подоконнике крепкий кактус, вроде как еще один гость с другого континента.

– Люблю у вас бывать, – размышлял он. – Ни одна религия тут не притесняет никого. Мне в Москве легко дышится. Мужчины и женщины говорят между собой на любые темы. Ваши люди идут в стране куда хотят, везут в автомобиле кого хотят.

В тот момент ни Рахман, ни Анна не могли еще знать, что через несколько лет его маленького сына из-за цвета кожи избьют в детской песочнице на Крылатских холмах, да так, что ребенок с сотрясением мозга попадет в больницу и много лет будет страдать головной болью. Так что не очень-то и в России все идут куда хотят. Даже самые маленькие. Темные неведомые силы, не уловленные, не пойманные, не препарированные еще общественной мыслью в кино, в театре или в газетах, поднимали время от времени голову и в стране Анны.

– Приходи в гости к нам с Леной. Ребятишек увидишь.

Что еще добавить к разговору давно не видевшихся коллег?

– С удовольствием приду, – пообещала она и наконец-то робко спросила:

– Хади как там?

Намного строже и суше уже выглядел Рахман.

– Сама его об этом спроси. Завтра он прилетает в Москву. На конференцию по ядерной физике. Будет в гостинице «Пекин».

Калейдоскоп чувств на лице Анны собеседник уже не видел, он быстро шел к двери.

Ночь была тяжелой. В душной комнате трудно было заснуть. Хотелось сидеть у окна и обдумывать: можно ли еще верить человеку из другой страны, как разгадать чужое лукавство, как найти человека, которому ты всегда дорога, необходима, как трава лугу, как ветка дереву? Большая ли ее вина даже перед собой в том, что в ту пору она была доверчивой студенткой и увидела только то, что сама хотела увидеть в другом человеке?

Ненадолго окунувшись в дремоту Анна и вдруг заметила: из-за деревьев в каком-то дремучем лесу, из-за сосны выплыла худенькая, с очень тонкими руками женщина, закутанная в белое арабское одеяние. Минуту скользила по крапиве, желтым головкам золототысячника, легко ступила на дикие фиалки. Потом оказалась в квартире Анны, у постели которой замерла, наклонилась и шепотом произнесла:

– Пожалуйста, не отнимай моего мужа. Я очень больна...

От легкого шевеления занавески женщина исчезла во мгле, ушла за дерево, но выглянула все же из-за него, почему-то с улыбкой подняла руку на прощанье, и провалилась в овраг, доверху наполненный туманом, который надвинулся и на спящую Анну.

Сколько раз огромные стрелки пробежали по золотому циферблату на Спасской башне, прежде чем они увиделись вновь? Когда-то казалось, что разлука будет длиться год, максимум два, но сейчас уже не знаешь, радоваться ли встрече, печалиться, или просто задуматься и понять, почему она, эта жизнь, повязала их какими-то неведомыми и такими кондовыми законами?

– Денек вроде будет жарким, – сказала Анна, чтобы хоть как-то отвлечь его внимание от себя.

– Да, – согласился Хади и нехотя повернулся к лавочке, за которой кончалась тень. Утренние лучи гуляли по его волосам, в них она впервые увидела седину.

Вероятно, он тоже когда-то думал, что женитьба на иностранке – это авантюризм в любви. Но вот даже спустя несколько лет глядит на Анну так долго, что ей уже чуточку неловко. Дрожат его ресницы, взволнованно лицо, и отчего-то он долго не выпускает ее рук.

– Как поживаешь, мудрец из бамбуковой рощи?

В ответ он протягивает ей алые розы.

Кто-то из писателей сказал: никто не знает, когда чувства приходят, и никто не знает, когда они уходят. Никто из великих еще не определил, почему они не уходят даже тогда, когда завывают метели, ледяной сечкой режет по лицу косой мокрый снег? Отчего из-за гор, дальних морей или озер легким, едва заметным дуновением овевают они порою твою жизнь годами?

Хорошее у тебя настроение или плохое, дома ты или стоишь в той очереди, в которой «дают» книги Шукшина, они почему-то всегда в тебе. Может, потому Хади подмечает, что за годы разлуки она ни капельки не изменилась.

Она тоже задумалась: что, в конце концов, в нем хорошего? Загибает один палец, другой... Плохого и на малую горсть не находится. Крепыш, доброжелателен, открыт, ласков... Гимн этот, как и прежде, может длиться часами.

– Я все время тебя искал, писал письма, посылал телеграммы. Ты их получала?

– Ни одной.

В это время Анна не имела своего жилья и перебиралась от хозяйки к другой. Одну собственницу не устраивало, что в редакции курят и ее одежда пахнет, видите ли, сигаретным дымом. Другой не хотелось, чтобы поутру хлопала дверь, хоть влетай на третий этаж через балкон. Третья возмущалась, что стучит громко будильник, много книг, значит – много пыли, «вот когда будешь иметь свою квартиру, тогда заводи и кошек, и книги. А у тебя ничего нынче нет. У меня же – еще дача со сверхприбыльным луком!». К носу тут же летел кукиш в кулачонке влюбленного в себя мучителя. Вот и помни, каково это – не уважать частнособственнический интерес бабы Лизы?

Возвращаться к таким людям никогда не хотелось, потому и не долетали до Анны телеграммы, будь они даже из другого созвездия.

Но не все было в жизни печально. Много случалось и смешного. Однажды в редакцию поступила жалоба, мол, по какому праву журналистка написала, что урну для голосования принесли в дом старейшей жительнице села Таисии Ивановне Петровой?

– Машке Богачевой уже 87 лет, а никто не считает ее самой старой. Вы меня оскорбили, извинитесь, пожалуйста.

Извинилась Анна, куда же деваться?

В другой раз написала в зарисовке, что молодая горожанка Алена встречала мужа с фронта в голубом платье. В райком тут же полетела жалоба, что Алена была одета в тот день в белое платье с голубым по полю горошком.

Хади спросил, жива ли мама Анны, где нынче ее братья? Как поживает подруга Ольга?

– Мама здорова. С братьями все в порядке. В институт не пошли, но уже работают.

– А Ольга?

Неплохо жила Ольга. Летала с мужем в Париж, Нью-Йорк. Рассказывать дальше не хотелось. Когда Иван тяжело заболел, тут же – развод. Теперь однокурсница замужем за его начальником. И часто, как прежде, Ольга норовила разрушить отношения между другими людьми. От зависти, что ли?

– У нашей делегации сегодня траур, – сказал невесело Хади.

– В чем дело?

– Мухаммед погиб.

В университете студенты-южане устроили забастовку и потребовали, чтобы на собрания не приглашали больше братьев-мусульман, по требованию которых недавно в стране даже казнили старого уважаемого муллу лишь за искажения, с чьей-то точки зрения, толкований Корана. Но ректор братьев-мусульман приглашал по требованию правительства, которое уже полностью стояло за то, чтобы все сферы жизни, светские и научные, даже там, где жили анимисты и христиане, зависели бы от норм мусульманской морали.

На юге, однако, верили не в Коран, а в духи предков, как, положим, люди из племени Ним. Народ Нуэр разговаривал с ветром, небом, птицами. У народа Шиллук божеством считался их король. Действовала на юге и католическая церковь.

Но правительство требовало всюду внедрять мусульманство. Мухаммед, находившийся в это время в Хартуме, был разъярен, когда узнал, что в его вузе забастовка, хотел немедленно наказать студентов и решил срочно лететь к месту событий. Летчик отказывался, говорил, что в песчаную бурю не летают, хабуб есть хабуб. Но Мухаммед настоял.

– Неужели погиб в авиационной катастрофе?

– К сожалению, летчик тоже.

Выходит, что ретивость Мухаммеда, уж больно не хотелось ему терять дворец, доверие и любовь вышестоящих, впервые обернулась для него злом. То, что прежде приносило большую удачу, в другой жизни карьериста и погубило. Впрочем, кто его знает? Может, лишь таким и дает жизнь трассу, лишь таким разрешает взлет? Ну, бывают случайности, и что же?

– Мы так много говорим о других, – поворачивается Хади к Анне. – Может, поговорим о себе? Скажи, что случилось тогда?

Этого-то Анне не хочется. Боль и через сто лет боль. Не залюбила жизнь, на том и точка. Пусть теперь не каждый день ее нравится, зато каждый миг стерпится. Когда-то ей хотелось поговорить с деревом, под которым Хади, возможно, прятался от жары, с пика Коммунизма увидеть, что происходит в Африке нынче? Но когда перебирала предыдущие события, то отворачивалась от прежней жизни навсегда.

Ждать двоих и никого не дожидаться, каково? Каково это – споткнуться, упасть и порвать душу так, чтобы потом тайком штопать, цеплять ее кое-как нитками целую жизнь?

«Как мало им было нужно!» – часто с обидой думала она, вспоминая обоих. Тепла и любви к ним сохранилось еще так много, будто в вулканическом подземелье, что хоть лавой извергай их за ненадобностью. Но поговорить, а тем более рассказать о своей беде в том райцентре, где так переживают за огурцы и погоду, было абсолютно не с кем.

Университетский мир с его обширнейшей географией и проблемами в масштабах целой планеты тут был чужд и казался бы несуразным.

– Почему ты мне написала, что малыш умер, а другим сказала, что он живой?

Съежилась ли Анна в этот момент, испугалась? Нет, беды в жизни ее уже было столько, что теперь не до страха. У катастрофы, в конце концов, два автора. У той беды были два родителя. И пусть не только она знает все до конца.

Перед выпускными экзаменами в коридоре неожиданно встретился Халим, который вдруг остановился и любезно поклонился.

– Как живешь? – скабрёзно улыбаясь, спросил он. – Ты подумала, зачем черным парням – белые жены? Нам своих девушек девать некуда. Мы делаем все, чтобы вас и рядом с ними не было.

Неподалеку обсуждали свои проблемы вьетнамки. В шелковых, голубых и розовых платьях они были такими свежими, веселыми, за версту видно, что ни одна проблема еще не удушила их молодые чистые души.

– Никогда Хади не остался бы с тобой. Чушь это все.

– Почему?

– Хочешь знать правду, не боишься?

В жизни у каждого человека много сквозняков, но чем еще можно напугать женщину после известия о том, что умер ее ребенок?

– Когда вечерами Хади уходил от нас, он говорил, ну, я пошел к своей шлюхе.

– Не может быть! – вскричала Анна, весь мир которой перекручивался в это мгновение по спирали, кинулся вверх-вниз, перевернулся слева-направо, вывернулся наизнанку, показав вдруг самую что ни на есть черную сердцевину ядра.

Что думалось в этот горький момент ей? А промелькнула мысль о том, что неужели и тут лишь пошлость? Забота только о собственном благополучии? Почему же мужчине доступны все параметры необъятного мира, если ему это позволяет сознание, а женщине выпадает одно: не жена, так непременно – подленькое «шлюха». У всех народов и во все времена. И в войну, и в мирное время. И на севере, и на юге планеты... И у физиков, и у якобы лириков. Ну, хоть когда-нибудь сдуется этот пузырь мужского превосходства над всем тем, что не укладывается в стандарт малограмотного самца и его узколобых представлений о жизни? Неужели между мужчиной и женщиной – совершенно еще неизведанный, не изученный до конца ни одним психологом огромный космический мир?

Почему в древнем зороастризме женщина не имела права находиться в одном доме с мужчиной, если вдруг заболела? Конфуций, которому в Китае поклоняются пять тысяч лет, считал, что у женщины нет души, она – лишь тело. В течение тысяч лет убийство жены не считалось в этой стране преступлением. И никакого наказания убийце не предназначалось.

Джон Байрон напомнил всему человечеству: «знать не хотят мусульмане, что есть и у женщин душа...».

Женщине не разрешается молиться внутри мечети, потому что она, видите ли, грязная. По Корану мать – это лишь контейнер для вынашивания ребенка, не имеет права на собственных детей. Все они принадлежат только мужчине. Коран (сура 4, аят 38) советует избивать своих непокорных жен.

Святой Томас в христианстве говорил, что «истинным христианином можно стать, лишь не прикасаясь ни к какой женщине». Апостол Павел отмечал, что «в женщине – начало греха, и из-за нее все мы вкусим смерть». Католики объявили женщину колдуньей и сожгли чуть ли не половину женщин Европы. В православии старцы также называли женщину «сосудами греха».

В роскошном храме небольшого греческого городка Макаона на церковном соборе высшие служители христианской церкви из разных стран, в расшитых золотых одеждах, ежедневно вели бурные дебаты.. Через несколько месяцев участники собора с большим трудом решили вопрос: человек ли женщина? После горячих дебатов большинством в один голос, лишь в один голос, «святые отцы» наконец-то признали, что женщина... все-таки человек.

Буддисты читали молитвы: – «живи и радуйся, что ты не родился женщиной». В синагоге женщине не разрешается сидеть рядом с мужчиной, она должна, как собачка, знать свое место на коврике. В иудаизме последнее слово во время развода остается за мужчиной, даже если он убийца.

Сам Будда в джатаке «О заклинании тоски» сказал: «Брат мой, ведь женщины – сластолюбивы, бездумны, подвержены пороку, в роду людском – они низшие. Как ты можешь испытывать любовную тоску по женщине».

На северах старой России жену выгоняли из чума рожать на снег даже в метель. В Саудовской Аравии, в Нигерии, Афганистане женщину забивают камнями за измену. Во всех религиях мира женщину одели в черные мешки и колпаки, а то и намордники натянули им на лица. В христианстве она считается грязной сорок дней после родов. Продление рода человеческого, выходит, грязь? И даже в Советском Союзе, где так много сделали для равного положения женщины в обществе, матери, воспитывающей дочь, дают жилплощадь меньше, чем той, у которой родился сын.

«Ну, за что во всем и всегда унижение? Что же это за люди, из века в век прорабатывавшие и утверждавшие во многих письменных религиозных источниках такое подлое отношение к женщине? Почему только в светской литературе – у Флобера, Бальзака, Льва Толстого – можно увидеть красивое, возвышенное, и по-человечески понятное восприятие женской судьбы?». Значит, в этом мире, обдумывала Анна, абсолютно некого любить, некому довериться, не к кому прислониться, а можно только скучно и примитивно прижиться около какого-нибудь мужчины?

Как же трудно всякое мгновение жизни, поняла она в эту минуту, оставаться над ситуацией, а не под нею. Несмотря на грязь бытовухи, то и дело норовящей разорвать тебя на куски либо засунуть в отхожую с дерьмом. Как остаться такой же, какой ты из неземного пространства влетела когда-то под эти звезды? Как, перемолов обиды, все же вести за собою, а не тащиться за мелкой местечковой сферой, сквозь которую видно в этом мире так мало! Как же дерзок и велик тот, кто все-таки, несмотря на ограниченность житейских возможностей, ведет других к высотам, а не к бегу в преисподнюю!

– Знаешь, почему Хади скверно говорил о тебе? – напомнил о себе Халим и продолжил: – Он тебе сказал, что женат?

– Перед отъездом.

– Видишь, я правду говорю. Ему надо было в глазах друзей оправдаться, что с тобой у него лишь мелкая интрижка, но дома – все по-настоящему, на высоте! После таких слов не женятся. Твой удел – муж-алкоголик и тупица-начальник.

Качествами палача Халим обладал сверх нормы.

– Ах, вот как!

– Там сын уже родился. Мальчику три месяца. Его, как мне написали, искупали в отваре из коры баобаба, чтоб он рос здоровым и крепким.

Анна поперхнулась. Они когда-то вместе с Хади... выясняли мир, столько спорили, так загорались при виде друг друга... Теперь ясно... Хотя выяснять уже нечего. Он просто... «Что просто? – спросила она себя. – Да не любил».

– Вот тебя жизнь и наказала за то, что ты посягнула на чужое, – спокойно продолжал Халим. – Ты хотела причинить горе арабской девушке, но аллах этого не допустил, потому и погиб твой ребенок. К тому же шариат не разрешает мусульманину жениться на неверной. Весь его род был бы против. Знаешь, что они тебе устроили бы? Тебя ждал бы такой ад.

– Это я-то неверная? И мой ребенок неверный? А ты, значит, правильный, такой, какой нужно? Ах ты, гнида...

И в ответ запальчивое, гневное, страшное, мол, запоете вы сейчас матушку-репку!

– Погиб? Уж нет! Он живой! – выкрикнула Анна, желая казнить Халима, а заодно и Хади, за неожиданно открывшееся его лицемерие и коварство. Ведь она его жалела, щадила, уберегала от выходок националистов, помогала во многом, как могла, упрятывала от зла. Встречаясь, они уже тем самым вдвоем вышли на баррикады против расизма, но вот сейчас на этих баррикадах Анна одна. Осмеянная со всех сторон. За лучшее, что было в их душах, ее омерзительно, на весь коридор одну отчитывал в эту минуту черный расист.

– Так и передай в свою Нубию, – выкрикнула она Халиму в лицо, – мальчик живой. Он в больнице. Просто очень больной...

Ляпнула в истерике Анна, а воробей этот трагический, несуразный, мгновенно выпорхнувший, уже полетел с ветки на ветку, с дерева на дерево, из переулка в переулок, из страны в страну. Кумушек ведь по миру обоих полов на земле великое множество. Ей некому было поведать о своей беде, а труднее еще признаться в том, что все не так, что впопыхах, с горя, из-за огромной беды оговорила себя, и настолько нынче одинока, что и поделиться не с кем.

Зато охотно делились друг с другом ее бывшие однокурсники и друзья. В итоге Анну нигде не брали на работу. Она в их глазах читала постоянный шепот о том, что вон идет

злодейка, которая бросила дите в детском доме. И те расисты, которые еще вчера травили ее за отношения с Хади, вдруг стали в пику ей хором жалеть несчастного чернокожего ребенка.

Стоило Анне принести в редакцию очерк, как в глазах окружающих, как ей казалось, уже мерцал мираж с очертаниями несчастного брошенного дитя.

Жизнь превратилась в ад, напоминала раскаленную сковородку. Утром не хотелось просыпаться, выходить из комнаты, за порогом которой, казалось, уже плескался океан, тот самый Ледовитый, в котором через мгновение легко утонуть. Совсем. Все, что люди не дочитали в книгах, не додумали, не поднялись хоть на какие-то высоты, не проглядели с умом и чувством какие-то ситуации, всю грязь своих душ они теперь вытирали об Анну.

Устав от безысходности, она махнула на все рукой и назло, как ей казалось, всем, из глубоко затаенной вредности, никогда уже не отрицала, что да, мальчик жив, он – есть, просто пока что не рядом с нею.

А сама она не хотела этого же? Примирилась ли с потерей хоть на минуту? Миф, коли он самый дорогой в твоей жизни, может в таком случае казаться реальностью. Притом надолго.

Это была величайшая трагедия, однако нет худа и без добра. Благодаря этому мифу она узнала, кто в этой жизни порядочен, а кто подлец, горячо заинтересованный лишь в том, чтобы под любым предлогом сбить с ног коллегу по перу, придавить к полу того, кто невзначай вдруг возвысится. А уж эти циничные редакционные поговорки: «уважаем только тех, кто не пишет», «это написано хорошо, но у вас нет имени», «не читали, и в принципе не подойдет»...

Вот и пойми, о каком принципе идет речь? Оставалось одно: работать так, чтобы ничья беспринципность не могла уже подцепить тебя ногой, будто орех на обочине. Портативных носилок в жизни, оказывается, не бывает. И плавать ежедневно приходится не только в лягушатнике.

Но благодаря этому еще таившемуся в недрах ее души мифу Анна отчасти не чувствовала себя одинокой: ей было с кем разговаривать. Ее мальчик был всегда рядом, всегда внимательный и добрый. И как-то незримо, даже несуществующий, таинственно связывал ее с Хади.

Конечно, она уже понимала, насколько бесцеремонной и неосуществимой была их мечта, которой предстояло воплотиться в жизнь, как-то магически перелетев через хребты и континенты, сквозь десятки чужих жизней и обстоятельств, одолев при этом расизм с двух сторон. Но им это оказалось не под силу, впереди все же была такая стена, которую никоим образом не пробить и ничего в жизни не изменить.

Потому Анна и уехала в далекий райцентр, чтобы там, в лесах, на лужайках, у незнакомой реки хоть немного отойти душой. И там даже с этим трудным, созданным ею же мифом, жить было легче. Она и на новом месте подсмеивалась вместе со своим собеседником над несуразностями будней, сетовала на холод или простуду, радовалась удаче на грибной полянке. Но чем дальше, будто по лесным чудным тропкам, уходила она в новую жизнь, ее дружок, хоть и очень дорогой, как-то незаметно и тихо из ее жизни ушел.

Но вот нынче спустя даже много лет как тяжело говорить правду! Притом обоим. И мужчине. И женщине. Которых когда-то и зачем-то объединила судьба. До чего же трудно до конца выговаривать истину.

– Значит, твои слова о том, что ребенок живой, – обман? – вскричал гневно Хади. – Что ты натворила, хоть понимаешь? Меня за душу тряс Рахман и требовал, чтобы я срочно ехал к тебе, а я не мог тебя найти. Он хотел меня избить. О, аллах, ты моя ошибка! Главная ошибка в моей жизни.

– А ты не моя ошибка? – взъерилась Анна. – Зачем ты вступал в отношения с девушкой, если знал, что женат? Почему сам не пожалел свою молодую жену? И меня тоже. Или девушки других национальностей для вас – расходный материал, чтобы скрасить жизнь в вашем временном одиночестве? Халим наврал, что ты в своей арабской компании худо обо мне говорил?

Хади вскочил со скамейки, потом как-то странно обмяк.

– Было, – признался вдруг он. – Говорил. Был дураком, во всем разобрался позднее. Уже когда улетел. Когда понял, что жена по сватовству, лишь потому, что она родственница, и жена по любви – это как между небом и землей.

– Значит, все-таки говорил? – упорно лезла на рожон Анна, спрашивая при этом: – Халим не врал? Ты хоть понял, что в основании любого женского вранья всегда лежит мужская подлость?

Они зло глядели друг на друга, готовые, как самые яростные враги, схватиться в жестокой битве и, пожалуй, даже оторвать друг другу головы.

– Я два года назад прилетал в Москву, везде тебя искал: ездил на твой факультет, приезжал к поезду, на котором работает твоя мама, просил проводников передать твоей маме, что я ищу тебя, везде оставлял записки...

Хади обеими руками взволнованно гладил свою густую шапочку волос.

– Зачем я это делал? – поднял голову он, тоскливо обвел взглядом деревья. – Зачем?

– Ты приехал за мной, потому что развелся с женой? – задала ему перекрестный вопрос Анна.

– Нет, – мотнув отрицательно головой, сказал он и по-прежнему глядел на Анну то ли наивным, то ли лукавым взглядом, теперь уж и не поймешь, чего же в нем от этих качеств больше.

– Тогда зачем ты меня искал? Чтобы еще поиздеваться? Ты сказал «жди», а сам ни одного дня не ждал. Зачем я тебе хоть когда-нибудь была нужна?

В ответ он молча развел руками, опустил голову, шаркнул ногой по асфальту.

– Ну, вот что, товарищ дорогой, – поднялась мгновенно женщина и резко махнула рукой. – Вон из моей жизни! Чтоб я тебя больше не видела. Еще появишься в моей стране, я тебя уже в воздухе пристрелю! Ни тяти, ни мамы в России больше сказать не сможешь!

Как чепуху, как глупость, смущенно теревит она в руках ненужные розы и швыряет их на лавочку.

– А если ты появишься в моей стране, я тебя крокодилам скормлю! – выкрикнул в ответ Хади. – Я тоже устрою тебе... Прямо сейчас... Чтоб и не дышала больше.

– Ты мне?..

– Дура, я же тебя любил! Мне нужно было время, чтоб во всем разобраться. Меня, мальчишку, женили на родственнице. Вскоре я улетел в Москву. Как можно сразу отказаться от всех родственников, от мамы, которая мечтала видеть меня мужем своей племянницы, девочки, которая росла со мной в одном дворе?

– Разобрался? Только почему все осталось по-прежнему, а наши отношения раздавили лишь меня?

Они одновременно соскочили со скамейки, будто их в центрифуге прокрутило, будто каждого ударило башкой об асфальт, потом подкинуло к облаку. Но вот Анна махнула рукой, провались, мол, все пропадом, и как бешеная понеслась домой... На север. Хади размеренно и тяжело шел к гостинице «Пекин». На юг.

– Что ж ты творишь, я же с тобой всю жизнь разговариваю... – крикнул он ей на прощанье.

– Мне что с этого? – также громко, на всю улицу ответила она.

Как видим, звезды не только сводят, но и разводят. И они иногда так устают от людей, что тоже машут на все рукой. Да, Венера когда-то пообещала великую радость этим двоим, но жизнь, дерзкая и самовольная, отчего-то не исполнила ее обещаний. Хорошо хоть, что по-прежнему сияет на ночном небе эта заманчивая планета, заговаривая с каждым мужчиной и женщиной, не считаясь вовсе ни с их разноплеменностью, ни с разной воззрений. Только ее красота да игра, вероятно, еще и спасают от безнадежности мир.

Может, высота, которую задает Венера, нужна хотя бы для того, чтобы человек из всех сил карабкался ввысь, а не копошился бы годами под гниющей листвой и черными корнями в злобе, мелочности и пустоте?

Жизнь отчего-то мало кому позволяет достичь обещанного... Впрочем, может, эта абсурдная недостижимость и есть главная ее задача? Может быть, код, ухороненный плутовкой на дубах, секвойях и семи баобабах, рассчитан для Анны и Хади на более длительную разгадку во времени? Зачем же тогда она, женщина, поторопилась?

«А сон? К чему эта просьба ночной тени в белых платках, коли главный персонаж истории и не собирался что-то менять?».

– Ничего не хочу больше о нем знать! – еще раз твердо сказала себе Анна, взяла командировку и улетела из Москвы.

Машина из аэропорта мчится и мчится. Вдоль дороги – виноградники, дувалы, сберкассы, аллеи роз, планшеты с наглядной агитацией, школы, кинотеатры.

– Наконец-то приехали, – сказал водитель и показал рукой на вышедшего из конторы мужчину.

– Это Абиддин, агроном. Он тут хозяин и во всем поможет. Вам надо отдохнуть, вид у вас усталый.

В конторе совхоза никого. Все в поле, бухгалтерия – на обеде. Абиддин подошел к телефону, долго с кем-то разговаривал:

– Ключ у оконной рамы? Спасибо... Гостя у тебя только одну ночь будет. Не волнуйся, плов я приготовлю...

Лучи, падающие косячками сквозь плотные занавески, высветили жилище небольшое, метра три на четыре, скромное – стол, деревянная кровать и трюмо, но такое обжитое, понятное – шелковые платья под марлевой занавеской на стене, книги на тумбочке, будто обладательница их давно знакома, будто не раз тут пришлось бывать, говорить, волноваться.

– О, Мухтасар купила палас! – восхитился агроном, заметив под ногами мягкий светло-желтый ковер. – Хозяйственная девушка, ничего не скажешь.

Абиддин подошел к трюмо, на котором манила темным лаком пудреница, мерцал флакон с розовой водой, а из небольшого рога торчали женские заколки.

– Вот и похвалил, а тут столько всего уходит на ветер...

В доказательство своего агроном уже громко и насмешливо читал надпись на флаконе:

– Желе. Для ухода за кожей. Лицо и руки становятся мягкими, гладкими. Сделано в ГДР.

– Вай, что я говорил? – торжествующе поднял брови он. – Глядеть не хочется...

Сам же от трюмо не отходил, все разглядывал да разглядывал, и на его лице читалось иное: «Как же тут интересно, невозможно хотя бы чуть-чуть не потрогать».

– О, Мухтасар, о, легкомысленная! Она восточная пери или колхозный бригадир? Забыла, что ли?

Он передохнул и продолжил:

– У меня семь детей, из них четыре дочери, еще жена, и им все это тоже нужно? Вай...

– Конечно, нужно! Носить надо прямо сегодня. И ничего не прятать.

На пороге стояла девушка с золотыми сережками в ушах, однако в пыльном платье. Видно, что прямо с поля.

– Знакомьтесь, – представил Анне хозяйку комнаты Абиддин. – Бригадир Закирова. Окончила институт хлопководства. Завтра поведет комбайн – у нас уже начинается сбор хлопка.

Поскольку на Востоке плов готовят мужчины, он мгновенно ушел во двор и начал между кирпичами разжигать огонь.

Пока девушка переодевалась в яркое платье из хан-атласа, Анна листала тоненький сборник стихов Омара Хайяма, который лежал на столе, и натолкнулась на отмеченные его владелицей строки:

В мире временном, сущность которого – тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен,
Сущим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен.

В открытую дверь видно было, как подошел к арыку старик, окопал приствольный круг росшего около него тутовника.

– Мухтасар, о наших женщинах расскажи! – крикнул агроном, закладывая в варево рис. – Какие они у нас красивые, добрые!

– Я их терпеть не могу! – ответила гневно девушка.

– Что? – выпрямился Абиддин. – Разве можно так? У них же много детей, они о них заботятся!

– Видела я, как они заботятся. В какой дом ни зайди, нет кроватей, дети спят на полу, вповалку, без простыней, укрываются одним одеялом. А стирают его через три-четыре года.

Мухтасар восторга своего начальника не разделяет и рассказывает о том, какие сельские женщины глупые и жадные.

– И ни одной книги в доме!

«Не преувеличено ли это?», – подумала Анна, но вслух спросила иное:

– Может в этих семьях каждая копейка на счету?

– Бывает, конечно, – вроде соглашается Мухтасар, но и возражает: – Я по ведомости вижу, сколько они получают. Нельзя сказать, что у населения нет денег. Машину у нас непременно купят, а вилку, ложку – нет. Женщины закупают десятками метров плюш. Платят за невесту большой калым, а купить себе пододеяльник, полотенце, простыню и не подумают.

Поварешка Абиддина уже минуту сердито моталась в воздухе, он пытался хоть как-то урезонить бригадира, но та закусилась удила и выпалила:

– Я еще с твоей женой разберусь!

– Марьям не трогай! – выкрикнул нервно агроном. – Чем она тебе не пришлась?

– Мы недавно большую денежную премию давали, дарили колхозницам ночные рубашки, полотенца, домашние тапочки. Радует в правлении, что сделали доброе, захожу в дом к вам и что же?..

– Что? – сердито выпрямился мужчина.

– Марьям опять босиком по холодному полу ходит, опять во всем доме ни одного полотенца.

– Неправда, она в калошах ходит! – защитил свою жену агроном.

– На босую ногу, в резиновых, это же радикулит, – фыркнула девушка. – А вы спросите, почему она ходит без носков? Потому что все прячет в сундук. А сундук этот бездонный.

Уж тут Абиддин повеселел, вошел в комнату с подносом плова.

– При чем тут Марьям? Мы живем как все люди. Аллах так велел, чтоб был калым.

Но Мухтасар, видно, немало в своей жизни читала и знала, потому мгновенно возразила односельчанину.

– Я читала Коран. Нет там такой глупости. В Коране не написано, что во время свадьбы надо вывешивать на стене сто платьев, притом бельгийского производства, и выставять на обозрение швейную машинку «Веритас». Авторы Корана не были сотрудниками «Внешпосылторга».

Мухтасар потянулась к полке, достала толстую книгу, поднесла к носу своего начальника и спросила:

– Покажи мне страницу, на которой написано, что отец парня должен дать отцу невесты японскую видеотехнику и целый универмаг барахла?

– Что ты ко мне прицепилась? – возмутился уже всерьез Абиддин.

– Вы с Марьям хорошему парню из моей бригады, который сватался к твоей дочери, жизнь ломаете, а я не имею права его защитить? Почему он должен принести тебе костюм... с английскими этикетками? Тебе Коран подсказал быть взяточником? Видите, как коварен Сундук? – повернулась хозяйка к госте. – Вот и напишите об этом. Тогда я вас уважать буду.

До чего же она права, эта девушка, смелая и красивая, как восточная пери, подумалось тогда Анне. Сундук и впрямь воспитывает алчность, он полон мещанства и непорядочности. Дети из-за него спят на прохладном полу. Сундук убивает тонкие и нежные чувства между мужчиной и женщиной, превращает свадьбу в торг вымогателей. Он отнимает у детей фрукты: лучший виноград и гранаты идут на базар. Женщина из-за этой «сберкнижки» видит на своем столе только лепешку и чай. У Сундука не бывает дна. Он сжирает деньги, здоровье, ломает мечты, чьи-то планы, разоряет государство. Выдавливает людей в средневековье. Религия поклонения шмотке убирает с дороги честного, отнимает у человека современную жизнь, засовывает его в Сундук, как обезьяну в клетку.

– Они калым большой за невесту сдерут, – объяснила Мухтасар Анне, – потом парни со злости лупят своих жен. Вся жизнь потом у молодых идет наперекосяк. И женщины хороши. Когда убегают от своих домашних тиранов, знаете, о чем беспокоятся? У них душа не о детях болит. Не о том, что некому досмотреть стариков. А о том, кому теперь достанется Сундук?

Абиддин торопливо ел плов, украдкой и стыдливо поглядывал на свою подчиненную.

В старые времена пожелание гостя в восточном доме было таким: «Мир вашему дому. Здоровья хозяину. Здоровья хозяйке. Счастья и любви молодым. Пусть ребенок придет в этот мир со своей долей».

– Забыла? И прежде говорили: «со своей долей»! – покопавшись в памяти, обрадовался своей находке мужчина.

– «Со своей долей»... необходимого, – поправила агронома грамотная и шустрая Мухтасар. – Со своей долей здоровья, – терпеливо она объясняла Абиддину. – с образованием, со своей кроватью и простыней. Остальное тебе не обломится, понял? Иначе – в райком! Партбилет на стол положишь, взяточник поганый.

Односельчанин втянул в голову плечи от ужаса, повернулся к Мухтасар, да так, чтоб гостя не видела, как он грозит ей кулаком.

В дверь и окна едва проникала прохлада, в комнате было очень душно, выйти бы во двор, но Анне хотелось выслушать все, что могла произнести Мухтасар.

– Страна давно зовет жить иначе, – размышляла вслух девушка. – Она говорит своим гражданам: вот вам квартиры, училища, институты. Покупайте детям книги, отправляйте их в пионерские лагеря.

– А что граждане? – в тон ей шутливо спросила Анна.

– На кладбищах памятники строят в трехэтажный дом и цветными кирпичами выкладывают крупно: «оглы-Ибрагим умер в... году». Чтоб за километр было видно, кто там упокоился. На это уходят огромные средства. Потом на улицах плачут, что они нищие, детей нечем кормить. Им дай миллионы, они все равно ребятишек досыта кормить не будут: все спрячут в сундук или отложат на похороны по высшему разряду, лишь бы на могиле стоял

минарет. Объясните, зачем до седьмого пота работать в поле с кетменем во имя... украшения могил, а не собственных жизней?

В окна потянуло запахом мяты, затрещали цикады. Абиддин как-то боком, боком тихо вышел из комнаты, в которой ему устроили такую крупную выволочку, видимо, наказав себе твердо: живи так, чтоб за семью не было стыдно, чтоб не приспособливать под свою глупость других.

– Не очень ли вы смелая, Мухтасар? – спросила Анна, забеспокоившись, что теперь девушку из кишлака выживут, что местные дамы в чувяках за такую характеристику непременно устроят ей черную жизнь.

– Не выживут, – успокоила она гостью. – Из женщин только я умею водить комбайн. Они все мною гордятся. За своих жадных и глупых жен агроном и бригадир будут отчитываться в райкоме? Только за меня. Если по правде, им самим с сундучными плохо. Вот и напишите о вреде калыма. О вреде жадности. Я эту газету на каждом дереве в кишлаке повешу.

Но люди в целой Вселенной не послушали ни Анну, ни восточную девушку Мухтасар: сундучников вокруг, даже в Москве, становилось больше и больше. В жизнь вошла и эта реальность.

Анна в тот момент еще не догадывалась, что социализм будет недопетой песней человечества, недоцветшим бутоном, несбывшейся мечтой. Что устройство это лишь для честных, работяг и романтиков. Тем не менее, понимала, что к социализму еще идти и идти. Десятилетиями. Строить бы в это время дома, санатории, электростанции... Уноситься бы на Марс!

Однако код романтиков был внезапно взломан.

Социализм привык заботиться обо всех, а негодяев не мог углядеть, его программы напрочь мелочевку не ущупывали. Социализм о людях хорошо думал, а негодай, напротив, глядел на него сквозь щелочки глаз, будто через бруствер, прикидывая, как бы его растоптать? Социализм – программа без двойного дна, а угадай-ка мерзавца, что ему, с точки зрения алчности, в этой жизни еще не хватает?

Тесноваты просторы социализма для хапуги – ведь он тут весь на виду. Мелкую, очень мелкую дичь можно, конечно, незаметно переварить. Однако завод при социализме, будто кошель, в карман не упрячешь. За уворованные детали с предприятия большой срок прежде давали, а уж к крупной поживе никто и не тянулся.

Но прощелыга – палач любого порядка... Социализм не научился еще защищаться так ловко, чтоб негодай никогда не мог считать себя вечно невинным. Прощелыга и социализм не уживаются, не глядятся рядом, будто цветок и гадюка. Даже в один век им трудно ужиться.

При социализме гнусность втихую на мир из подворотни глядит, чтоб отметить, что с борта упало, что еще тайком бы утащить из института, стройки, с завода, у другой жизни.

Карьерист поначалу тоже много раз вокруг оглядится, чтоб не раскрыться раньше времени.

И наглецы при социализме не в полную меру живут. Прикинув, как бы сломать шею другому, поганцы все же боятся, что процент раскрываемости преступлений коснется и их.

У невежественного тоже при социализме не все ладится. Его глупость за версту видна. Кто-то фыркает, кто-то над нею открыто смеется, иной вежливо отводит глаза. Вот и стыдно век в недоумках ходить, глядь, в педагогический, да поступил.

Однако наступил день, когда вору надоело не воровать. Карьеристу совсем плохо стало без того, чтобы не подставить подножку миллионам. Невежественный возомнил, что видит наперед весь ход истории, и надо бы всех в такую сторону повернуть, чтоб ему, добычливому, лучше всех жилось.

Что после этого случилось, весь мир увидел, но не вздрогнул, а обрадовался тому, что ни страны, ни миллионов людей на земле уже нет.

Станный, однако, этот остальной мир. Он открыто, будто жалкое мелкое злобное племя, радовался слому жизни других, считал беды и несчастья миллионов – своей удачей, победой столетия. Выходит, что людская цивилизация – просто гнусная помойка?

– Купила мешок макарон, – радостно сообщила пассажирка подруге в автобусе. – Перепродам. Это мои золотые сережки.

– Молодец, – охотно поддержала ее другая. – Я вчера в магазине прихватила две меховые шапки.

– Одновременно будете носить? – съязвила третья пассажирка, не обладающая синдромом жадности.

– Почему на наших казначейских билетах до сих пор Ленин? – заорала вдруг на всю страну поэтесса Иванова. – Почему в школах кормят всех детей, а надо кормить их адресно? Выборочно. Зачем всем котлеты? – И сделала категоричный вывод: – Прежние уйдут, все помирятся!

После этого народная дрянь с удовольствием улетела в Америку, на казначейских билетах которой уже много лет нарисован... масонский знак.

– Это лучше? – хотелось бы ее спросить, но поэтесса уже вместе с сыном обживала чужие просторы. Какие-то очень странные, абсолютно не обжитые людской совестью просторы. Как человек в эти прерии попадет, так, будто джинн в сказке, переворачивается и ненавидит в ту же минуту собственную страну. Будто в аэропорту ему темечко желтым елеем мажут, а тот проникает в черепную коробку, выедает мозги, оставляя лишь мелкие незначущие ростки от прошлого.

В американской печати появилось вдруг сообщение, что в Израиле создано несколько управлений по разрушению Советского Союза.

– Этим-то что нужно? Им это зачем? – удивилась Анна, потому что люди уехали сами, их никто не гнал, напротив, удерживали. Однако уехали. Уехали за еврейской мечтой, и о них давно забыли. Как и они мгновенно забыли о прежней стране «пребывания», как величают свою родину те, кто вечно бежит из какого-нибудь Египта.

– Какой хороший пинок дал матушке-России Егор Гайдар! – с восторгом изрек на Брайтоне в защиту неудачного внука сказочника Бажова американский иждивенец Василий Аксенов, которому великодушно позволили прижиться около чужих унитазов.

– Почему вы, Леонид, бегаєте по Москве и собираете подписи на выборах за Ельцина? В будущем – это же платное лечение... Вы – врач, понимаете, где люди найдут деньги на лечение? Да и сами на пенсии, как... лечиться будете?

Леонид распрямил листочки, бережно положил их в папку.

– Нам сказали в синагоге: если не изберем Ельцина, в августе в Москве будет еврейский погром.

– Какой? Как это может быть в большом городе?

Погром 20 августа все-таки был. Однако не в Москве, а в Нью-Йорке. Хасид-водитель в бруклинском районе Краун-Хайтс по неосторожности задавил черного ребенка, не нашел нужным остановиться, чтобы отвезти мальчика в больницу. Тогда афроамериканцы начали громить еврейские лавки и магазины, зарезали студента-еврея, мальчишку 16 лет, который только что прилетел из Австралии в Нью-Йорк. Комиссар полиции и мэр Бруклина палец об палец не ударили, чтобы остановить это безобразие.

А люди, которые в столичной синагоге верещали насчет погрома в Москве, видимо, жили в каком-то своем мирке, советскую страну не любили, потому перепутали психологию тех и наших, вот и врали напрапалую... лишь бы наврать, ввести в заблуждение людей и спровоцировать конфликт.

Но в тот день погром все же был и в Москве. Целый день у Дома Верховного Совета болтались Леонид и его жена. В подвале гуляли будущие нувориши. Совсем как бомж, дремал на стуле в коридоре Дома Верховного Совета музыкант Ростропович, в футляре которого, сказывают, в тот день пряталась не только скрипка... Композитор со своим оркестром, то есть с сотней таких же загадочных футляров, напичканных, говорят, отнюдь не скрипками, был, словно цэрэушник, и в Германии при падении Берлинской стены. Зачем Растроповичу это было нужно, он что – не каждый день музыкант, а совмещал заодно еще какие-то тайные профессии?..

В этот день был разгромлен Советский Союз. И миллионы людей мгновенно стали безгосударными, ничейными, без политической и национальной крыши над головой.

Но почему? В стране почти не падали самолеты, исправно работали заводы и фабрики, на Кубани вызревала пшеница, на поле, порой, без единого сорняка, однако, недовольных теперь было столько, будто каждый умножился в кубе.

Люди утром спешили на работу, но в метро, отложив в сторону газеты, жаловались друг другу на то, что вот уже два смотровых ордера на бесплатную квартиру получено, а все, видите ли, не то: лифт не имеет права громыхать за дверью, а метро не имеет права далеко отъезжать от подъезда.

– Теперь колбасу у нас только мухи нюхают. Совсем нечего есть, – жаловались во дворах бабушки и целыми пакетами сбрасывали с балконов воронам хлеб, гречку, пшено и просо, очень жалея воробьев, но абсолютно не жалея людей, подоконники которых они закидывали мусором.

Потом кучи колбасы находили отчего-то не в магазинах, а в лесах, куда ее сбрасывали, как мусор, желая вызвать в стране недовольство пустыми прилавками. Какая-то неправильная и нечестная сила начала повально распоряжаться сознанием людей.

Вегето-сосудистая неустойчивость и подлость ворвались в их души, и вот уже узбеки крушат дома турков, сжигают в этих стенах живых людей лишь за то, что у них лучшей марки холодильник или на ковер-два в комнатах больше. На стенах домов по ночам рождались звериные лозунги: «русским – Рязань, татарам – Казань».

Потом поднялись на дыбешки армяне, искренне считая, что Армения – только для армян, забыв, правда, что царство армянское и в древности было кочующим, то на одной территории, то на другой, где удавалось меж другими народами после боев втиснуться. Лихие ребята от Арцаха, вооружившись древней воинственностью, решили нынче изгнать из своих селений лишних жителей, в итоге по холодным горным перевалам потянулись несчастные беженцы с голодными детьми и стариками. Боль и страдания выброшенных из квартир азербайджанцев в Ереване не заметили, но какой громкий стон раздался на весь мир, когда армяне из Баку столкнулись с крепко сжатым мусульманским кулаком, лупцевавшим уже кого ни попадя, по всем южным окраинам страны.

В Баку во время погрома на улице что-то жарили на огромном вертеле.

– Я это увидел из окна гостиницы и не понял, в чем дело? – рассказывал позднее однокурсникам журналист Всесоюзного радио Леонид Лазаревич. – Спустился, подошел к группе смеющихся людей. И услышал вдруг хвастливое, что они жарят армянина. Мне дурно стало. Я едва добрал до крыльца гостиницы.

Вскоре Леонид погиб в Карабахе во время боя.

На камнях за городом несколько дней лежали убитые армянские дети. Бандиты врываются в квартиры, грабили, убивали жильцов. Но когда на улицы азербайджанских городов вошли солдаты для усмирения убийц любой национальности, истеричный вопль, выдаваемый за святое возмущение, переполошил весь мир, дескать, советская армия убивает невинных... азербайджанских граждан.

Когда-то страна зачитывалась книгой Виктора Драгунского «Денискины рассказы»:

«Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

– Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: «Тайное становится явным?».

– А это значит, что если кто поступает нечестно, все равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесет наказание, – сказала мама. – Понял?.. Ложись-ка спать!».

«Но у меня было столько новостей для папы, что я не мог удержаться. Из меня высыпались новости, прямо выскакивали одна за другой. Потому что очень уж их было много. Если бы их было поменьше, может быть, мне легче было бы перетерпеть, и я бы помолчал, но их было много, и поэтому я ничего не мог с собой поделать.

– Пап, а ты знаешь, сколько в озеро Байкал можно напихать Азовских морей?

– Где это он нахватался? Откуда? Когда?

Мама улыбнулась:

– Он современный ребенок. Он читает, слушает радио. Телевизор. Лекции. А ты как думал?

Он сказал:

– Ты не мальчишка. Нет. Ты просто профессор! Настоящий профессор... кислых щей!».

«Хотя мне уже идет девятый год, я только вчера догадался, что уроки все-таки надо учить. Любишь, не любишь, хочешь, не хочешь, лень тебе или не лень, а учить уроки надо. Это закон. А то можно в такую историю вляпаться, что своих не узнаешь».

И что же изрек «профессор», когда вырос? Он вдруг сделал вывод, что «бесплатное образование бывает только в зоне».

– Неужели сын такого хорошего отца мотал срок на Колыме? – испугалась Анна. – Вся страна получала образование в университетах, а он в Мордовлаге? За какие преступления туда попал? Почему же Дениsik ни одного урока толком не выучил, хотя и слово давал, что будет исправно это делать?

«Тайное ведь всегда становится явным», – утверждал в своих рассказах его отец. Биография Дениса Викторовича оказалась обычной: окончил филфак МГУ. Сайты рассказывают о нем многое: преподавал греческий язык в Дипломатической Академии, был политическим аналитиком в информационном агентстве «Постфактум», в журналах «Век XX и мир», «ДН», «Итоги», «Новое время», старшим научным сотрудником Института мира США.

Вроде удачно сложилась его жизнь, но филолог вляпался-таки в некрасивую историю. Получив прекрасное бесплатное образование в Московском университете, он, как и Мухаммед когда-то, кинулся позорить его, безжалостно хлестать собственным же кулаком. Будто персонаж комедии, Дениsik охотно показывал зрителю, что может лупануть кулаком и направо, и налево, гляньте, каков я, могу и МГУ толкнуть.

Что такое неблагодарность? Свойство плохо организованных в душе людей. Так что не профессор вырос в семье автора «Денискиных рассказов», как думал папа. И далеко не

мудрец. А бойкий молодой человек, который, как и в детстве, привык изрекать истины, не думая над тем, насколько они сомнительные.

И после изречения о том, что «бесплатное образование бывает только в зоне», Драгунский-Второй пожизненно будет выглядеть не прямым потомком писателя Виктора Драгунского, а наследником министра просвещения российской империи И. Д. Делянова, издавшего в 1887 году «Циркуляр о кухаркиных детях», в котором было заявлено, что непременно «гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей»?..

И освободились тогда же, выбросили всех разночинцев на помойку, сломав судьбы тысячи пассионарных людей.

Может, испугался Денис, как видим, отнюдь не профессор, что и другие получают образование, которое позволит его обладателям тоже преподавать греческий язык в Академии, да перекроют дорогу его будущим чадам к столь же прекрасным должностям? Вдруг это будут дети рабочих и крестьян... «А то можно в такую историю вляпаться, что своих не узнаешь».

Денис загодя убирал будущих конкурентов? Может, за этим ухарством дрожь в коленках была, страх, что дети его любимые не смогут так же легко нырнуть в Сундук, как это, благодаря его отцу, писателю, удалось проникнуть и ему?

Кстати, это тот случай, когда родители были честнее и лучше своих детей, которые хоть и выучили греческий, но умнее и добрее от этого не стали.

Потряс Анну в те годы и другой Драгунский. Давид Абрамович – генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза... В Великую Отечественную войну – командир гвардейской танковой бригады.

В те годы, когда все яростно отталкивали друг друга от жизни, генерал вел себя с великим достоинством!

Энциклопедии о нем сообщают: «Родился в бедной еврейской семье портных. В 1936 году с отличием закончил Саратовское бронетанковое училище, был направлен на Дальний Восток. Спустя год командовал танковой ротой; одним из первых на Дальнем Востоке провел свой танк Т-26, не предназначенный для роли амфибии, под водой через бурную реку Сейфун и через 15 минут вывел его на противоположный берег, для чего негерметичные участки танка обмазал суриком и солидолом.

За эту инициативу Драгунский получил награду – именные часы от командира дивизии. Как командир танковой роты Давид Абрамович участвовал в боях у озера Хасан в 1938 году, удостоен ордена Боевого Красного Знамени.

В начале войны старший лейтенант Драгунский был на Западном фронте командиром танкового батальона. Осенью 1943 года после жестоких боев стал командиром 55-й танковой бригады, принявшей участие в освобождении Киева и Правобережной Украины. Когда в танковом бою в районе Малина под Житомиром 9 декабря удалось переправить танки. Благодаря этому был захвачен Сандормирский плацдарм.

За героизм во время форсирования Вислы и удержание Сандомирского Плацдарма командиру 55-й танковой бригады Драгунскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

По распоряжению командарма П. С. Рыбалко в марте 1945 года Давида Абрамовича направили на лечение. Но к решающей битве за Берлин он «подоспел» и к середине апреля 1945 года вновь в 55-й бригаде.

27 апреля 1945 года на западной окраине Берлина 55-я гвардейская танковая бригада Драгунского соединилась с частями 2-й гвардейской танковой армии, и советские танки вошли в Берлин.

Вражеский гарнизон был рассечен на две изолированные части. Берлин пал. За умелое руководство действиями бригады во время штурма, мужество и отвагу, за стремительный бросок бригады на Прагу, гвардии полковник Драгунский стал дважды Героем Советского Союза.

Давид Абрамович Драгунский принял участие в историческом Параде Победы 24 июня 1945 года – его танкисты прославились в боях за Берлин и за освобождение Праги.

В 1949 г. Драгунский окончил Военную Академию Генерального штаба, и ему присвоили воинское звание генерал-майор. В 1957 – 1960 гг. командовал дивизией. В 1965 – 1969 гг. был первым заместителем командующего войсками Закавказского военного округа. В 1969 – 1985 гг. – начальник Высших офицерских курсов «Выстрел». С 1970 г. он – генерал-полковник танковых войск. В 1985 – 1987 гг. Д. А. Драгунский состоит в группе Генеральных инспекторов Министерства Обороны СССР.

С 21 апреля 1983 года и до последнего дня своей жизни Давид Абрамович был бесшумным председателем Антисионистского комитета советской общественности (АКСО).

После развала СССР он остался на своем посту. Генерал говорил, что искренне считает сионизм опасной чужденческой идеологией, что сионизм сильно повредил евреям СССР, развалил их социальную и культурную жизнь, сильно повредил им в продвижении по службе. «Сионизм концентрирует в себе крайний национализм, шовинизм, расовую нетерпимость, поощрение территориальных захватов и аннексий...». («Генерал Давид Драгунский. История советского еврея», журнал «Невероятные евреи», выпуск № 6, 2010 г.).

И вдруг из подворотни выскакивает свора зомби, которая ногами живет в одной стране, а мозгами и душой исправно служит другой. Этот собачатник накидывается на старого генерала, много сделавшего для своей Родины, а не для мифической, мол, бог дал нам землю, и мы должны ее взять, вырвать из горла, тысячи других загнать в могилы, забыв, что Бог, даже мифический, – категория нравственная, а не юридическая, признаваемая добровольно, однако не по принуждению.

Давида Абрамовича буквально растерзывают. Достается ему за то, что на курсах «Выстрел» преподавал военное искусство палестинцам, будто он по собственной воле выбирал своих курсантов. А палестинцы, негодяи эдакие, потом посмели, видите ли, защищать свои дома, а не наспех выстроенные на чужих землях жилища оккупантов. Генерала таскают по судам за то, что он не захотел признавать Серпентарий на юге за свой «Дом-2». Никак не признавал, что он с его обитателями одной крови.

Драгунский не носился со своей национальностью, как кенгуру с непромытой торбой. Никому не отравлял жизнь своими обидами на то, что не очень-то быстро, с его точки зрения, двигался по службе, видимо, понимал, что в том Апартеиде, в котором много навязывают шовинистических указаний другим, ни одному чистокровному русскому ни творческой, ни служебной карьеры пока еще не обеспечили. Он вслед за Герцлем мог сказать о себе твердо: «Я не следую религиозным импульсам».

И не создавал этот опытный вояка у себя в душе внутреннее гетто, из которого непременно бы вырваться, как из Египта. Притом в удобную для себя минуту. Да еще чтоб в любой момент предательство выдать за подвиг, мол, любуйтесь мною в Апартеиде, я же к вам бегу, оцените заслуги, приготовьте квартиру, виллу и должностное местечко! Подобной схоластикой мифов генерал не жил. Ему не от кого и незачем было бежать, в том числе и от самого себя. Он не был двойным и хитрым.

Драгунский любил страну, в которой жил и которую защищал. Никогда не лгал на нее, не обливал ее помоями. Вероятно, знал фразу Хаима Вейцмана (будущего президента Израиля) о том, что «все эти евреи не стоят одной палестинской коровы», сказанной еще в тот момент, когда Давид Абрамович в рядах Советской Армии спасал людей, в том числе, и евреев, от истребления в немецких концлагерях.

У людей его национальности во все века была, есть и будет нигде не афишируемая связь с соплеменниками, живущими в разных уголках планеты. Еврейское сарафанное радио в этой системе по всему миру всегда работало исправно, потому, скорее всего, генерал знал и другое высказывание Вейцмана от 1938 года: «Я задаю вопрос: – способны ли вы переселить 6 миллионов евреев в Палестину? Я отвечаю: нет. Из трагической пропасти я хочу спасти только 2 миллиона молодых... А старые должны исчезнуть... Они – пыль, экономическая и духовная пыль в жестоком мире... Лишь молодая ветвь будет жить». (Раввин Шонфельд «Жертвы Холокоста обвиняют. Документы и свидетельства о еврейских военных преступниках», Нью-Йорк, 1977 г.).

Как же это высказывание Вейцмана перекликается с известным высказыванием Христа из «Евангелия от Матфея»: «Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь».

Правда, в Евангелии не сказано, где найти такого судью, чтоб точно определить, какая смоковница еще полезна обществу, а по какой должен уже погулять топор? И чтоб было потом без дальнейших сожалений, без слез и утрат по невинно убиенному.

Поскольку в негласных трибуналах всего мира сидят люди, а не окутанные облаками мифы, то и приговоры иногда бывают просто чудовищными. По такому же звериному приговору и ушла в войну эта «экономическая и духовная пыль» – еврейская человеческая составляющая – в огонь, будто смоковница, которую в тот момент некому было защитить. Она была абсолютно не нужна своим лидерам. Они просто не знали, что с нею делать.

Генералу не хотелось стать пылью под ногами тех, кто заманивал профессоров, врачей, инженеров из любой страны и мгновенно превращал их в подметальщиков, курьеров, банщиков. Потому и стал жертвой той неожиданной войны, на которой вдруг победили недруги, объявившие вскоре отставку огромной страны вместе с ее ста восемьюдесятью народами.

Мэр Москвы Лужков, любивший отключать канализацию, свет и воду где только можно, а ему тогда можно было все, выгнал старого генерала из служебного кабинета и в насмешку над ним сдал эти апартаменты частной сионистской компании. Вот у мэра Лужкова его национальная принадлежность, в отличие от Давида Абрамовича Драгунского, видимо, оказалась в данном случае значительной составляющей. Потому он так жестоко и цинично надругался над Героем войны, вскоре умершим после этого от инфаркта, но которому, придет время, на государственном уровне еще будет вручен посмертно третий орден Героя за защиту чести и достоинства Советской страны.

Сам Лужков позднее, как деревенский старичок, завернув в свою жену, будто в тряпочку, невесту откуда взявшиеся огромные капиталы, тут же смылся в другие страны, как только над Москвой что-то гроыхнуло вдали. Какие-то искры лишь мелькнули в проверяющих органах, как Лужкова тут же ветром унесло. В дорожный австрийский отель, который вдруг оказался собственным. И не только он один.

Так кто же, объясните, был подлинным героем страны в те годы?

В день смерти Давида Абрамовича Драгунского в газетах «Завтра», «Советская Россия» был опубликован некролог: «...16 октября 1992 г. Москва прощалась с верным сыном России Давидом Абрамовичем Драгунским. Генерал-полковник Танковых войск, дважды Герой Советского Союза, Давид Драгунский однажды сказал: “Я горд и счастлив, что принадлежу к поколению, которое воевало и сокрушило фашизм”».

И в этом коротком прощальном тексте – тоже вранье и сознательная подмена понятий. Старый генерал был сыном Советского Союза! Иначе не расправлялись бы с ним так подло. Тут уже срабатывал национализм с другой стороны. Уже и оппозиция подчищала историю, ломала страну и корежила ее не меньше стреляющих окраин. Для чего охотно и сознательно путала бездушный космополитизм с теплым и добрым интернационализмом – братством людей в собственной стране. Всем: и левым, и правым – почему-то хотелось, чтоб каждый

народ шел над бездной один, первобытным зверем, и опасливо поглядывал на тропки, по которым двигались другие народы, лишь рыча и оскаливаясь.

Потому стоило только Анне принести в какую-либо редакцию материал о необходимости сохранить государство в том виде, в каком оно есть, чтобы никому и никогда не приходилось бежать с малыми детьми на руках, как слова «Советский Союз», «советский» тут же из текста даже в патриотическом издании вымарывались.

Она понимала, когда некий Эндрю Росс Сорокин из Оклахомы, когда-то удравший из Советского Союза и уже привыкший к роли приймака на чужой земле, пишет в чужестранной газете, мол, «в 1927 году российское правительство выступило с предложением оплатить 15 % стоимости облигаций в обмен на новый французский кредит, но получило отказ». Так мог писать чужак, сознательно в своей статье подменивший название страны, ибо в те годы правительство уже было Советским.

Но также поступали и те, кто в речах и на всех перекрестках вроде горой стояли за Родину... Анна не понимала их задач, их подлинных целей. Неужели и они заодно с врагом, но, прикинувшись овцами, идут в тех колоннах, к которым реально, в душе никакого отношения не имеют?

Познавать в эти дни приходилось людей с разных сторон. Каждый повернулся к обществу, будто Луна, темной и неожиданной стороной.

Чечня превратила сто семьдесят тысяч граждан в рабов, посадила их в ямы, заморила голодом, многим отрезала головы, а, получив за эти бесчеловечные проступки по морде, взвыла от возмущения, схватила в руки автоматы, гранатометы... и по скалам, по домам, по теплым людским шеям, по чужим и собственным детям. Сколько теперь их, инвалидов, сирот, стонет в чеченских детских домах!

Чуть позднее чеченский поэт Лечо написал исследование о том, что вся цивилизация зародилась в каком-то высокогорном чеченском ауле. Может, она там и зародилась, но, видимо, вскоре и умерла, коль Лечо сам дважды сидел в яме рабовладельцев.

По всей стране взметывались протуберанцы необъяснимой ненависти друг к другу: в Приднестровье молдаване стреляли во все, что двигалось. В Латвии на телебашнях шли горячие боины. Таджики закатывали друг друга в бетон. Казахи – в песок...

Лава страданий, то и дело взрываясь, летела на недостижимую высоту, падала вниз тяжелой лавиной, заполняя опустевшую бездну умершими надеждами или еще живыми, но таки умершими, которые уже ни одним светлячком своим не могли порадовать и поднять над этими битвами ни одну жизнь. Неужели через такое глобальное поражение страны можно придти к каким-то победам?

Это мегатонное извержение национализма, рванувшее в стратосферу, услышала вся планета. Придушенные прежней жизнью инстинкты алчности, молниями теперь метались по пылающему небу, взрывной волной обогнули земной шар. Наверно, сотни раз, потому беду, спровоцированную на одной шестой части суши тысячами мерзопакостных душ, своих и чужестранных, не могла не заметить даже Галактика.

Обвал вершины на гигантское дно... И великое государство – Советский Союз, основа равной жизни для миллионов, уже грандиозными обломками лежит бездыханно на дне кальдеры. Однако его гибели никто, кроме жертв, не заметил. Оставшиеся в живых норуют в это время набить за щеки сотню бутербродов, выстроить не один, а кучу домов, пододвинуть прямо к крыльцу Гавайские острова или Сейшелы, чтоб теперь каждый день у ног шумел океан. Люди уже боролись не за необходимую долю во всем, а за... сверхдолю. Иной раз – космическую.

Сундук умудрился засунуть в свои недра даже политику, которая коли нынче и высывала свою морду наружу, то вещала с трибун необуянную глупость.

– Страна должна быть маленькой и дешевой! – изрек на телеэкране Константин Боровой, слегка, конечно, перепутав Советский Союз с карликовой Кибуцией. Не там ли и получил он сию установку? В такой стране, видимо, нуждался индивидуально сам Боровой, но почему-то не уехал в катакомбы подобного Карлика, остался и вдруг ни с того ни с сего стал главным редактором журнала... «Америка». Неужто по просьбе Вашингтонского обкома озвучивал он тогда кощунственные для огромной страны установки, а там наконец-то оценили и наградили Натаныча высокой должностью?

Но лекала эти чужеродные о том, что страна должна быть меньше, мгновенно подхватили другие. Вместо огромной страны с ее несметными территориями всем захотелось вдруг иметь просто-напросто... Сундук. Большой ли, маленький, но свой, индивидуальный. Чтоб залезть в него как в детстве, захлопнуть за собою крышку и в темноте таинственной мять в руках хоть какое-нибудь сокровище. Страна уже сокровищем не казалась.

Многочисленный люд на улицах почему-то желал теперь иметь лишь блага от государства. Ну, каждому бы по пещере Аладдина или – Среднеазиатское управление железных дорог, в придачу еще и Норильский никель. Даже за счет убийства собственной родины. Прежние границы в этом простеньком желании «положить и Багамы в сумку», теперь очень мешали. Никого уже не устраивала когда-то выстроенная система сдержек и противовесов, созданная для того, чтоб человек не зверел, а тянулся бы в первую очередь к доброму и опрятному.

Безобразный Сундук, разросшийся в десятилетие до невероятных размеров, командовал теперь всей жизнью: когда-то мирные и тихие, трудолюбивые, не корыстные когда-то люди замечтали вдруг иметь особняки даже в... Америке. В этом вопросе у всех появилась литерная скорость мышления, дабы не упустить хоть что-то и даже в момент агонии страны прихватить бы побольше заводов, рек, морей, территорий... Ради чего и взяли в руки автоматы, чтоб напрочь снести башку другому. Чужая беда уже не воспринималась трагедией. Через нее перешагивали, будто через холмик, еще не заросший травой.

Сундук почти никому не оставил пространства для прежней внесундучной эры: безмятежно лежать на траве, читать книгу, спокойно плескаться в ближайшей реке.

Но Сундук, вот ведь хитрован, не каждому исполнил заветное. Многим пришлось вдруг тащить на барахолку последнее: посуду или полупригодный светильник. Светить, радовать другого хотя бы просто человеческим и теплым словом уже было некому. Все по одиночке метались по планете с баулами. Интеллект теперь был под замком: что ни скажешь против Сундука, высмеивалось в автобусах, магазинах, около дома. И в газету теперь не сунешься: за публикацию надо платить. Такого понятия, как гонорар, вроде бы никогда и не существовало.

– Почему, – спрашивал Рахман Анну в недоумении, – разобщить людей и сделать страну меньше – это подвиг? Все вокруг кричат: «развяжите Ельцину руки», и не заметили, как связали руки себе... И тем, кто будет жить дальше.

Чашечки кофе на столе перед коллегой уже не стояли долго, он их поглощал мгновенно.

– У меня даже дети стали идиотами. Нынче и они мне орут: папа, если бы ты был белым, ты голосовал бы за Ельцина.

Рахман улыбается, однако не очень радостно.

– Я отвечаю им: белые что – все дураки? А в ответ слышу: что ты понимаешь, папа!

– Как поживает Катя, твоя старшенькая? – спрашивает Анна.

– Уже учится в институте. Тоже за Ельцина, говорит, что Ельцин – это свобода!

– Но это в недалеком будущем платное образование, неужели Катя не понимает?

– А она, мол, зарабатывать будет...

Рахман очень переживает раздраз в собственном доме, мнется, не знает, куда себя деть, и домой теперь не торопится.

– Свобода... какая свобода, какой толк в том, чтобы закрыть заводы и фабрики? Почему безработица – это свобода? Где мои дети заработают? Какое они смогут жилье получить?

В последний год прежней жизни Рахману предложили в АПН переехать в Москву. В Агентстве нужен был переводчик арабских текстов на русский. И дали квартиру. На Крылатских холмах, в одном из лучших районов столицы. Но ордер из-за временных проблем с гражданством оформляли на Лену.

Толстая, неповоротливая, она часами раскладывала на кухне пасьянс и проблемы с любой нехваткой денег сваливала на мужа, мол, зарабатывать в доме должен только он, так принято у арабов.

– Я только по дому...

Однако и в доме усердия не замечалось. Везде пыль, часами болтовня по телефону, умение красиво сварить лишь кофе...

Когда Лену спросили, на сколько членов семьи оформлять нынче ордер, она безмятежно ответила, что на четверых, насмерть забыв про старшую дочь, которая в это время жила в студенческом общежитии. Семья получила трехкомнатную, хотя заслуженному журналисту хотели дать площадь куда больше. Теперь Рахман, все уступив детям, спал в коридоре на диване.

В семейной жизни у него был полный облом, нынче жену будто подменили.

– Я всю жизнь ненавидела коммунистов! – вдруг изрекла она. – И делала все, чтобы уехать из страны.

Прежде Лена была преданной, любила накрывать на стол, встречать делегации, принимать редакционное начальство Рахмана, всем рассказывала, какой у нее замечательный муж... Но вот исчезли рядом покой и благополучие... Тут же исчезло и ее поклонение супругу.

Братья Лены активно участвовали в сломе страны, получили от новой администрации шикарные квартиры, хорошие должности, и жена Рахмана мгновенно, как бездумный комар, не считаясь с мужем, сменила идеологию, да еще хвастала об этом везде.

– По какому праву у моего деда отняли две лошади, корову и мельницу? Разве это богатство? – то и дело теперь взрывалась она, вспоминая далекие годы, когда нынешних поколений с их великими претензиями и в задумке еще не было.

Оторвав голову от будущей статьи, муж объяснял:

– По нашим временам, возможно, и не богатство... те две курицы и мельница. Но тогда, кажется, это был капитал, необходимый стране для дальнейшего импульса...

– Отнять и поделить, – смеялась Лена.

– Но ведь вернули...

– Что вернули? Что ты выдумываешь?

Рахман много читал, думал, потому мгновенно возразил жене:

– На моих глазах все вернули. И лишнего даже тебе дали. Сколько лошадиных сил стоит твое бесплатное образование? Сколько лошадиных сил стоит наша квартира, ты за нее хоть копейку заплатила? Почему две лошадки деда помнишь, а сколько через поколение этих лошадиных сил – целые стада – дали тебе лично взамен, – не замечаешь?

Матерый эгоизм внезапно поднявших голову потомков кулаков был главной составляющей тех дней. Во многих семьях вдруг началась гражданская война. Между поколениями, людьми разных социальных положений, между теми, у кого деды прежде имели хотя бы «сто... курей». Многие годы страна деликатно сглаживала любые углы, вела себя по умолчанию, чтоб никого не обидеть... Нынче же внуки тех, кто некогда пострадал, возможно, и по делу, кого талантливо в свое время рассредоточили в огромной стране, чтобы выпустить в новую пахоту их ярость и стремление к разрушению, теперь они, объявившие себя наслед-

никами прежних подпольных и хитрованных недругов, на всех митингах вгоняли общество в вину перед собой, лишь бы оказаться в центре внимания хотя бы на час.

Потомки репрессированных, ничего, кстати, в своей жизни не потерявшие, устроили на митингах и в печати такой дебош, что накосили уже новые караваны пострадавших, в придачу разнесли собственную страну вдребезги. Притом вовсе не заметили, что уже отправились на погост миллионы ни в чем не виноватых перед ними людей. И все это было сотворено во имя давно ушедших в мир иной родственников, да, очень им родных и близких. Но задумался ли хоть один подобный наследник, что, скорее всего, даже тем, кто когда-то, возможно, и провинился перед Советской страной, не понравилось бы такое безумное грязное мщение, лишь подтверждающее давнюю линию неприличного отношения этого рода к обществу того времени? Дети и внуки разрушителей одним только своим поведением спустя много лет как-то поневоле доказали и без юристов вину своих отцов и дедов.

– За что моего отца расстреляли? – возмущалась нынче в семье и Лена. – Он тружеником был, на нем в Краснодаре институт держался. Как можно сажать ректора?

Немалые уже связи в Москве помогли журналисту заглянуть в личное дело тестя, которого он никогда не видел, однако, на дочери которого когда-то женился. Но правду ей не решился открыть. У отца Лены была большая растрата. И после обычного суда он не был расстрелян. Его, как всех растратчиков мира, посадили, а через год он умер. Попав в сложные обстоятельства и в неподходящие для пожилого человека условия в лагере.

Однако не хотел Рахман, глава семейства, чтобы его дети ощущали себя внуками вора. Не хотел, чтоб дети знали, что их мать нагло врет. Он молча глотал все, чтоб не добивать семью, а Лена, закусив удила, да еще чувствуя за спиной поддержку могучих ныне братьев, уже требовала поставить во дворе института памятник «невинно» пострадавшему и загубленному злодеями. В институте, не изучив архивы (подлинники тогда были не в моде), прогнали перед активной «демократкой» и бюст заказали.

Повзрослевшие дети слетали на юг, потом с гордостью рассказывали друзьям о замечательном дедушке. На отца теперь поглядывали какое-то время с жалостью, потом – враждебно.

Но самое страшное для Рахмана случилось тогда, когда по требованию Рейгана закрыли Агентство Печати и Новости в Москве. Признав верховенство международных законов над собой, еще пока негласно, Россия уже превращалась в колонию и выполняла теперь любые прихоти начальства из Алабамы. Тысячи талантливых людей, владевших языками, преданных собственному государству, а не воцарившемуся тогда в обществе пошлomu мифу о красоте чужбины, остались без работы. Где теперь заработать кусок хлеба, а тем более – иностранцу?

Под гигантскими обломками прежде могучей и сильной страны на дне кальдеры шевелились миллионы полуживых существ. Национализм тайфуном снес их жилье, мечты, надежды. Им оставалось самим выгребаться из-под рухнувших скал, утесов и дрожащими руками собирать теперь в своей жизни хоть что-то: пару носков, когда-то брошенный на антресоли чемодан, пачку иголок, полотенце, затоптанное ногами ворвавшейся в дом гогощей толпы. Но и эти жалкие остатки имущества по дороге в якобы Спокойный край у них пытались отнять. Одна шестая – уже была перегорожена шлагбаумами и мощными рядами таможенников, на шее у которых – орды полуголодных родственников. Главная задача таможни тех лет – максимально ограбить пассажира.

Рахман регулярно читал газеты и знал, что в России людям месяцами не платят зарплату. Живущий на севере пенсионер в квартире потерял сознание, упал и примерз к полу из-за отключения отопления.

– Почему ваши парламентарии защищают людей капитала, а не простых граждан?

– Они сами с головой залезли в Сундук и шарят в нем в поисках, что бы еще прихватить... – отвечала ему Анна. – Не до людей им... Не до нас...

Она недавно вернулась с Украины и в поезде видела кошунственное: какие-то «качки» везли с Ямала в Харьков группу хрупких и нежных, как Майяне, девочек под предлогом знакомства с евангелистской общиной.

В длинных юбках, с накрашенными не по возрасту губами, они весело смеялись, с удовольствием глядели в окно.

– Почему вы в поезде, а школа как же? – спросила в недоумении Анна.

– Мы из далеких поселков, на Ямале школ уже нет, – ответила старшая. – Мы не умеем ни читать, ни писать, – буднично, без какой-либо боли за себя рассказывали они. – Вот только одна из нас считать умеет.

Девочки гляделись в зеркало, поправляли волосы. Как и Майяне когда-то, закалывали их яркими заколками. Только рассказывали иное. И ни одной книжки не было у них в руках.

– Как же родители отпустили вас так далеко?

Девчонки переглянулись между собой, рассмеялись.

– Мы из дома сбежали, они не знают, где мы...

В вагон зашли пограничники. Навстречу им поднялся седой и вроде благородной наружности человек. Через пять минут документы на девчонок ему вернули назад.

«Зачем сбежать из дому тайком, если намерения у сопровождающих благородные?» – спросила себя Анна и вдруг поняла, что девчонок везут, скорее всего, на продажу. Она поднялась, вышла за одной из них в коридор, стала дежурить около туалета.

– Давай я запишу твой адрес, – шепнула она девочке, когда та вышла с полотенцем через плечо. – Родителям домой сообщу, где вы...

– Зачем? – испугалась юная жительница Ямала, занесенная, может быть, огромной уже бедой на пролетающие за окном поля Украины.

– Вдруг что-то случится, они должны знать, где вы...

– Пастор ничего плохого не позволит, – недовольно поджав губы, ответила гордо девочка. – Пастор у нас хороший.

Она скользнула мимо и спокойно ушла в купе, из которого уже с угрозой во взоре поглядывал на Анну здоровый мужик, которого неопытная девчонка приняла за священника.

«Неужели и к нам пришла торговля детьми?» – смекнула вдруг Анна, когда увидела плевок гноя в мойке, над которой только что умывалась девочка.

«У них же туберкулез, кому они всерьез нужны?» – обдумывала она тяжелейшую ситуацию, совершенно не зная, как помочь попавшим в беду девочкам, нежным и трогательным, как и Майяне из Панаевска, но беззащитным, как и те мальчишки, которых когда-то на продажу, по словам Рахмана, везли по африканской саванне в мешках.

«Если у них туберкулез, слабое здоровье... Они же никакой эксплуатации над своими крошечными и больными телами и трех дней не вынесут. Возможно, девчонок везут на... органы?»

Поезд затормозил. В Харькове сбежавшие с Ямальского полуострова девочки дружно прыгнули с подножек вагона. Их подхватили уже местные «качки», на две головы выше своих подопечных. Пастор что-то девочкам шепнул. Глядя на Анну, они покрутили пальцем у виска, а «качки» украинские с перрона погрозили ей кулаком.

Вернутся ли когда-нибудь эти северянки в края, «где олень держит на рогах день»? Где пускают прозрачные гейзеры в холодной Обской губе белухи, где живут щекур, гагара, налим... Будут ли и они еще там жить?..

Капитал... он выгоду не упустит. В любые века, в любом краю. У всех поколений, которые позволили согнуть себя Капиталу. Даже если в мешках шевелится плачущий и бес-

помощный товар. Или бойко пока еще прыгает с подножки вагона. Помощников у этого алчного, циничного устройства много: благородные пасторы, киношные режиссеры...

Еще действуют в стране Конституция и ее 41-й закон, по которому медицина для всех граждан бесплатная, однако на экранах телевидения уже кочуют кадры о бедном юноше, у которого больна мать, или перед нами – молодая женщина с больным дитем на руках, а за операцию почему-то надо платить, притом очень много. А денег на операцию у наших граждан, что в кино, что в жизни, нет, потому непременно надо бы, как подсказывают сценарист и режиссер, кого-то обокрасть или убить. Потом будь что будет...

Можно, конечно, за такое святое дело, чтобы помочь своим, но при этом уничтожить других, пойти и в тюрьму. Это выглядит красиво в фильме. Но в жизни иное: новичка потом будут всем камерным братством без усталости насиловать. Он пойдет по рукам грязных подлых мужиков, на которых в камере по ночам никакой управы. А выйдя на свободу, паренек с порванной прямой кишкой больше трех месяцев не проживет.

Режиссер, конечно, об этом умалчивает. Ему нужна лишь романтика воровства, однако не страшная реальность жизни и боль преждевременной смерти.

То есть интеллигенция открыто, всеми художественными формами нагло и подло толкает человека на преступление, растлевает его. Интеллигенция занимается киллерством, убивая чужую душу, желая другому того, что каждый из них не пожелал бы своему родному дитю.

Мир всякий раз жестко учил Анну новому. Учил и сегодня. Или ты нынче в своей профессии ноль и напрочь забываешь прошлое, превращаешься в зомби, так никого и не защитив.

Либо ты – киллер, боевитый, наглый, научившийся убивать каждую клеточку прежней жизни даже... словом. Как на телевизионном экране, на котором каждый день что-то в ком-то убивают: чужое достоинство, чью-то мысль или желание вернуться к той жизни, в которой прежде у кого-то, возможно, что-то и отняли, однако отнятое поделили. Между всеми. А в эту эпоху тоже отняли, притом у всех, а не у единиц, но ни одной копейкой с другими не поделились. Накупив в других странах, будто гроздь бананов, кучу вилл, яхт, замков. Как тут написать традиционный и любимый всеми властями материал под заголовком «Итоги радуют»?

Хотя... и киллеры пишут уже подобное. Даже в кинофильмах показывают. Но восхищаться этим у Анны не получалось. Рахмана также не радовало почти все, что происходило в России. По-прежнему он читал каждый день газеты, звонил Анне и комментировал их, будто отстреливался:

– Фронт резко переменялся... С журналистикой этого дикого поля у вас не умеют воевать. Хочешь, научу? Большевики во всем виноваты? Не спорь, поддакивай. Пиши, что это они подбили туземцев съесть Кука в Меланезии. И шумерские захоронения в древней Месопотамии – тоже жертвы большевистских репрессий. Вулкан Кракатау... – это большевики его взорвали, когда кинули в него водородную бомбу.

– М-да, а кто написал письмо турецкому султану? – мгновенно поняла Анна, повеселев из-за открытия, что и на том поле, на котором неплохо устроились мощные и самые недобросовестные люди планеты, тоже можно что-то отстаивать свое.

– Граф Дракула тоже большевистский агент. На Лубянке этим гордятся... Наградили уже маньяка сотней орденов, снимают фильмы... Народные денежки ведь не жалко...

Доводить до абсурда? Но как еще ответить тем, у кого танкеры, особняки, самолеты? Хоть усмешкой да размыть бы их пошлые идеалы, их визгоязычное желание превратить каждого человека в придурка.

– Еще одно предательство, – тяжело вздохнул Рахман при очередной встрече и отложил газету в сторону. – Кто после этого Россию уважать будет?

Анна вернула ее на стол и прочитала о том, что лидер Рабочей партии Курдистана Абдулла Оджалан обращался к российскому президенту, премьеру и к спецслужбам с просьбой разрешить ему остаться в России. Ельцин был в очередном запое. Окончательное решение принял Примаков, сказав твердое «нет». Хотя в Госдуме почти все дали согласие на предоставление Оджалану политического убежища. Евгений Максимович, тем не менее, отказал, несмотря на то, что в свое время сам поддерживал отношения с лидером курдов и был даже в отдаленных курдских партизанских отрядах.

– Америка, значит, надавила. Или Турция пообещала повлиять на события в Чечне, – проанализировал Рахман ситуацию.

Вскоре Оджалан оказался в тюрьме – пожизненно – на турецком острове.

– Примаков после этого спит спокойно? – спросил как-то арабский коллега.

– Конечно, спокойно... – подтвердила Анна.

– Вот гляди, газета... Издается в Америке удравшими из Советского Союза вечно обиженными. В ней об измене партийной верхушки уже в давние времена говорится открыто.

Бывший советский человек, некий Марк Перельман, физик, живший теперь в Иерусалиме, на страницах газеты «Новое русское слово» напоминал о временах Хрущева:

«В конце 1956 года или в самом начале 1957 года в Египет направляется делегация Верховного Совета СССР во главе с Д. Т. Шепиловым, в то время редактором «Правды». В составе большой группы то ли переводчиков, то ли спичрайтеров – и Е. М. Делегация должна была, в частности, прогнозировать вопрос о возможности освобождения арестованных к тому времени коммунистов. Но Шепилов вынес из этой церемониальной, вообще говоря, поездки иное впечатление: он уговаривает быстрого на решения Хрущева в корне изменить концепцию внешней политики СССР – от поддержки рептильных компартий перейти к поддержке там, где можно, так называемых национально-освободительных движений!

Шепилов становится на восемь месяцев министром иностранных дел СССР, закладывает основы незыблемого вплоть до распада Советского Союза внешнеполитического курса, так что даже нашумевшее изгнание «антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» (помните анекдоты о самой длинной в мире фамилии?) не меняет, увы, этой концепции. Марк Перельман, доктор физ-мат. наук, Иерусалим, г-та «Новое русское слово», 10-11 октября 1998 г., Нью-Йорк).

– Е. М. – это же Примаков, – расшифровал нынче Рахман. – Как по-твоему, главный редактор газеты «Правда» обсуждал тогда с арабистом Примаковым идею будущего предательства?

Конечно. Тем более что в ту поездку Дмитрий Трофимович взял Евгения Максимовича как советника по арабским делам. Обсуждали они эту проблему и, видимо, не раз. Но каким образом эта пошлая установка стала главной по отношению к коммунистам из других стран? Притом у первого на земле советского государства... Кто бы знал тогда, что идея Измены поселилась в те годы уже прямо в Кремле? И социализм этот народец Измены начал сдавать, начиная с окраин планеты, с предательства арабских и африканских компартий.

Выходит, что руководителям Советского Союза наши единомышленники в других странах такие, как Махджуб, Рахман, Хади, плачущие на университетских кухнях девочки, их братья и отцы, погибающие в Каире, Багдаде, а далее... везде, уже тогда казались им рептильными.

Конечно, это не Шепилов оторвал голову молотовской внешней политике первого Советского государства, обращавшей внимание в первую очередь на трудовые, а не на буржуазные резервы во всем мире. Дмитрий Трофимович, скорее, лишь довел до Хрущева кон-

цепцию арабистов нового поколения, ориентировавших страну на поддержку националистов, а не на поиски подлинных друзей, которых и без того у СССР было маловато в мире.

Ориентация на активную буржуазию в арабских и африканских странах была грандиозной ошибкой внешней политики страны. Вместо того, чтобы приводить к власти своих людей, как это делают американцы по всему миру, мы своих «опускали» или не обращали на них никакого внимания, а медом-сиропом разливались перед громко орущими выскочками. Пустой барабан, как известно, громко гремит.

Пришедшие к власти буржуазные офицеры все равно были крепко повязаны с западными банками через прежние займы, торговлю, общие предприятия, а независимыми становились большей частью формально. Для помпы, для вида, чтоб самим быть наверху. Потом бежали в мечеть, в которых нянчили тайно или явно свое мусульманство, хвастали правотой, отчего волей-неволей помогли вскоре захватить влияние почти во всех мусульманских странах самым фанатичным и религиозным черным силам.

Уж если концепцию предательства арабских и африканских компартий и впрямь подсказал когда-то в самолете Шепилову арабист Примаков, а тот, как попугай, озвучил ее в присутствии Хрущева, то уже одним этим нашептыванием Евгений Максимович нанес огромный вред стране, которая вскоре взяла-таки курс на вопиющее распыление левых сил – единомышленников в других странах.... Но тем самым он помог спаять по всему миру чуждое нам националистическое и религиозное кубло. Как же такие подлые мысли могли прийти в голову тем, кто вроде бы должен быть умнее и прозорливее?

И лишь через много лет, уже почти на склоне лет своих Анна нашла объяснение подобному поведению арабиста и примкнувшего к нему Шепилова. Александр Петрович Шевякин в своей книге «КГБ против СССР. 17 мгновений измены» подробно рассказал о том, почему некоторые высокопоставленные чиновники уже и на свою страну глядели как на рептильное, никому не нужное, образование.

Вернее, им не нужное. А люди не в счет: кто они такие, эти мелкие букашки, чтобы с ними считаться?

«...Весьма значительная доля международников – А. Г. и Г. А. Арбатовы, А. Е. Бовин, Р. Г. Богданов, Ф. М. Бурлацкий Г. И. Герасимов, В. В. Журкин, Н. В. Загладин, А. А. Кокшин. В. П. Лукин, Е. М. Примаков, А. Н. Яковлев – просто-напросто в какой-то момент либо сами перешли на сторону Америки, либо стали интеллектуально обслуживать явных врагов Советского Союза внутри страны. Интересен, конечно же, вопрос, почему они изменили? И ответ я нахожу не в том, что некая патология предательства есть в них, но и потому, что, получая сведения из первых рук, из закрытых спецхранов и минуя их, имея доступ к свежей разведывательной информации, они подвергались психологическому воздействию со стороны Запада, они убедились в его интеллектуальной мощи как никто другой...».

Но и внешние как будто бы сторонники Советского Союза из других стран – на митингах, перед толпами такие хорошие, а изнутри – черви грызущие, были такими же хищниками.

Вот, положим, Насер... Википедия о нем сообщает:

«В беседе с госсекретарем США Дж. Даллесом в мае 1953-го Насер сказал: «Если мы и опасаемся коммунизма, то изнутри, а не экспортируемого СССР. И если я перестану вести себя как националист, то у меня в стране победят коммунисты».

После военного переворота «Свободных офицеров» и прихода к власти Гамаль Абдель Насера аресты, пытки и репрессии египетских коммунистов были продолжены. Сам Насер и ряд высших руководителей БААС рассматривали коммунистов как внутреннего врага.

В декабре 1958-го в Египте вновь стали арестовывать коммунистов, обвинив их в «предательстве арабского дела». Бывали, напротив, и периоды относительного послабления: например, из египетских тюрем в 1960 – 1962 годах были выпущены левые деятели и коммунисты, многие из которых были назначены на руководящие посты. В годы объедине-

ния Египта и Сирии в единую Объединенную арабскую республику египетские спецслужбы нанесли значительный урон до тех пор весьма сильному коммунистическому движению в Сирии. В 1965 году в результате полицейских репрессий объявили о самороспуске, частично влившись в состав Арабского социалистического союза».

Но поразительно, как по-доброму относилось руководство Советского Союза к антикоммунисту и националисту Насеру! О том, какую огромную, фактически безвозмездную помощь оказала советская страна Египту, описал в своей книге «Гамаль Абдель Насер» Анатолий Агарышев:

«Национализация Суэцкого канала принесла ОАР некоторые финансовые средства. Было решено использовать их для строительства Высотной плотины на Ниле. Но этих средств не хватало. Отказавшись финансировать строительство, США считали, что Советский Союз не в состоянии помочь Египту. Даллес так и заявил на заседании сенатской комиссии 28 сентября 1957 года: «В принципе допустимо, что Советы согласятся оказать помощь, как приманку. Но они никогда не смогут построить эту плотину».

Но Даллес жестоко ошибся. В декабре 1958 года Советский Союз подписал соглашение о предоставлении экономической и технической помощи в строительстве первой очереди Асуанской плотины. При этом за основу был принят проект советских специалистов, признанный лучшим на международном конкурсе.

Никогда раньше Александрийский порт не принимал такого количества грузов, как в те дни. День и ночь у причалов разгружались суда. На берегу выстраивались целые пирамиды пахнущих смолой ящиков. Земля содрогалась от рева многотонных советских самосвалов, бульдозеров и экскаваторов. На железнодорожных вагонах, из которых формировались составы, уходившие из Александрии, ставилась короткая надпись: «Высотная Асуанская плотина». Грузы отправлялись также и по Нилу на наспех сооруженных плотях, баржах и на фелюгах. Толпы крестьян выходили на берег реки, провожая барабанным боем вереницы плотов и фелюг. Из-за барханов пустыни выныривали на верблюдах бедуины и, увидев речные караваны, палили в воздух... Маленькая железнодорожная станция Асуан на юге Египта, которую с трудом можно было отыскать на карте, удостоилась вдруг внимания крупнейших международных агентств, газет и журналов. Даже высокопоставленным служащим египетских министерств пришлось задолго до 9 января 1960 года забронировать места в единственной на весь город гостинице «Катаракт». Наступил торжественный день. В десяти километрах от города на каменистой площадке, с которой хорошо видны Нил и окаймляющие его утесы, раскинулся огромный шатер, рассчитанный на несколько тысяч человек. Рядом был сооружен каменный постамент с нишей. Около него феллахи в голубых галябиях держали стреноженного быка. Шатер не вместил всех собравшихся, люди сидели на прибрежных скалах, стояли вдоль дороги, ведущей из Асуана. Вдруг, словно по мановению волшебной палочки, гул многотысячной толпы стих. Колонна черных машин, показавшихся из-за поворота, остановилась перед шатром. Первым из машины вышел Гамаль Абдель Насер. Он радостно улыбался, подняв руку над головой в знак приветствия.

Люди кричали, как солдаты во время атаки. Полицейские, взявшись за руки, едва сдерживали напор толпы. Вместе с Насером прибыли гости из многих стран, в том числе, и советская правительственная делегация. Жестом он приглашает всех осмотреть модель будущей плотины. Затем в нишу каменного постамента заложили документы, связанные со строительством плотины, Коран, монеты – это для потомков.

Наконец нишу замуровали, стреноженный бык дернулся в предсмертных судорогах. Традиционное жертвоприношение совершилось. Так египтяне поступали всегда, предпринимая великие дела.

Гамаль Абдель Насер с гостями вошел в шатер. С трибуны, украшенной флагами ОАР и СССР, он горячо поблагодарил Советский Союз за помощь в строительстве плотины.

Затем Насер и гости одновременно приложили пальцы к кнопке взрывающего устройства. Дрогнули черные скалы. К небу взметнулось коричневое облако песка и камней. Тысячи людей с кирками и лопатами бежали к месту взрыва. Тяжело рыча, разворачивались бульдозеры и экскаваторы. Великое покорение Нила началось».

И вот за эти горы ящиков, сотни экскаваторов, тысячи грузовиков, тонны цемента, советское правительство не посмело защитить брошенных в тюрьмы египетских коммунистов! Не говоря уже о том, чтобы привести их во второй-третий эшелон власти!

«Мы в Египте ждем того уже недалекого дня, когда красный флаг взвьется над пирамидами, чтобы салютовать красному флагу над Кремлем!», – сказал в 1923 году первый лидер Египетской коммунистической партии Хусни Аль-Ораби. Однако не эти замечательные слова, не программа компартии Египта легли в нишу каменного постаменту будущей Асуанской плотины, а Коран...

Выскачка Хрущев еще раз двинул поперек истины, против концепции собственной атеистической страны с ее интернациональными принципами, и лютому националисту Насеру присвоил звание Героя Советского Союза!

А это, интересно, чья подсказка?

Помните, тогда народ удивлялся, за что это антикоммунисту – высочайшую премию советской страны? Может, не зря много лет спустя внук Хрущева, тоже Никита, работавший дворником в Леонтьевском переулке в Москве, как-то сказал высокопоставленным жильцам в этом доме:

– Ну, какой мой дед коммунист? Он никогда коммунистом и не был...

И впрямь... Ну, построили мы Египту Асуанскую плотину, а в Индии – огромный металлургический завод... Когда Советского Союза не стало, эти страны вернули хоть что-то в казну коммунистических движений России, топнули ногой на Ельцина, когда тот в центре Москвы расстреливал собственных граждан? Богатейшая по тому времени Ливия так и не вернула Советскому Союзу, потом и буржуазной России, семнадцать миллиардов долларов.

Националисты же всех стран шкурно об этом помалкивали, радуясь тому, что некому больше отдавать долги. Их интересы понятны. Кошке кинули жирный кусок, она и слопала его. Но тяга во внешней политике позднего СССР ко всем антикоммунистическим силам в арабских и африканских странах, конечно, была пошлой и неразумной. Ведь в это время на колхозных фермах собственной страны не было ни одной асфальтированной дорожки, отчего бедные сельские женщины, зарабатывая средства для строительства далекой Асуанской плотины, с трудом вытаскивали ноги из грязи, когда тянулись из деревень на фермы к своим Зорькам и Майкам.

Однако эти острые углы обычной, но очень трудной деревенской жизни никогда не обсуждались вслух. В газетах под рубрикой «Мир за неделю» с утра до ночи восхищались приходящими к власти националистами на всех континентах.

Стоит ли удивляться тому, что в Советском Союзе никогда на страницах газет не было ни одной открытой дискуссии по поводу национализма, своего или чужого, как воплощения алчности и хитрости. Никогда не объяснялось, что национализм – это обычная программа ненависти, забравшаяся в души людей чуть ли не на генном уровне, когда у человека еще не было такой мощной защиты, как государство.

Национализм как явление никогда в СССР не был обсужден публично, не разобран на все его хорошие и гнусные составляющие, не объяснен как факт разобщения и отторжения людей друг от друга, как источник в людском роду вечных бед и страданий.

Из-за лишней осторожности и хитроватых умолчаний уже в те годы вызревала огромная трагедия для тех людей планеты, кто связал свою жизнь с первой советской страной, кто был ей верен, кто считал ее идеи осью будущего мирового развития.

– Своих соотечественников, как молекул, сдавали миллионами в республиках, что им один Оджалан? – беседуя с Рахманом, заметила грустно Анна, вспомнив, какие горы оружия тогда отдавали уходящим из страны регионам, как, положим, Чечне, чтоб потом там резали головы всем подряд! Лишь бы никогда больше не было целостной страны. Только как понять до конца, зачем это все? И как это все принять?

Во имя чего... Возможно, время и докопается когда-нибудь до истин, но пока эпохе было не до разгадок. Время бесцеремонно тащило по камням всех, даже эпоху. Во всех точках такого вроде бы огромного земного шара.

Очень переживал Рахман за происходящее и на собственной Родине. Там все было, как и в России, только гораздо хуже. В уголовный Кодекс его страны уже были включены новые статьи: бичевание за употребление алкоголя, отсечение руки за воровство, избивание камнями за супружескую неверность.

– Конечно, мы тогда в 1971 году поторопились, плохо подготовились, не предвидели многого, – рассказывал журналист о делах давно минувших лет. – Потому и проиграли. Но знающие люди понимают: мы спешили, мы делали все, чтобы братья-мусульмане и близко около парламента не оказались. Кто знал тогда, что богатейшая страна в мире – Саудовская Аравия – будет финансировать не полеты арабских парней в космос, не новые открытия в лечении рака, чтобы хотя бы дети от карциномы не умирали, а тех, кто протащит закон об отсечении головы человеку, если он против ислама? Или пожизненное заключение с конфискацией имущества за любую антиправительственную деятельность.

– Как видишь, мне путь домой закрыт... – добавил Рахман невесело. – И много лет у нас война... Парень утром идет в университет, а его хватают на улице и отправляют на войну. Вечером он уже у матери на столе в... саване. Кто так делает?

– Из-за чего война?

– Помнишь, я много лет назад говорил тебе, что нельзя в стране, где более трехсот национальностей, навязывать шариат? Не хотят шариат на юге. Не хотят женщины там ходить жарким днем в душных платках. Не хотят, чтобы их били плетью за любовь.

Анна когда-то интересовалась исламом, и ее поразила воинственность и фанатичность его проповедников. Вот, положим, имам Абу Ханифа из средневековья... Но разве и в те времена надо было быть таким злобным и агрессивным? «...Аллах приказал начинать войну и сказал: “Сражайтесь с ними, пока не исчезнет искушение”, “Убивайте многобожников, где бы их не нашли”». А вот слова ученого ханафитского мазхаба Шейха Абду-ль-Гания аль-Гунайми уже из XIX столетия: «Джихад является общественной обязанностью – если какая-то группа ведет Джихад, то с других эта обязанность снимается, если же никто его не ведет, то грех ложится на всех людей по причине оставления этой обязанности. Сражение с кафирами является ваджибом (обязанностью), даже если они не наступают на нас первыми». «Посланник Аллаха сказал: “Мне было велено сражаться с людьми, пока они не засвидетельствуют, что нет иного божества, кроме Аллаха. Если они засвидетельствуют это, то обезопасят свои жизни и имущество”»...

– Но это же геноцид! Почему надо непременно наступать на другие народы? Это узаконенный религией захват чужих пространств и унижение других жизней. Почему на меня, моих друзей и близких надо непременно наступать, что-то у нас отнимать и даже убивать?

– Да, наступают и заявляют, что «только Халифат может сделать бедность историей». За семьсот лет ничего не сделали, а теперь вдруг сделают...

– Неужели такие невежды?

– Дремучие... Объявили социализм низшей формацией и навязывают «экономику по шариату». Нет экономики по шариату! Беспроцентную ссуду объявляют находкой ислама, но простым гражданам и предприятиям ее давали и при социализме. Распределяют продукты по общинам. При социализме в трудные его годы люди имели талоны на все необхо-

димое. Хотят, чтобы коммунальные объекты стали объектами общественной собственности. При социализме прачечные и многое другое было общественной собственностью. Однако в нашей стране частная собственность, кто отдаст даже прачечную? И почти вся земля в руках феодалов.

Когда-то Анна встретила у Тургенева фразу: как только человечество перестанет бороться за социальную справедливость, книгу жизни можно закрывать. И какое благо, что еще находятся люди, которые в любой, даже в очень трудной для себя житейской ситуации, эту книгу держат открытой и не устают рассказывать о ней другим.

– Да, – согласился Рахман. – Это социал-демократия по-исламски. Она, как евнух в гареме, – охраняет любой гнусный порядок. Вроде хочет помочь жертве, но охраняет и насильника. Это когда много болтовни, и никаких дел. Каков итог? – переспросил он и тут же ответил, что частная собственность при попустительстве социал-демократии рано или поздно почти все у людей отнимает. И никакой шариат, никакие увещевания и призывы к совести и имени Аллаха тут не помогут. Все решает экономика, а не религия. Религия – это власть над душами, чтоб люди подчинялись и боялись что-либо изменить. Религия нужна феодалу, чтобы владеть душой дехканина, как счетом в банке, как собственной мотыгой.

– Что делает Фарук, который учился на философском? Он в Хартуме? – поинтересовалась Анна.

Когда-то студент с философского предал русскую девушку, испугавшись, что Рая не будет ему верной женой, если вдруг он окажется в изгнании. Но идеалам своей юности Фарук, судя по рассказам Рахмана, не изменял, никогда не выходил из компартии, хотя она уже много лет была в подполье и переживала не самые лучшие времена.

– Фарук выступает против утверждений Корана, что «воистину, неверующие являются вашими явными врагами», – рассказывал о своем соотечественнике Рахман. – Он ненавидит такие утверждения, как вот это: «О те, которые уверовали! Не берите неверующих себе в помощники и друзья вместо верующих. Мы приготовили для неверующих унижительные мучения»...

– Почему уготовлены мучения тем, кто далек от мусульманской религии? Как принять такой «добрый» совет?

– В общем, влез наш философ еще в тот террариум!.. – подтвердил Рахман и рассказал, что, конечно, братья-мусульмане не простили ему того, что он открыто заговорил о средневековой зловредности некоторых религиозных утверждений. Положим, древние авторы не предвидели, что когда-то рабства как нормы не будет на земле, и предлагали обществу правила поведения через ключ лютой несправедливости – покорности обстоятельствам, однако не борьбы за свою жизнь против дурных и глупых общественных явлений. То есть авторы были людьми только своего времени, а вовсе не учителями во всех тысячелетиях для многих поколений.

Работая преподавателем университета, Фарук открыто возмущался тем, что женщина по шариату не может выйти из дома без разрешения мужа, не имеет права работать без такого же разрешения, а молодые люди не могут жениться по любви, и полностью подчинены воле родственников.

– Уже всюду радио, телефон, Интернет, самолеты... Как можно в наши дни проповедовать рабство? – возмущался нынче и Рахман, а вспомнив Фарука, погрузился и добавил: – Мусульмане выслали ему фетву – предупреждение, что убьют его, если он не прекратит свои выступления на митингах.

– И как же он?

– Скрывается где-то... Вроде в Англии.

Но, кажется, готов был скрыться из этой жизни и Рахман. Жена не подзывала его к телефону, когда звонили друзья, которые остались на прежних позициях. Уничтожала газеты, еще защищавшие советские принципы жизни, они ей, видите ли, давно надоели. Контролировала почту. Все больше и больше ее безработный муж просто болтался на улицах. Но и на огромных московских проспектах ему тоже теперь было тошно. Особенно когда видел юных девочек в мусульманских платках.

— Зачем это им? — спрашивал он свою коллегу. — Они хотят многоженства?

— Как ни странно, уже хотят и этого, — отвечала она ему.

Рахман охотно и долго рассказывал, что в мусульманском обществе «запрещается мужчине смотреть даже на портрет женщины, тем более — с наслаждением». Шариат не признает красоту человеческого тела на фото, в скульптуре и на картине. Врач-мужчина имеет право осматривать больную только через... зеркало. Муж может избавиться от жены, не объяснив ей причин развода. При любом мусульманском браке обязателен выкуп.

— Как будто верблюдицу покупают и проверяют качество шерсти, окрас, способность к плодовитости... О любви речь в нашем обществе не идет.

Анне тут же представилось, каково нынче живется в кишлаке когда-то колхозному бригадир, шустрой и грамотной Мухтасар, где Сундук теперь открыто и нагло руководит жизнью уже почти на государственном уровне. Выстояла ли она, уехала ли, по-прежнему ли переживает за молодых, а может, как и Рахман, печально глядит в эту минуту на деревья вдоль улицы, на которой уже почти нет прежних лиц, а появились какие-то странные мрачные мумии, по нос закутанные в платки?

— Мы столько сил положили на то, чтобы мусульманские девушки спокойно учились, работали, гордились своими косами и прическами, а они... в Йемене, к примеру, уже проводят конференции, на которых сами женщины высказываются в пользу их же бития и кастрации... Объясни, что это? Мы не знали, что глупость человеческая бесконечна? Почему даже в России, еще недавно в гордой атеистической стране, девушки легко и охотно влезли в хиджабы? Знают ли они, что за этим стоит? — спросил Рахман свою спутницу.

— Что именно?

— Придет время, и их дочерей начнут отдавать замуж в девять лет... А то и в шесть... По шариату совершеннолетними считаются мальчики двенадцати лет и девочки с девяти лет.

— Но ведь в наше время это... — возмутилась Анна. — Это пора... и притом очень жестко — менять. В мечетях должны... Разве государственные установки не имеют значения?

— Государство? В нашем мире оно нужно только для того, чтобы подчинить его религии. И доить. Во все века. Да и женщины не отличают религиозный мираж от реальности и довольны уже тем, что сидят в четырех стенах. Но когда их дочерей начнут бить на площадях плетью за любовь к другому мужчине, когда им за это будут отрезать носы, как в Афганистане и Пакистане, — продолжал Рахман, — может, и одумаются... Я этим восхищаться не могу. Это за норму я не могу принять.

Умный и честный человек не может бежать вслед за регрессом. Не может спокойно вернуться на пятьсот или хотя бы на сто лет назад. Тупость признать за ум, подлость, даже после ее вселенской победы, — принять за истину. Рахман не вписывался в грязь нынешнего дня. Идеалы наживы, издевки по отношению к старым друзьям, мгновенная смена масок на собственном лице — не были ни прежней, ни новой его сутью. Этот человек всей своей мятущейся душой расплачивался за политическое предательство советских нуворишей, которые легко, будто птицы, спокойно перелетели в другую реальность. Но оставили за своей спиной кладбища, на которые бездумно уложили не только прежних сторонников, но и истины, во имя которых жили и трудились миллионы людей планеты. Кто бы объяснил, почему у честного человека всегда так много в душе рубцов?

В таком случае каков смысл величин постоянных? Нужны ли они, если на земле умирают даже вулканы. Когда за один только год подходят и отходят друг от друга миллионы мужчин и женщин. Если уходят в небытие вместе с эрой даже секвойи. Зачем тогда при шустрой изменчивости всего живого диковатым пустынным вараном застыть на тропях уже иной эпохи?

– Как по-твоему, что будет с твоей страной? – спросила коллегу Анна.

Сигарета опять мелькнула в руках Рахмана.

– Когда-нибудь кончится война между севером и югом, – объяснил он. – У каждого будет своя победа. Все, как и у вас. Только немного наоборот, – отвечал он неторопливо. – Ваши южане советскую страну обменяли на шариат, а русские говорили, зачем нам эти чурки-турки, когда у нас есть нефть? Страна от всех вас ушла, зачем ей такие придурки? Тем более – всех национальностей. И опереться не на кого.

– А у нас... – продолжал он, – южане останутся в бикини и со своими плясками. Однако с морем нефти под ногами. Президент же арабской части страны, северной, заявляет, что религиозное единство ему дороже территориального. В итоге арабы останутся только с шариатом. Но без нефти.

Столь математически выверенным прогнозом мог бы восхититься любой.

– Однако плясать южане будут недолго, – усмехнулся он. – Так и останутся голенькими. Скоро нефть у них отнимут. Подкупам и договорами. Не получится? Затем войной. Потому и воспользовались нашей распрей. Очень там шустрят израильтяне и настраивают христианскую интеллигенцию против арабского Севера. Я вообще думаю, не было ли создание государства Израиль – величайшей ошибкой человечества? Сколько войн и конфликтов эта страна еще спровоцирует?

Интересы американцев и израильтян понятны: как можно больше отнять у тех, у кого еще можно отнять. Не могла Анна понять другого: почему миллионы людей на советском юге при жесткой системе защиты каждой судьбы вместо реальной добротной жизни в собственной стране предпочли распри? Почему они отказались от страны, в которой для всех были рабочие места, пенсии, поездки в санатории, твердые границы?

– Они решили, что им еще больше достанется, когда уедут турки, русские и прочие... Квартирьы ведь с собой не увезешь. Жадность всех подвела.

Боль змеиным клубком давно свернулась в душе Анны. Ее близкие, бывшие одноклассники, учителя, соседи и просто многие земляки стали беженцами. Поезда приходили теперь из Средней Азии, перегруженные узлами и чемоданами так, что уже и пассажиры вываливались из вагонов, будто помятые и растерзанные баулы. Вытащив узлы на перрон, люди испуганно оглядывались, встречают ли их, помогут ли хоть в чем-то? Мечтать о распределении жилья, работы, еды, как это было в войну, когда мать Анны с новорожденным дитем на руках, расположившись вначале под вагоном, через неделю оказалась с крышей над головой, этим беженцам не приходилось. Тогда молодой женщине помог военкомат. Нынче страну рвали на куски не для того, чтобы кому-то помогать. Государство ломали, чтоб вырвать все у других только во имя себя, любимых. Новопредставленные «рубили капусту» быстро, где шумно, где по-тихому. Как получалось. Но все норовили подмять под себя.

Это была настоящая война мгновенно выпрыгнувшей, как черт из табакерки, нарождающейся буржуазии со своим еще ни о чем не догадывающимся народом. Коль были миллионы беженцев, значит, была и война. Но простой человек не видел врага, не понимал, не прощупывал его. Враг был невидим, как фантом, но действовал неумолимо, как радиация, все сжирая изнутри. Враг ездил в «Ауди», от него зависела будущая работа, учеба детей. Кто ж тогда догадывался, что олигарх – это просто оккупант, который оккупировал совместно нажитое имущество, а теперь выдавал его, видите ли, за свою собственность, личную, при том уже и... «священную».

Кого только в те дни не вмещала квартира Анны! Умоляющие глаза прежних друзей и знакомых глядели на нее то на кухне, то в комнате: помоги с каким-нибудь жильем, подскажи с работой, пусти в дом хотя бы на ночь...

Аферисты, которые ломали огромное государство, мозгов у них было меньше, чем у промокашки, от всех пострадавших прятались теперь за солидными дверьми своих кабинетов и трусовато выглядывали из окон, не привяжут ли эти прибывшие их к двум березам, не подкинут ли в воздух и вдруг на минуту отойдут?

Но беженцы вели себя на редкость тихо. Никого не подкинули, не привязали виновников своих бед к верхушкам берез, а сложили руки на груди и смиренно просили в разных конторских прихожах помочь им хоть в чем-то. И, конечно, от новой власти получили шиш с маком. Подают лишь профессиональным попрошайкам. Тех, которые и просить толком не умеют, а все что-то тихо и виновато бубнят себе под нос, просто гонят взашей.

Вскоре на вокзалах появились и бывшие хулиганы, кто на юге изгонял и бесчинствовал. Где в погромах, где по соседству втихую, ночью нашептывая по телефону, мол, если не уедешь, то найдешь тут два метра земли. Теперь и эти оказались в полном несчастье.

– Простые люди из местных не догадывались, что все отнимут и у них. Когда остановится производство, и все станут безработными. Социализм ведь ощущался как воздух, необходимый, однако невидимый. А хотелось еще и от капитализма многое прихватить.

Точку в этом прогнозе Рахман еще не поставил и добавил для Анны загадочное:

– Потом все отнимут и у элиты.

– Каким образом? – изумилась она.

– Открою и этот секрет. В вашей печати не пишут о том, что во многих мусульманских странах националисты и религиозные фанатики взялись за создание всемирной империи мусульман – Халифат. За счет России, в том числе. Английская разведка разработала эту схему. Чтобы массовой мусульманизацией людей выдавить на обочину Истории левую идею, чтобы во всех обществах мира тлел постоянный конфликт. Чечня – тому доказательство. Дагестан... Капитал решил прикрыться Кораном. И, как видишь, получается. Миллионы пошли на поводу чужой злобной выдумки. Капитал за свои интересы удачно сражается с помощью Корана. Лучшего оружия, против которого трудно возразить, и не надо. Даже ваш Горбачев ничего не разгадал, и, вернувшись из Англии, на последнем съезде Верховного Совета СССР предложил таджикам создать Мусульманскую партию. И пошло-поехало. Ради идеи создания Халифата во всех южных республиках начался кровавый процесс выселения славянского населения. Сколько трагедий, смертей! Ты сама это видела.

– Тьма крошечная! – воскликнула Анна. – Халифат... Но это же мираж! Полнейший астрал!

– Мусульмане теперь искренне верят в то, что при Халифате да с помощью Аллаха они непременно будут жить, как никто в мире. Отсюда и растут уши терроризма по всему миру. Любой ценой – мусульманскую умму величиной в земной шар!

– И за счет чего они будут жить хорошо? Неужели саудиты поделятся своими доходами на нефть? Не обломится. В этой выдумке – огромная доля ничтожности...

«Впрочем, о чем это я?», – оборвала себя Анна и сообразила, что древнейшая, неистовая тяга человека к толстой суме, хоть и нигде об этом не пишут в учебниках, по-прежнему ломает любые границы, растерзывает судьбы миллионов: умных скидывает в бездну небытия, слабых превращает в рабов, у романтиков отнимает мечту, космос и небеса, юных накачивает бездорожьем. И вот из-за этой алчной безответственности, хотя бы молекулой притихшей на доньшке души каждого, и погиб Советский Союз, отчего миллионы жителей уже несуществующей страны, будто стада тупых бизонов, безропотно и тихо разбрелись по всей земле. Без мечты, планов и надежд на устойчивость бытия. Даже толком нигде не восстав. Мало где бросившись на защиту и собственных жизней. Почему бы не застолбить во всех

книжках, что алчность делает тупым целое человечество? Неужели это и есть вечная шутка Сундука, которая так легко превращает человека в идиота?

– Конечно, Всемирная мусульманская умма – это мираж. Предлог, чтоб все воевали друг с другом. А под шумок и у этих отнимут все. Их же руками. Как в вашей стране. Американцы и англичане тоже строят свой Халифат.

И этим, выходит, Сундук нужен бездонный, радиус интересов которого, как сказал недавно один генерал, уже длиннее радиуса земного шара. И они хотят, будто индейцев, теперь все человечество затолкать в резервацию.

– Представляешь, что ждет цивилизацию...

– О чем еще не пишут в нашей печати? – поинтересовалась Анна.

На коленях коллеги тут же оказалась еще одна газета: на этот раз на арабском.

– О том, что в моей стране и южанам, и северянам грозит большое несчастье... Нынешняя война между племенами вскоре покажется ерундой.

Издание информировало мировую общественность о том, что Израиль, а это в первую очередь и в планах Америки, договорился с Танзанией и Руандой, что в Верховьях Нила будут построены пять плотин. Значит, Судан и Египет останутся без воды... И будут полностью, будто на цепи, зависеть от прихоти Израиля...

– Представляешь, какой ошейник для нас придумали? Наши источники жизни – реки Белый и Голубой Нил – превращаются в источники смерти, – возмутился Рахман. – На Иордане, хоть и прикидываются там овечками, тоже свой шариат – иудейской веры. И ради этого иудейского шариата они давно ломают кости многим. У них ведь даже в Талмуде написано, что только иудеи люди – остальные животные. Что стоит с таким мышлением отнять воду у миллионов? Если мы для Иерусалима лишь... вьючные мулы...

Перед Анной мгновенно открылась злодейская задумка, которую сотворили в мире с ее страной, необъятные пространства которой, огромные богатства, ее людские ресурсы давно и втихую разбирались и растаскивались под коряги, под камни, по норам. Под крыши чужих и далеких домов. По другим формациям. Незначительным и малым от природы, но обитатели коих уже подняли свои крохотные хитроватые головки над миром, как водяные змееныши над водой. Вот их провокаторы и долдонили, что страна должна быть маленькой и дешевой, чтоб никогда и никто не мечтал бы о большом и сильном гнездовье, какое еще недавно было у ста восьмидесяти народов. Потому и поучали, что бесплатное образование бывает только в зоне, мол, все тут дерьмовое и достойно уничтожения... Потому и были созданы в Кибуции управления по разрушению СССР. Потому отшвыривали от Советского Союза много лет тех, кто желал быть его единомышленником и другом.

Что же это за порода людей, заинтересованных в гибели собственной страны ради торжества чужих формаций?

Как-то на экране телевидения зачем-то спросили певца Андрея Макаревича:

– Вы что-нибудь сделали для разрушения Советского Союза?

Ответ последовал мгновенно:

– Во всяком случае, мы для этого сделали все.

В Америке за такой вопрос и ответ расстреляли бы. По суду. А нет, прямо на улице. Из-за угла. Нашлись бы фанатики, которые и до суда не дали бы дожить предателям. У нас же – многолетнее торжище измены. И чем подлее измена, тем больше наград и благ получил потом мерзавец при жизни.

Зачем ведущий задал этот вопрос, кому фактически Макаревич докладывал о своей не свойственной музыканту работе? Перед кем они отчитывались оба? И почему в той фразе не было ни грамма жалости к тем, кто стал беженцем, кого изгоняли, убивали... в итоге той грязной работы, во имя коей было «сделано все». Неужели и этот – кибуцник, то есть,

навсегда для Анны чужой, безжалостный, циничный, служащий каким-то чужим, утаенным целям?

По улице шла женщина. На неухоженных ногах ее – потертые шлепки, признак материальной и моральной незащищенности судьбы. На нее презрительно поглядывали из лакированной машины молодые люди, которые с удовольствием лакомились мороженым.

– Можем ли мы нашу страну вновь собрать? – спросила Анна.

Воцарилось неловкое молчание.

– Не знаю, – отвел в сторону глаза Рахман и дал новый комментарий: – У вас каждый хочет быть богатым. На кого ни глянешь, всех перекашивает от жадности. У всех в глазах по огромному доллару. Как вы соберетесь, если воспитан и уже поднялся такой скверный человек? Пирании за идеи не воюют. Они выхватывают кусок и мгновенно его проглатывают, чтобы тут же схватить другой. Скопище хищников уничтожить трудно. И самому можно превратиться в набор костей. Пирании с любым управятся мгновенно.

Недавно в печати мелькнуло сообщение, что у депутата Госдумы Резника на острове Майорка уже своя вилла, около берега плавает его шикарная персональная яхта, на вилле – дорогой антиквариат.

Все примитивно до посинения. К чему резникам Большая Родина со всеми ее проблемами, если у них есть прекрасная малая родина – вилла и яхта? Из большой лошади оводы только высасывают. И ради такой малой уютной и компактной родины они будут сражаться до кровавой пены на губах. Чужими, правда, руками. Каких-нибудь нищих и глупых наемников. И ради такой сказочной табакерки они ни пяди ее заколдованных пространств не отдадут и уничтожат все, что будет угрожать ее уюту и покою. Вот ради этого без какой-либо жалости они любую, даже не совсем отечественную войну развяжут.

Резники пришли на землю не для того, чтобы давать, а чтобы... брать. Ежедневно что-то прятать в сундук. У них, как и у кишлячной Марьям, жизнь хороша только в небольшом замкнутом пространстве. Им даже пещера велика. Только в набитом благами Сундуке исправно бьется их сердце, хорошо прощупывается их пульс.

Регионы проживания у жадноватой кишлячной Марьям и у Резника, конечно, разные, но страсти у обоих одинаковые, хотя масштабы у каждого несравнимые. Героев на таком базаре не бывает. Здесь только одно в голове: как бы присвоить, утаить, догнать, еще что-то отнять... И впрямь, ни любви между людьми, ни дружбы народов не бывает, когда их мозгами и душами руководит в первую очередь Сундук. Однако как лишить его такой гигантской власти над людьми, как захлопнуть его навсегда?

Лишь однажды за всю историю цивилизации его все же захлопнули, очень прочно, надолго, и люди Большого Проекта начали создавать блага для миллионов. Но алчность людская, вроде как артель «Кулацкая мечта», – взломала-таки крышку кованого сундука и опять с треском его распахнула. Мол, хватайте все, что можете: бани, прачечные, заводы!.. Глотайте суверенитеты, пока не поздно!! Живите только для себя! Для своей семьи воровать не стыдно. Советуем и рыбку чужую съесть, и кости для себя припрятать, вдруг еще пригодятся?

Граждане, которые пытались что-то уберечь, увещевать, подсказать толковое, объяснить что-то без какого-либо подвоха и пиара, были не в моде. Их высмеивали, передергивали соседи и родственники. А в первую очередь – дочери и сыновья от них отворачивались, как от изгоев. Потому таких правильных становилось меньше и меньше. Тотальная вражда между людьми стала новой религией. И никакое ...славие тут не поможет. Оно помогает лишь богатым. Ободренным вековечно рекомендуется... терпеть.

Началась эпоха отвертки. Глобальным потрошительством теперь занялись почти все. От страны отвергивали, отвинчивали, откалывали все, что можно. Даже огромные заводы разбирались мгновенно. Что в итоге потом произошло?

Миллионы людей кинулись к Сундуку, доверчиво над ним наклонились, что-то сглотнули до самых кишок, будто комаров в Заполярье, и отпрянули от той трещины, которая змеей проползла меж ними, кусая их слева направо и сверху вниз. Потом и вовсе не до укусов стало. Такая пропасть отделила всех, что и не верится уже, что когда-то в одной большой стране работали дружно и сообща.

И получилось все, как в народной сказке: была у зайца изба лубяная, а теперь ледяная. Чеши в затылке, думай, отчего у резников яхты и виллы? Не сам ли ты им помогал? Не сам ли лихо отдал свое? Не стыдно за то, что довел до такого разора свой дом? Как теперь управиться с этим?

Нет, выправлять уже ничего не надо, утверждают нынешние газеты. Идите в церковь, «гундяевки» теперь по стране в избытке. Падайте на колени, кайтесь в том, что целых семьдесят лет посмели не быть рабами.

Журналисты, которые когда-то пели на целине о том, что среди догорающих листьев они не умеют молчать, теперь дружно помалкивали, а если и заговаривали, то несли такое... уж лучше бы помолчали!

По утверждению нынешних начальников, от религиозных до идеологических, теперь лишь толерантность нужна (то же самое, что и терпение)! На тысячелетия! И не смейте, козюки, трогать чужую собственность. Уже, видите ли, чужую! Отгороженный кусок земли у реки и алмазные копи. Ваши – только болота! Осталось еще провести границы по Солнцу. Чтоб для нас всегда было чудное лето. А вам... и мерзкая осень сойдет. Холодно? Работать будете лучше.

Вот и подумай, как вернуть подлинному, то есть коллективному, собственнику нефть и газ, чтоб в ледяной стране во всех жилищах было тепло, если капитал плодит вокруг лишь стаи пираний?

Ну а вдруг, а все же, вдруг где-то в нашей эпохе уже родился Спартак?..

Не Христос... Нет! Социал-демократия в религии тут же кинется мирить жертву с насильником, всем зазывно пообещает рай, в котором вы непременно будете нюхающим розы бездельником. Но вот лишь одна заковыка: когда вас уже не будет в земном пространстве. Когда вы улечитесь, будто эфир. Вот этому газоносному облаку и будет, дескать, идеально за облаками. Только потерпите, пожалуйста, нынче любую гадость от негодяев.

Для виду, формально, религия всех устроит, но ничего на земле практически не делает. Именно это очень устраивает его величество Сундук. Ибо капитализм и религия – близнецы-братья, друг друга поддерживают, будто хромым со слепым. И все время они друг друга спасают. Именно потому несколько тысячелетий безмятежно идут они по земле рука об руку.

Там, где социализм, религия умирает. Тут все как-то реальнее, чем на небе, дается человеку. Будто спринтер, социализм в поте лица своего добирается до каждого, перед каждым на ладони тянет то, что у него есть, за душою ничего не прячет, тут облака несбыточных надежд как-то не особо нужны. Ежели только совсем уж слабеющим.

А коль нет явно несправедного, хищнически устроенного общества, надламывающего собою все, как тут быть в чьих-то жизнях религии? При социализме религия живет, как и народ, на равных, по труду, по зарплате, а кому такая уравниловка понравится?

Церкви надо величаво в пасхальную ночь шагать по улице, внушая людям необходимость подчиняться в первую очередь только ей. Церковь лишь на той стороне, где огромная ее власть над людьми и богатством. А когда подчинение царствует над сознанием, там и понесут в твой дом все. Каждой религии также необходим свой халифат. Сочетание эфемерных и материальных позиций.

Церковь обожает ротозеев. И они к ней стаями летят, доверчивые, наивные, нуждающиеся в том, чтоб их, даже сорокалетних, по головке погладили да что-нибудь заоблачное, неосуществимое пообещали. И матерым дельцам иногда надоедает жить без дешевых ска-

зочных аномалий, им тоже порою хочется подлететь к облакам, да заглянуть, что же там? Вдруг там и впрямь все их проделки простят и дадут к тому же разрешение еще на десяток гнусных сделок? Ведь в реальной жизни не все пока прихвачено, нужно засунуть в карман еще с десяток фабрик и заводов, а для этого придется разорить сотни, а то и тысячи людей.

Каждому бизнесмену тоже необходим свой ареал обитания. Чем шире, тем лучше, и строить, очерчивать свое пространство, набивать его добром под самую крышку, он будет до тех пор, пока не закроются глаза. Грех, конечно, велик! Но всегда найдется тот, кто за мзду отпустит любые грехи да еще приголубит в надежде на будущие подношения. Оттого колесо захвата, набирая скорость, катит дальше. И как тут подсказать хоть некоторым, что заводы и фабрики, как и прежде, должны кормить всех, а не единицы?

Но людям надоело жить в прошлых измерениях. Им вдруг захотелось вывести, что сулит новая жизнь, коли они теперь не обладатели гигантской коллективной собственности? Им захотелось узнать, каково это – жить не только политическим, но и реальным бомжем?

Ну, и подскажешь кому-нибудь об этой глупой сделке народа, выслушают тебя десять человек из тех, кто когда-то нанес себе ущерб, а дальше что? Где найдется тот, кто способен на действия? Когда даже полиция исправно уже служит лишь Сундуку... Любому единоличному халифату, тому, кто заплатит.

Но... думай – не думай... Автор не может помочь всем ротозеям. Они к тому же ругаются, когда им что-то подсказывают. Мол, кто тебе за это платит, признавайся! Такие ошибок, как правило, не признают. С ними и умирают. Безропотно. Страну никогда не могут отнять у въедливых и дотошных. Государство отнимают лишь у бездумных тараканов.

Обреченное поколение, которое на невероятные трудности обрекло себя само, пожалав вдруг хапнуть и отвернуться, чтобы в одиночку съесть украденный на столе кусок. Не догадываясь вовсе, что утащен этот шмат у себя же.

Остается надежда: вдруг нашим детям захочется двинуть к иным Созвездиям... Вдруг и они пожелают узнать, что это за жизнь такая, когда между людьми лишь равенство и братство? И тогда, скорее всего, не будут увозить глупых девчонок из края имени Рытхэу в далекие регионы на продажу.

А тогда... вдруг и наши внуки построят свой Ферганский канал! И Днепрогэс, и вновь перегородят Саяны! И отправятся на Марс за веткой сирени! А может, и дальше... Прямоком к планете Нибиру, на которой, как и на Земле, утверждают астрономы, можно жить, а коли трудиться, то, конечно, с точки зрения умного общества, трудиться сообща!

Не веками же, упрятавшись в Сундук, жевать мелкий прожект, по которому помнить нужно только о себе, лавочку мастерить лишь для себя и суп в тарелку наливать только себе.

Но пока перед Анной – примитивная явь. В которой уже почти не читают газет. Ни в метро, ни в автобусах. Не получают ордеров на бесплатные квартиры. Не летят по улицам высунувшиеся из окон автобусов пионерские горны, радостно трубившие всему миру о том, что дети – есть лучшее на земле. Это и впрямь надежда! У всех поколений. На лучшую мысль. На большую чуткость и справедливость. И на огромные открытия! Не только технологические. Но и в области человеческих отношений... целой цивилизации!

– Надо идти домой! – напомнил о себе Рахман, и сгорбился, будто уходил в склеп.

Конечно, в его душе напрочь теперь поселилась безысходность. В стране, которую он так любил, надругались над дорогой ему идеей, вырвали из него, впрочем, как и из миллионов, стержень, на котором держалась вся его жизнь.

По улице уходил человек, из кармана которого уже торчала... бутылка. И прикладывался он к ней теперь и от баловства, и от настоящего мужского горя, из-за ощущения, что у него уже в судьбе отнято все.

По улице, не торопясь, уходил человек, которому Анна, несмотря на все к нему уважение, ничем не могла помочь, потому что не было между ними... любви, а было только понимание. Очень глубокое, но товарищеское...

А любовь... она как-то иначе, в каких-то иных мирах зарождается, то ли ветерок меж дубами особый нужен, то ли чтоб улыбнулся кто-то рядом иначе. И чтоб звезды ниже опустились, чтоб шепнули они такое... Попробуй тогда догони их намерения и мысль!

– погоди, Рахман, подожди минутку... – остановила она его и, потупившись, тихо спросила:

– Скажи, как там Хади?

Какое-то время ветви берез привлекали внимание Рахмана.

– Вы что, сговорились? – наконец-то произнес он и, улыбнувшись, внимательно глянул на Анну. – Когда Хади увидел меня в Хартуме, тоже в первую очередь спросил о тебе.

– Вот как...

Дорожка опять начала шириться между ними, вот уже и до саженца около газона дотронулся Рахман.

– Набери в интернете его фамилию на английском, и все узнаешь, – как всегда, дал он разумную подсказку и заторопился: – Скоро свадьба у Кати, я тебя приглашу.

На эту свадьбу они не попали оба. Боясь, что Рахман в день торжества ляпнет что-то неподходящее, съязвит по какому-либо поводу или, что еще хуже, начнет защищать уже умершее государство (с точки зрения жены – наконец-то сдохшее) и не в меру напьется, Лена под предлогом лечения почек через своих родственников устроила супруга в больницу, адрес которой никому не дала. И никто не принес больному в палату его любимых газет, ни одного бутерброда.

Хотя нет... Однажды в больницу пришла жена. Посидела рядом, поговорила, а когда медсестра вызвала пациента на процедуру, обшарила его постель и унесла последние крохи, которые больной заработал своей аналитикой на какой-то арабской радиостанции, где его не забыли, где еще ценили не утраченное им мастерство.

Сама Лена, вернувшись из Хартума в Москву, ни одного дня не работала, считая, что всегда и везде ее должен содержать муж.

Обчищенный карманниками всех типов, от домашних до политических, Рахман вскоре умер. Но зато с какой помпой, будто самая преданная и любящая жена, на деньги, собранные его друзьями, повезла Лена прах мужа в Нубию, в которую ему нельзя было ни на минуту вернуться домой живым.

Интернет – великая деревня, радость для миллионов людей в эпоху, когда неподъемные цены на поезда, самолеты, телефонные звонки и телеграммы кому угодно вывернут карман наизнанку. Интернет – это как тропки по лугу меж деревьями, дороги к неведомым прежде городам и, что когда-то было неслыханно, доступная трасса даже меж континентами.

Интернет сократил расстояния, сблизил эпохи, объяснил чьи-то поступки, помог поговорить мужчине и женщине, не отпустил лишней раз на улицу озорника, рассказал о клеродендруме, подсказал, как найти редкую книгу о древнем Востоке, в один миг отнес, как джинн, к излучине Нила.

На сайте «Анекдоты» кто-то опубликовал утверждение, что Интернет подобен автомобилю, может отвезти в библиотеку, может и в кабак. Однако от человека зависит, куда ляжет его ближайший путь.

Анну больше тянуло к заповедникам, неведомым рекам, к горам, по которым будто сама бродила, к океанам, на песках которых будто бы когда-то жила. В далеких снах, в каких-то неведомых жизнях. Как жаль, что наяву такие полеты над земными пространствами мало кому доступны. Но океан мыслей, к счастью, доступен каждому.

Домой или в кабак? Анна спешила к столу, за которым хоть что-то можно узнать о родине Хади. А там... по-прежнему Север презирает Юг, который до сих пор, видите ли, равнодушен к исламу. Юг ненавидит север. Южане напали на Омдурман и Хартум, бомбили города. Людей скашивали пулеметные очереди на улицах и в огородах. Вечером суданское телевидение объявило о полном разгроме боевиков и об убийстве руководившего нападением Мохаммеда Салеха Гарбо и командира разведывательной службы южан-повстанцев.

Налетчики – арабы с севера – в свою очередь захватили в рабство тысячи черных южан народности Динка. Женщин и детей после тяжелой работы в полях заставляли жить в загонах для коз. Продажа рабов, как и в древности, вновь стала прибыльным делом.

На другом сайте Анна увидела страшное зрелище: на центральной площади Хартума, в огороженным глиняным забором закутке, с чахлыми вокруг него кустами, огромные верзилы в тщательно отглаженных голубых униформах с мощными бичами в руках, которыми, как правило, яростно щелкают по хребтам быков, хлестали высокую девушку, одетую в какие-то смертные, черные с головы до пят, одежды.

Как же кричала эта чернокожая девушка, уползая поближе к машине, как отчаянно хваталась за хлыст в надежде, что поймает его и хоть чуточку смягчит свою боль! Но огромные мужчины, похожие скорее на скот, нежели на людей, только смеялись...

За кого, объясните, в этой стране выходить женщинам замуж? Кто может быть таким вот избранником, чтобы девушка искренне ему сказала: «Я тебя люблю! Как ветерок в поле, как цвет на лугу, как жеребенка в пойме! Ты мой самый прекрасный!...»

«Прекрасный»... с бичом в руках... И с животным гоготом из глотки! При виде женского отчаяния и боли...

За что же девушку наказывали, отчего еще девять жертв в этот день перенесли такую же экзекуцию? По Шариату, который приобрел в Судане государственность, девушек истязали лишь за то, что в двадцать первом веке посмели они придти в ресторан в... брюках!

– О, небеса! – схватилась за голову Анна при виде этого мерзкого средневековья. – Как можно целому государству докатиться, опуститься до такого?

«А впрочем, если бы тогда, в далеком 1971 году, в борьбе с мусульманином Нимейри победили бы коммунисты, кто посмел бы нынче истязать этих девочек, праздновал бы Шариат в наши дни свою подлость по отношению к беззащитным? Кто своим давним безучастием, пусть хоть и косвенно, виноват в беде этих девчонок?

Значит, правы все-таки южане, коль не хотят, чтобы их жен и дочерей вот так же прилюдно били огромными бичами, предназначенными для скота...

Но и южане, о чем рассказывал далее Интернет, между собою после победы не ладили. Шесть тысяч воинов племени Нур в Южном Судане напали на город Пибор, где живет враждебное им племя Мерл. Здания подожжены, в том числе и больница.

После трех дней осады войска Северного Судана заняли столицу нефтеносного региона город Абьей. Благотворительная организация «Врачи без границ» обеспокоена судьбой более 130 своих сотрудников в Южном Судане. Потом войска Южного Судана освободили район Абье. Войска Северного Судана опять отбили этот драгоценный район.

Так что война в этой стране гремит не только на компьютерном экране. В итоге поднялась плата за образование, поднялись цены на хлеб и отопление, полиция окружила университеты в Хартуме, Омдурмане, пустила слезоточивый газ и била возмущившихся студентов дубинками.

На официальном экране российского телевидения – ни слова об этих кровавых событиях в центре Африки. С болью в душе откликнулся на происходящее лишь один неведомый поэт с Урала – Сергей Сероухов.

Людская глупость неустанна,

От колыбелей до седин.
Теперь на свете два Судана,
А раньше – был всего один.

И как-то сразу стало жутко
Народам прочих, дальних стран.
Ведь это все-таки не шутка,
Ведь это все-таки Судан

Планета трауром укрылась,
Поналетело воронье.
И курс рубля заметно вырос,
К Суданской, этой... как ее?

Перемешались в общей массе
И детский плач, и женский стон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.